355.48(2)
Б-79

Е. А. Болтин

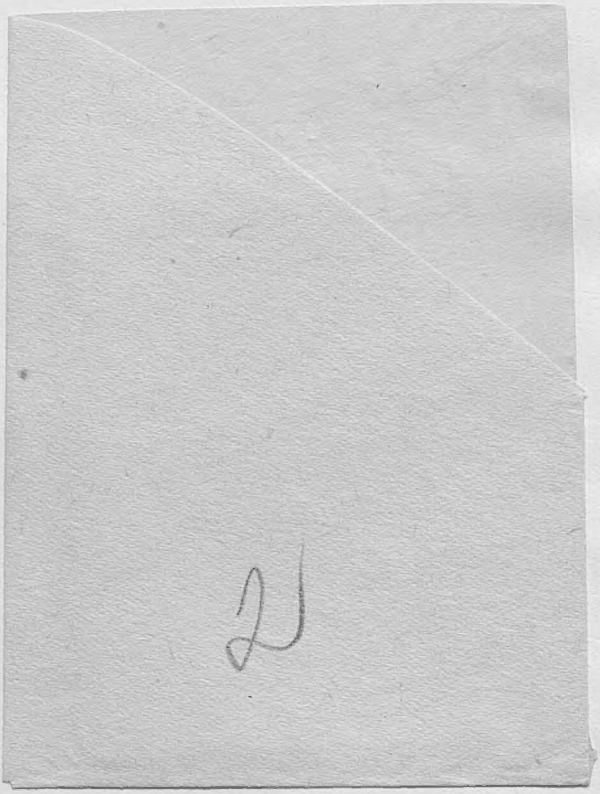
КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА И РАЗГРОМ КОЛЧАКА

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 61 г.

Проверено 2015

ПРОВЕРЕНО 1980 г.



Полковник Е. А. БОЛТИН
кандидат военных наук, доцент

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА И РАЗГРОМ КОЛЧАКА

(1919 г.)

11799

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА Г. ЦВММ СССР

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва — 1949

355.48(р)
Б-79

Полковник Е. А. Болтин

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА И РАЗГРОМ КОЛЧАКА (1919 год)

В книге освещаются боевые действия на Восточном фронте весной и летом 1919 г. Наиболее подробно излагаются ход и результаты контрнаступления армий Южной группы этого фронта, войсками которой руководил М. В. Фрунзе (Бугурусланская, Белебейская и Уфимская операции); о последующих событиях, вплоть до окончательной ликвидации колчаковщины, дается лишь общее представление.

Книга предназначается для генералов и офицеров Вооруженных Сил СССР, изучающих операции гражданской войны в СССР.

ОТ АВТОРА

Интервенция в Советскую Россию империалистических государств Антанты и развязанная ими гражданская война 1918—1920 гг. развертывались в обстановке, обусловившей характер начальных операций Красной Армии. Интервенция — эта война худшего типа[1] — была начата империалистами тайно, воровским образом, причем почти одновременно на всех окраинах Советского государства. Воспользовавшись внутренними трудностями, которые переживала в то время молодая, еще не окрепшая советская власть, и фактическим отсутствием у нового государства трудящихся собственных вооруженных сил, интервенты как с помощью своих войск, так и силами наймитов-белогвардейцев опоясали нашу Родину огненным кольцом фронтов, официально объявив блокаду России. Уже к концу 1918 г. наша страна оказалась отрезанной от морских коммуникаций с внешним миром, от источников сырья, угля, нефти и от основных хлебородных районов.

В этих условиях первоначальные операции Красной Армии, которую партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным формировала и строила в ходе войны, естественно, носили характер стратегической обороны, связанной с временной потерей значительной территории и с вторжением крупных сил противника в глубь страны.

Но уже к весне 1919 г. Красная Армия, обогащенная сталинским опытом борьбы за Царицын и под Пермью, выросла и окрепла настолько, что оказалась способной не только отразить наступление врага, но и перейти в широкое контрнаступление. Речь идет не о контратаках и контрударах местного характера, а именно «...о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение»[2].

Таким контрнаступлением большого стратегического масштаба явились операции против войск Колчака, начатые наступательными действиями Южной группы армий Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе в апреле — мае 1919 г. Три последовательные операции Южной группы (Бугурусслан-

[1] История ВКП (б). Краткий курс, стр. 217.

[2] Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина, журнал „Большевик" № 3, 1947, стр. 8.

ская, Белебейская и Уфимская), подчиненные общей цели разгрома главных сил Колчака — его Западной армии, проведенные по одному замыслу и плану, представляют собой поучительный пример стратегического контрнаступления. Это контрнаступление было начато в разгар наступательной операции противника, причем первый удар был нанесен в момент, когда наступление белых уже исчерпало себя, сила их порыва ослабла и в растянувшемся фронте образовались значительные разрывы между отдельными группировками войск.

Операции Южной группы в нашей военно-исторической литературе до сих пор было принято называть контрударом. Однако такое название неверно по существу и не отражает всего оперативно-стратегического содержания действий Южной группы. Контрудар — понятие оперативно-тактическое. Оно означает активные наступательные действия, предпринимаемые в ходе оборонительного сражения силами главным образом вторых эшелонов и резервов (армии, фронта) с целью нанесения поражения прорвавшейся группировке противника и восстановления нарушенного им тактического и оперативного положения обороны. Контрудар может перерасти в общее контрнаступление, но может и ограничиться достижением ближайшей, тактической цели.

Что же касается контрнаступления, то оно является понятием более широким, оперативно-стратегическим. Контрнаступление предпринимается максимумом сил и преследует далеко идущую цель — нанесение поражения основной группировке противника, вплоть до полного его разгрома.

Именно такое контрнаступление имело место на Восточном фронте весной 1919 г. Начатое тремя армиями Южной группы, оно затем переросло в общее стремительное наступление всего Восточного фронта, наступление, доведенное в конце концов до стратегической цели — полного военного и политического разгрома колчаковщины и ликвидации диктатуры Колчака. Операции Южной группы явились первым и исключительно важным этапом этого стратегического контрнаступления. Они знаменовали начало разгрома Колчака и сыграли решающую роль в создании условий для его успешного завершения.

Составным элементом контрнаступления Южной группы были частные контрудары, непосредственно предшествовавшие переходу в общее наступление. Можно даже сказать, что эти контрудары, осуществленные в конце апреля 1919 г. войсками 20, 24 и 25-й стрелковых дивизий, открыли собой общее контрнаступление и явились необходимой предпосылкой его успеха.

В операциях Южной группы ясно виден сталинский стиль планирования и руководства войсками, присущий одному из ближайших соратников и лучших учеников Ленина и Сталина — Михаилу Васильевичу Фрунзе. Действия Южной группы развернулись в период, когда был зафиксирован в известном «Отчете комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу

Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 года» сталинский опыт работы по оздоровлению Восточного фронта, когда VIII съездом партии уже были приняты развернутые решения по военному вопросу. Весна 1919 г. была периодом окончательного становления Красной Армии как регулярной и дисциплинированной рабоче-крестьянской армии. Огромная организационная и теоретическая работа по основным вопросам военного строительства, проделанная Лениным и Сталиным в 1918 г., дала богатые плоды. Именно эта работа создала организационные и политические предпосылки для успешного перехода Восточного фронта в контрнаступление против сильного и хорошо оснащенного врага — колчаковщины.

Однако контрнаступление Южной группы еще не может считаться законченным образцом операции подобного рода в гражданской войне. Впоследствии Красная Армия провела ряд блестящих контрнаступлений, в числе которых первое место по глубине замысла, решительности достижения цели и блеску выполнения принадлежит операции по разгрому Деникина, проведенной по плану и под руководством товарища Сталина.

Но если сталинская операция по разгрому Деникина явилась вершиной советского военного искусства эпохи гражданской войны, то контрнаступление Южной группы было необходимой ступенью, обеспечивающей восхождение на эту вершину. Следует учесть и то огромное, решающее для судеб советской власти значение, которое имел сам по себе разгром Колчака — основного и наиболее опасного врага Советской республики весной 1919 г. Отсюда ясен и тот интерес, который вызывает изучение операций Южной группы.

Данная работа не преследует цель изложить всю историю борьбы с колчаковщиной или полностью описать операции Восточного фронта по разгрому Колчака. Автор ставил перед собой задачу рассказать лишь о контрнаступлении Южной группы армий Восточного фронта, охватывающем операции, проведенные Красной Армией южнее р. Камы в период апрель — июнь 1919 г. Естественно, что описание этих операций потребовало и более широкого освещения военно-политического фона гражданской войны на Восточном фронте в 1918—1919 гг.

Читателям, желающим подробнее ознакомиться с документами, цитируемыми в книге, следует обращаться к сборнику «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» (Воениздат, 1941 г.), где опубликовано большинство использованных автором документов.

Схемы, помещенные в книге, составлены по старой карте десятиверстного масштаба (1 : 420 000, лл. 109—111 и 128—130), которой и рекомендуется пользоваться при более глубоком изучении материала. Отсутствие на схемах некоторых мелких пунктов, упоминаемых в тексте, объясняется, с одной стороны, неполнотой десятиверстной карты и, с другой стороны, мелким масштабом схем.

ГЛАВА I

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ И КОЛЧАКОВЩИНА

Интервенция и гражданская война

Гражданская война, вспыхнувшая в нашей стране вскоре после исторической победы Великой Октябрьской социалистической революции и длившаяся целых три года, была вызвана и начата побежденными эксплоататорскими классами. Но не одни российские фабриканты и помещики, монархически настроенные генералы и офицеры царской армии, крупные чиновники и черносотенное духовенство, торговцы и дельцы пошли войной против народа. Сила контрреволюции заключалась не в ней одной: российские белогвардейцы в гражданской войне выступали как вооруженный отряд международного империализма, как исполнители воли мирового капитала в союзе и при полной поддержке иностранной интервенции.

«Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать как борьбу исключительно внутреннюю, — говорит товарищ Сталин. — Но мы все знали, и не только мы, но и весь мир знал, что за спиной этих контр-революционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна» [1].

Интервенция и мятеж внутренней контрреволюции созревали одновременно.

«...уже в первой половине 1918 года сложились две определенные силы, готовые пойти на свержение Советской власти: иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России» [2].

Каждая из этих сил имела свои преимущества: у империалистических держав (Англии, США, Франции и др.), объединившихся для войны с Германией, были деньги и неограниченные запасы оружия; у российской контрреволюции было недо-

[1] И. Сталин, Об оппозиции, ГИЗ, 1928, стр. 425.
[2] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 216.

статочно денег и мало оружия, но зато у нее были руководящие военные кадры в лице белого генералитета и офицерства, а также некоторое количество людских сил для формирования армии в лице кулачества, контрреволюционной части казачества и различных деклассированных элементов. Эти кадры и были использованы для создания белогвардейских военных формирований.

Выпадение России из империалистической цепи, революционный выход ее из первой мировой войны, материальный ущерб, нанесенный международной буржуазии пролетарской революцией, и, наконец, боязнь того, что массы трудящихся в странах капитала последуют примеру своих русских братьев, — все это вызывало бешеную, звериную ненависть империалистов всего мира к молодой Советской республике. Интересы капиталистов всех стран, в том числе и воевавших между собой, в вопросе об отношении к советской власти сходились в одном фокусе: интервенция, вооруженная попытка свергнуть власть трудящихся и восстановить в России капиталистические порядки. Немецкие милитаристы первыми открыто вторглись в пределы Советской России, пользуясь ее временной военной слабостью. Но и бывшие союзники царской России, в лице своих империалистических правительств, не отставали от Германии. Сразу же после Октября они начали подготовку к интервенции.

Еще 30 ноября 1917 г. представители Антанты в Париже решили вопрос о вооруженном вмешательстве в дела русского народа. Тем самым была образована военная коалиция бывших союзников России против Советской республики. А через месяц английский и французский генеральные штабы втайне от остальных партнеров по интервенции заключили секретный договор о фактическом разделе России — так называемое «Англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г., определяющее французские и английские зоны действия».

Это соглашение предусматривало, что «...Англия получает в России «зону влияния», дающую ей кавказскую нефть и контроль над Прибалтикой; Франция — тоже «зону», дающую ей железо и уголь Донбасса и контроль над Крымом. Этот тайный англо-французский договор лег в основу политики, которую Франция и Англия проводили в отношении России в течение нескольких последующих лет»[1].

От обсуждения планов империалисты Антанты быстро перешли к делу. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились две японские дивизии, 12 апреля — около дивизии англичан. Вслед за английскими и японскими войсками в Сибири появились французские и итальянские. Американцы, спеша захватить свою долю при предполагаемом дележе России, также готовили к отправке из Сан-Франциско на Дальний Восток дивизию под

---

[1] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России (перевод с английского). Гос. изд-во иностр. литературы, М., 1947, стр. 22.

командованием генерала Грэвса. Кстати, приказ об отправке этой дивизии и еще двух полков из Филиппин, высадившихся во Владивостоке 15 и 16 августа, отдал хорошо известный советским людям, верный слуга американского империализма генерал Маршалл.

Интервенты действовали по общему плану: объединенное руководство их войсками на Дальнем Востоке и в Сибири было возложено на английского генерала Альфреда Нокса (бывшего английского военного атташе и начальника английской военной миссии в Петрограде) и французского генерала Жаннена. Кружным путем, через Америку и Китай, уже пробирался в Сибирь будущий «верховный правитель России», ставленник английской разведки, адмирал царского флота Колчак.

13 апреля в Мурманске высадилось более дивизии англичан под командованием генерала Аронсайда, получившего задачу захватить также и Архангельск, а затем двинуться на Москву. Вскоре за английскими здесь появились и французские войска.

Масштаб действий интервентов непрерывно расширялся. В июне крупный отряд англичан вторгся в пределы Советского Туркестана с задачей отторгнуть его от Советской республики. В июле англичане, действуя с территории Ирана, захватили Баку. В Закавказье по сговору с немцами вторглись турки, войска которых дошли до линии Баку — Тбилиси — Кутаиси — Сухуми. Эскадры Антанты бороздили воды всех морей, омывающих наши границы: Балтийского, Белого, Черного, Японского. В крупнейших морских портах — Мурманске, Архангельске, Владивостоке — дымили трубы иностранных военных кораблей.

Но руководителям и вдохновителям интервенции всего этого было еще мало: не ограничиваясь присылкой войск, они развернули внутри Советской республики широкую подпольную контрреволюционную деятельность, использовав для нее, вопреки международному праву и обычаям цивилизованных народов, свои официальные дипломатические представительства и военные миссии, аккредитованные при царском, а затем Временном правительствах. Англичанин Брюс Локкарт, «специальный уполномоченный английского военного кабинета», бывший посол США в России банкир Дэвид Фрэнсис и бывший французский посол Нуланс возглавили эту тайную армию шпионов, провокаторов и террористов.

В мае 1918 г. агенты Антанты организовали вооруженный мятеж чехословацкого корпуса. Этот корпус, численностью свыше 40 000 человек, был сформирован на территории России из чехов и словаков — военнопленных, бывших солдат и офицеров австрийской армии, и был предназначен к участию в войне на стороне Антанты. Советское правительство разрешило чехословакам, при условии сдачи оружия, отправиться в Западную Европу через Сибирь и Владивосток, так как путь через Украину был закрыт немцами. Чехословаки, обманутые

своими генералами и офицерами и подстрекаемые эсерами и другими русскими белогвардейцами, подняли мятеж в тот момент, когда железнодорожные эшелоны корпуса, двигаясь на восток, растянулись по великой магистрали от Волги до Владивостока. 25—26 мая они захватили Мариинск и Новониколаевск (ныне Новосибирск), 27-го — Челябинск, 29-го — Пензу, 30-го — Сызрань, 7 июня — Омск, 8-го — Самару (ныне Куйбышев), 29-го — Владивосток, 5 июля — Уфу. Вследствие этого огромная территория Заволжья, Урала и Сибири почти одновременно оказалась охваченной пожаром гражданской войны и фактически отрезанной от центра Советской республики.

В то же время шпионы держав Антанты готовили контрреволюционные восстания в Москве, Петрограде, Ярославле и других советских городах.

Таким образом, уже к лету 1918 г. Советская республика была со всех сторон буквально обложена войсками и флотами интервентов, отрезана ими от всего остального мира.

На окраины страны, захваченные интервентами, устремились контрреволюционные и белогвардейские элементы, отщепенцы русского народа, для которых иностранные рабовладельцы были желанными хозяевами. Ненавистники советской власти не ошиблись: щедрой рукой интервенты начали снабжать формирующиеся белогвардейские отряды деньгами и оружием, рассчитывая продажными руками изменников завоевать и окончательно покорить себе нашу Родину, сделать ее своей колонией, предметом империалистического дележа...

«...Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции, — говорит товарищ Сталин. — При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контр-революционных сил против революции»[1].

Иностранная интервенция в нашей стране в 1918—1920 гг. явилась именно таким организатором гражданской войны против трудящихся классов, победивших в Октябре. Интервенция создала те притягательные центры, вокруг которых группировались силы внутренней контрреволюции. Руководители интервенции снабжали русских белогвардейцев, украинских националистов, грузинских меньшевиков и других контрреволюционеров оружием и деньгами. Если бы не ввод иностранных войск, если бы не чужеземная помощь белогвардейцам, советский народ быстро ликвидировал бы угрозу контрреволюции, и наша страна была бы избавлена от трех лет напряженной

[1] И. Сталин, Об оппозиции, ГИЗ, 1928, стр. 425.

войны, стоившей жизни миллионам трудящихся и вызвавшей небывалые страдания масс и разорение народного хозяйства.

Вот почему свой счет за бедствия гражданской войны народы Советского Союза предъявили прежде всего организаторам и покровителям иностранной интервенции — империалистам Англии, США, Франции, Японии и других стран Антанты, разгромленной германской военщине, всей жадной своре международных дельцов, рассчитывавшей не только задушить ненавистную им пролетарскую революцию, но и нажиться на ней, захватив и поделив между собой территорию и естественные богатства $^1/_6$ части земного шара.

И не случайно, что спустя тридцать лет в списке современных поджигателей войны, ярых ненавистников Советского Союза мы встречаем знакомое имя злейшего врага нашей страны Уинстона Черчилля. Товарищ Сталин в марте 1946 г. напомнил нам, что Черчилль «...организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки г. Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение» [1].

Захват интервентами Дальнего Востока и Сибири

Во второй половине 1918 г. главным и основным плацдармом военной интервенции стран Антанты сделалась Сибирь. Это обусловливалось рядом причин. Прежде всего, пока еще не была окончательно сломлена военная машина кайзеровской Германии, пути вторжения в советскую страну из Западной Европы для империалистов Антанты были закрыты. Северные же и дальневосточные границы Советской республики были доступны для интервентов, и они немедленно воспользовались этим обстоятельством. Однако северные районы нашей страны были малоудобны для действий войск интервентов, да они и не могли рассчитывать встретить там реальную поддержку серьезных сил внутренней контрреволюции. Поэтому кратчайший путь вторжения в глубь нашей страны с севера, через Архангельск и Мурманск, казался организаторам интервенции недостаточным; они использовали также и более длинный — кружный путь — через Дальний Восток и Сибирь. Здесь интервенция находила благоприятную почву для развития военных операций: обширная территория и естественные богатства

[1] „Правда" от 14 марта 1946 г. В число 14 государств, об объединенном походе которых против Советской России говорит Черчилль в своей книге „Мировой кризис", входили следующие капиталистические страны: Англия, Франция, США, Япония, Германия, Италия, Чехословакия, Сербия, Китай, Финляндия, Греция, Польша, Румыния и Турция.

театра войны, известные слои населения Сибири, находившиеся под влиянием антисоветских политических партий и группировок, хотя и длинные, но зато обеспеченные коммуникации через Тихий океан, — все это делало сибирское стратегическое направление наиболее выгодным для планов интервентов.

Реализации этих планов чрезвычайно способствовал инспирированный интервентами мятеж чехословацкого корпуса. С момента мятежа активность интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке резко возрастает, и начинается усиленная «идеологическая» обработка мирового общественного мнения с целью оправдать грубейшее и открытое вмешательство во внутренние дела русского народа.

В начальный период интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири все принимавшие в ней участие державы в лице своих правительств обнародовали ряд заявлений и деклараций, в которых излагали официальные мотивы интервенции. Эти лживые документы служили дымовой завесой, скрывавшей действительные намерения империалистов. Общими для всех деклараций являлись два тезиса:

1. Интервенция якобы предпринималась главным образом в целях помощи чехословакам, ставшим «жертвой» нападения вооруженных масс германо-австрийских военнопленных, действующих совместно с большевиками, а также чтобы «защитить» Россию от попыток ее порабощения Германией.

2. Интервенты торжественно обязывались не вмешиваться во внутренние дела России и не навязывать своей воли тем органам власти, которые пожелает создать русский народ.

Так, Государственный департамент США в меморандуме от 17 июля 1918 г., переданном для руководства генералу Грэвсу перед его отъездом в Сибирь, притворно утверждал:

«...военные действия в России допустимы только для того, чтобы помочь чехо-словакам консолидировать свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами... Правительство отмечает, что единственной законной целью, для осуществления которой могут быть применены американские или союзнические войска как во Владивостоке, так и в Мурманске или Архангельске, является охрана военных складов, которые впоследствии могут пригодиться русским войскам... ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не имеет в виду интервенцию, направленную против политического суверенитета России, и не стремится к вмешательству во внутренние дела России или к нарушению ее территориальной цельности...» [1].

Немного позднее, в августе 1918 г., великобританское правительство в специальном открытом «Обращении к народам

---

[1] Грэвс, Американская авантюра в Сибири., Воениздат, 1932, стр. 8 и 9.

России», подписанном министром иностранных дел лордом Бальфуром, декларировало в том же духе:

«Мы приходим, как друзья, к вам на помощь, чтобы спасти вас от раздробления и разрушения от рук Германии, стремящейся поработить ваш народ... Мы не имеем намерений навязывать России какой-либо политический строй... Завоеванным вашей революцией свободам угрожает железная рука Германии. Объединяйтесь вокруг поднятого нами, остающимися попрежнему вашими союзниками, знамени свободы и независимости» [1].

Еще месяц спустя, 19 сентября 1918 г., «высокий комиссар французского правительства в Сибири» М. Реньо так объяснял цели и мотивы интервенции в своей декларации, обращенной к населению:

«Непосредственной причиной нашего выступления явилась необходимость оказать помощь нашим союзникам чехо-словакам, чьи армии находятся под предводительством французского генерала... Преданные большевиками, нарушившими соглашения, атакованные вооруженными германо-австрийскими пленными, они погибли бы наверное ...Мы гарантируем самым категорическим и совершенным образом уважение к независимости, к свободе и суверенитету русского народа и территориальной неприкосновенности его... решительно отбросив мысль навязать правительство определенной партии или группы» [2]

Те же положения, лишь выраженные несколько иными словами, повторяла и «Декларация итальянского правительства по поводу выступления в Сибири» от 3 декабря 1918 г.:

«Центральные державы, в явное нарушение формальных обязательств, выждав момент, когда чехо-словаки находились на пути обратного следования из России, подвергли их предательскому нападению со стороны вооруженных австро-венгерских и германских военнопленных...

...По поводу своего настоящего выступления итальянское правительство желает заявить в самой торжественной форме о своем твердом решении отнюдь не вмешиваться во внутренние дела России, безусловно уважать ее суверенитет и территориальную неприкосновенность» [3].

Японское правительство в свою очередь лицемерно заявляло, что оно «...попрежнему исполнено желания развивать прочные дружественные отношения и остается верным своей политике уважать территориальную целостность России и воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в ее внутренние дела» [4].

И даже правительство Китая, угодливо повторяя аргументы империалистических заправил, в декларации от 30 авгу-

---

[1] Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Воениздат, 1925, стр. 72.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Там же, стр. 74—75.

[4] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против России, стр. 61.

ста 1918 г. тоже мотивировало факт посылки в Россию своих войск «добрососедскими чувствами», которые будто бы не могут ему позволить «относиться индиферентно к русскому народу» и к тому, что «...большое число германских и австро-венгерских пленных, вооружившись, благодаря своему изо дня в день возрастающему влиянию, настойчиво препятствуют продвижению на восток чехо-словацких войск...» [1].

Удивительное единодушие приведенных объяснений целей и мотивов интервенции само по себе изобличало сговор интервентов и наличие у них единого, согласованного плана действий. А о том, как далеки были эти лицемерные и заведомо лживые объяснения от действительности, впоследствии откровенно рассказали сами организаторы и участники интервенции.

Одним из таких наиболее откровенных участников интервенции явился полковник Пишон, бывший официальный французский военный агент в России. В начале 1918 г. Пишон (в то время майор), пользуясь своим положением дипломата, лично «обследовал» обстановку в Сибири, ставшей ареной острой классовой борьбы. Остатки эксплоататорских классов, свергнутых Великой Октябрьской социалистической революцией, пытались найти в сибирском крестьянстве опору в борьбе против победоносного пролетариата. Триумфальное шествие советской власти, охватившее Россию, еще не достигло всех ее окраин.

В городах Поволжья, Урала и Сибири накапливались контрреволюционные элементы, плелись сети белогвардейских заговоров.

Именно в этот период зрели планы интервенции, возможности и масштабы которой активно обсуждались как иностранными капиталистическими группами, заинтересованными в захвате сибирских богатств, так и генеральными штабами стран Антанты.

Пишон в результате своей поездки представил 4 апреля 1918 г. (т. е. до мятежа чехословацкого корпуса) доклад французскому посланнику в Пекине. Этот доклад, разумеется, отнюдь не предназначенный для печати, прямо ставил вопрос о немедленной интервенции в Сибири. Пишон считал момент для иностранного военного вмешательства исключительно выгодным и развивал вполне четкую программу действий.

«Интервенцию нужно провести таким образом, — писал Пишон, — чтобы возможно скорее захватить всю Сибирскую железную дорогу и осуществить фактический контроль над производственными и производящими центрами. Только при таких условиях интервенция будет иметь смысл» [2].

Разумеется, Пишон, как и другие организаторы вооруженного вмешательства, понимал, что интервенция, хотя бы на первых порах, должна быть прикрыта «фиговым листком»

---

[1] Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Воениздат, 1925, стр. 75.

[2] Там же, стр. 50.

псевдодемократического управления захваченной территорией. И он намечал формы такого управления:

«Предложить законным представителям Сибири, находящимся в Харбине, в частности, членам Учредительного собрания — сибирякам и представителям всех партий, принимающих нашу программу борьбы против большевизма, организовать временное коалиционное правительство, приемлемое для союзников...»

Впрочем, чтобы у его хозяев не могло возникнуть сомнений в истинном характере такого «коалиционного правительства», Пишон тут же добавлял: «...Раз мы вводим вооруженную силу, — ясно для каждого, что то или иное правительство может существовать лишь до тех пор, пока мы будем его признавать и оказывать ему поддержку» [1].

Доклад заканчивался красноречивой фразой:

«На нашей стороне — сила и деньги: это лучшие аргументы, при помощи которых можно всего достичь» [2].

Мы не знаем, был ли доклад Пишона официально принят и одобрен Верховным Советом Антанты или другими правительственными органами стран, осуществлявших интервенцию. Но основные «идеи», изложенные в этом бесстыдном документе, последовательно осуществлялись интервентами. Прежде всего при помощи инспирированного восстания чехословацкого корпуса, которое послужило таким удобным мотивом для официального оправдания интервенции, Антанте действительно удалось одним ударом захватить основную сибирскую коммуникацию. Мятеж чехословаков встретил деятельную и дружную поддержку правительств Англии, Франции и США. Эту официальную поддержку характеризует следующая телеграмма генерального консула США в Москве де-Витт Пуля от 18 июня 1918 г. адресованная американскому консулу в Омске Грею:

«Вы можете конфиденциально уведомить руководителей чехо-словацких войск, что союзники с политической точки зрения будут рады тому, что чехо-словаки удерживают занимаемое ими положение. С другой стороны чехам не должно ставиться препятствий, если они будут принимать меры, вызываемые требованием военного положения. Желательно прежде всего, чтобы чехи смогли обеспечить контроль над Сибирской железной дорогой и в то же время, если это окажется возможным, удержали в своих руках контроль над занимаемой ими территорией. Сообщите представителю Франции, что французский генеральный консул принимает к руководству эти инструкции» [3].

Замечая по этому поводу, что «...многие из чешских солдат отдали жизнь в боях с большевиками, пытаясь обеспечить и удержать в своих руках, по просьбе союзников, контроль над

---

[1] Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Воениздат, 1925, стр. 55.

[2] Там же, стр. 56.

[3] Грэвс, Американская авантюра в Сибири. Воениздат, 1932, стр. 51—52.

Сибирской железной дорогой», бывший командующий американскими войсками в Сибири генерал Грэвс откровенно признает лживость официальных мотивов интервенции. Он пишет:

«...чехам никогда не грозила опасность агрессивных актов со стороны Советов... Чехи были нападающей стороной... Советы хотели избавиться от присутствия чехов в Сибири и были готовы во многом пойти им навстречу и помочь им достигнуть той цели, к которой чехи, по их собственным словам, стремились» [1].

Чего же стоили все официальные декларации, торжественно заявлявшие о «помощи» чехословакам, ставшим якобы «жертвой» нападения большевиков и немецко-австрийских военнопленных!

Так обстояло дело с официальными и действительными мотивами и целями иностранной военной интервенции, навязавшей советскому народу длительную и кровавую войну.

Для ведения этой войны интервенты сосредоточили в Сибири и на Дальнем Востоке более 150 000 своих войск (включая чехословацкий корпус), в том числе 72 000 японцев, 10 000 американцев, несколько тысяч англичан, французов, итальянцев, поляков, румын и т. д. Но эти войска играли роль скорей полицейской, чем прямой военной силы. Главной же вооруженной силой интервенции явилась снаряженная попечением Антанты многотысячная белогвардейская армия адмирала Колчака, штыками которой иностранный империализм рассчитывал свергнуть власть Советов и сделать Россию своей колонией.

Колчак и колчаковщина

Мятеж чехословацкого корпуса в мае — июне 1918 г. расчистил почву для захвата власти белогвардейщиной в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Волна контрреволюции прокатилась по восточным окраинам Советской страны. Кулачество открыто примкнуло к мятежу. Эсеровски настроенная часть рабочих Воткинского и Ижевского заводов выступила на стороне белогвардейцев. В Самаре возникло эсеро-белогвардейское «правительство» под названием «Комитет членов Учредительного Собрания» (Комуч). 30 июня в Омске было сформировано так называемое «Временное Сибирское правительство» во главе с П. В. Вологодским — будущим колчаковским министром. Наконец, 22 сентября на так называемом «Государственном совещании» в Уфе было создано контрреволюционное «Временное всероссийское правительство», явившееся непосредственным предшественником кровавой диктатуры Колчака. «Временное правительство» выделило «директорию» — комитет руководящих министров во главе с премьером — эсером Н. Д. Авксентьевым. Вообще эсеры играли в

[1] Грэвс, Американская авантюра в Сибири. Воениздат, 1932, стр. 39.

сибирском «Временном правительстве» ведущую роль, что вначале устраивало его подлинных хозяев — иностранных интервентов и крупных русских капиталистов, бежавших от революции. Демагогические «левые» лозунги эсеров, их болтовня о демократии позволяли маскировать подлинную реставраторскую сущность власти «Временного правительства».

Под прикрытием этих лозунгов на всей территории Поволжья, Урала и Сибири, охваченной эсеро-белогвардейским мятежом, быстрыми шагами шло восстановление капитализма и помещичьего землевладения. Со всем советским, со всеми сторонниками пролетарской власти (не говоря уже о членах большевистской партии) белогвардейцы творили беспощадную, кровавую расправу.

Омское правительство прилагало также все усилия к тому, чтобы с помощью Антанты создать и вооружить белую армию, способную осуществить задуманный интервентами поход на Москву.

Однако эсеровская «директория», при всей своей реакционной сущности, по мере возвращения помещичье-капиталистических порядков стала казаться его иностранным хозяевам, а также белому генералитету и высшему офицерству, слишком «левой». Эсеровские министры «директории» — Авксентьев Аргунов, Зензинов и др. — в оправдание политических лозунгов своей партии были вынуждены попрежнему говорить на псевдо-«революционном» языке. В этом отношении характерен следующий штрих политического двурушничества эсеров. Центральный комитет партии эсеров в конце октября выпустил «Обращение к партийным организациям», в котором хотя и в смягченной форме, но признавал проявления реакции в Сибири — преследование рабочих организаций, развитие атаманщины и т. п. Подтверждая свою верность «Временному всероссийскому правительству», ЦК эсеров лицемерно призывал всех членов партии к вооружению и к отпору реакции.

Появление этого обращения в белогвардейской печати послужило поводом для открытых угроз в адрес Омского правительства со стороны английского генерала Нокса. Приказчики не угодили хозяевам: последним нужно было правительство «твердой руки», способное без всяких сентиментов и цветистых фраз решительно итти по пути полной реставрации капитализма. Лучшей формой такого правительства империалисты считали военную диктатуру. Следовало лишь найти подходящего кандидата в диктаторы, преданного идеям реставрации и достаточно решительного для того, чтобы удушить все революционное и подлинно демократическое в русском народе, но в то же время достаточно податливого и беспринципного для того, чтобы покорно следовать политике, продиктованной интересами империалистов Антанты. Такого кандидата во всероссийские диктаторы Антанта уже имела в лице Колчака.

Бывший адмирал старого флота, верный слуга царя, Колчак уже с первых дней Февральской буржуазно-демократической

революции зарекомендовал себя как её ярый враг, проявивший особую, крайнюю враждебность к Советам. Именно наличие этого качества и привлекло империалистов. Никаких других талантов — ни администратора, ни тем более полководца — у будущего «верховного правителя» не было. Его монархические взгляды, открытая борьба с революционными массами моряков и попытки любой ценой удержать на флоте старорежимные порядки дали в июне 1917 г. толчок к восстанию матросов Черноморского флота, которым он командовал. Непосредственным поводом к этому восстанию послужил приказ Колчака о расформировании революционно настроенных команд броненосцев «Синоп» и «Три святителя» (18 июня 1917 г.).

Даже для Временного правительства Львова — Керенского Колчак на посту командующего Черноморским флотом оказался слишком одиозной фигурой. Пришлось под благовидным предлогом убрать неистового адмирала. И в конце июля 1917 г. Колчак отправляется в США во главе миссии, имевшей официальной целью «сообщение сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками». Фактической же задачей этой миссии было участие в подготовке неосуществленной десантной операции флотов Антанты против турок в Дарданеллах.

Уже в этот период у организаторов интервенции появляется мысль об использовании Колчака как своей марионетки. Так, сэр Сэмюэль Хор, бывший начальник британской дипломатической разведки в России, вернувшись из Петрограда в Лондон летом 1917 г., прямо называл в английской печати фамилии двух «подходящих кандидатов» на пост военного диктатора в России: адмирала Колчака и генерала Корнилова [1].

Вскоре после Октябрьской революции Колчак через Японию пытается вернуться в Россию, с целью открытой борьбы против советской власти. Практически первым шагом этой борьбы явилось поступление на английскую службу. Новые хозяева направили было адмирала в Индийскую армию, на сухопутный Месопотамский фронт; но уже по дороге к месту назначения, в марте 1918 г., Колчак получает другое задание и пробирается из Шанхая в Харбин, где его положение легализуется путем назначения членом правления КВЖД. Фактически уже в этот период Колчак развертывает непосредственную подготовку к вооруженной борьбе с советской властью: он формирует белогвардейские отряды, ведет переговоры с японцами об условиях поставки оружия и т. п. С этой целью в июле 1918 г. Колчак едет в Токио. Здесь происходит его первая встреча с английским генералом Ноксом — будущим главой английской военной миссии в Сибири.

По собственному признанию Колчака, он уже в этот период в беседе с Ноксом «...условился принципиально, что создание армии должно будет итти при помощи английских инструкторов и анг-

[1] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 10.

Центральной ВИБ
Библиотека

лийских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием» [1]. Здесь же в переговорах с Ноксом и французским послом в Токио Реньо был намечен в общих чертах план организации власти «верховного правителя» в Сибири.

И когда в октябре 1918 г. генерал Нокс прибыл в Омск в качестве официального представителя английского правительства при «директории», он сам привез в своем поезде кандидата в российские диктаторы — адмирала Колчака.

Буквально через несколько дней после приезда Нокса в Омск «директория» пригласила Колчака к себе на службу и 4 ноября 1918 г. назначила его военным министром. Разумеется, почва для этого назначения была подготовлена иностранными покровителями адмирала. Практически вся белая армия «директории» была уже под властью бывших царских генералов, и Колчаку оставалось лишь возглавить военный аппарат, по существу ничем не отличавшийся от аппарата николаевской армии. В правительственных органах «директории» дела вершили не столько эсеры, которым принадлежали ведущие министерские посты, сколько кадеты и явные монархисты. Колчак вполне мог опереться как на военную, так и гражданскую правящую верхушку сибирской контрреволюции. Больше того, эта верхушка, следуя указке Нокса и Жаннена, сама выдвинула Колчака как кандидата в диктаторы. 17 ноября этот вопрос был решен на совещании представителей ряда правых политических организаций, в том числе и черносотенных членов самой «директории», при участии иностранных генералов. На следующий день произошел так называемый «переворот» — Колчак был провозглашен «верховным правителем всея России». Эсеры — бывшие руководители «директории» — Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский — были арестованы и высланы за границу. Белогвардейщина сбросила с себя фиговый листок «демократии» и предстала перед народами Сибири, Урала и Дальнего Востока в своем подлинном, неприкрашенном виде Наступило темное время кровавой диктатуры, вошедшей в историю гражданской войны под названием колчаковщины.

Следует со всей решительностью подчеркнуть, что диктатура Колчака была делом рук империалистических правительств Антанты.

Теперь известно, что английское правительство еще 14 ноября, т. е. за четыре дня до омского «переворота», вынесло принципиальное решение о признании правительства Колчака. Само «свержение» власти «директории» было произведено Колчаком с помощью кучки белогвардейских офицеров, казачьих атаманов и при содействии регулярных частей английской армии.

«Нет никакого сомнения в том, что британские войска маршировали по всем улицам Омска в ту ночь, когда произошел

---

1 Допрос Колчака (Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии. Стенографические отчеты. Л., 1925, стр. 140).

этот переворот, — пишет Грэвс. — . . .Равным образом нет никакого сомнения в том, что ген. Нокс имел большое влияние на адмирала Колчака и, казалось, хотел, чтобы все знали об этом обстоятельстве» [1].

Уже на следующий день после «переворота» представители всех трех ведущих держав Антанты — английский полковник Уорд, американский консул Гаррис и французский верховный комиссар Реньо — официально признали власть Колчака. Это признание не раз было подтверждено официальными дипломатическими актами. Причем империалисты даже не скрывали истинных целей и мотивов той поддержки, которую они щедро оказывали колчаковщине. Так в ноте, адресованной адмиралу Колчаку 26 мая 1919 г. от имени США, Англии, Франции, Италии и Японии, говорилось:

«Мы готовы помочь правительству адмирала Колчака и его сторонникам снаряжением, снабжением и продовольствием, чтобы это правительство могло сделаться всероссийским, при условии получения от него прочных гарантий в том, что его политика будет преследовать цели, одинаковые с целями союзных и присоединившихся держав».

Нота от 12 июня подтверждала готовность предоставить Колчаку «. . .поддержку, указанную в первоначальной ноте».

Подлинные цели, подразумеваемые в этой ноте, сводились к полной реставрации капитализма в России и превращению ее в колонию империалистических стран Антанты. Средством для достижения этих целей являлась война против Советской республики, вооруженное свержение советской власти. Колчак был удобным и послушным орудием империалистов в этой войне, исполнителем воли организаторов и вдохновителей интервенции.

Одним из основных условий иностранной поддержки Колчака было решение вопроса о руководстве вооруженными силами контрреволюции и их использовании по стратегическим планам Антанты.

13 декабря 1918 г. премьер-министры Англии и Франции Ллойд-Джордж и Клемансо совместной радиотелеграммой возложили на генералов Нокса и Жаннена верховное командование армиями интервентов, как действовавшими против войск Советского Восточного фронта, так и располагавшимися в тылу, на всей территории Урала и Сибири. На Дальнем Востоке Япония фактически держала всю власть в своих руках, действуя через своих ставленников — атаманов Семенова и Калмыкова.

Жаннен прибыл в Омск 14 декабря, и уже через три дня Колчак, выполняя негласные обязательства, данные до прихода к власти, объявил себя «верховным главнокомандующим русской армией» (имея в виду все белогвардейские вооруженные силы, действовавшие на территории России), а генерала Жаннена — командующим всеми иностранными отрядами на

[1] Грэвс, Американская авантюра в Сибири. Воениздат, 1932, стр. 73.

Востоке (включая и чехословацкие части). Одновременно генералу Жаннену был предоставлен пост заместителя Колчака на фронте. Таким образом, фактическая власть в Сибири была сосредоточена в руках иностранной военщины, которая распоряжалась по собственному усмотрению решительно всем — от движения поездов по Сибирской железной дороге до финансов новоявленного «государства» включительно.

Взяв фактически в свои руки руководство операциями колчаковских армий, империалисты приняли меры для того, чтобы надлежащим образом вооружить и снарядить их. Генерал Нокс уже в начале декабря 1918 г. получил из Англии все необходимое для вооружения и снаряжения 100 тыс. русских белогвардейцев. «Мы отправили в Сибирь, — гордо сообщал генерал Нокс, — сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни тысяч комплектов обмундирования и пулеметных лент и т. д. Каждая пуля, выпущенная русскими солдатами в большевиков в течение этого года, была изготовлена в Англии, английскими рабочими, из английского сырья и доставлена во Владивосток в английских трюмах» [1].

Не менее серьезную помощь вооружением и снаряжением Колчак получал от США и Франции.

Правительство США перевело на Колчака кредиты, предназначавшиеся ранее Временному правительству Керенского. В счет этих кредитов чехословацкому корпусу и колчаковской армии в течение 1918 г. было переслано более 200 тыс. винтовок, 100 пулеметов, 22 орудия, 4,5 млн. ружейных патронов, 150 тыс. пар сапог и т. д. В июле 1919 г. колчаковское правительство заключило сделку с американской фирмой «Ремингтон» на поставку 113 тыс. винтовок, а непосредственно с американским правительством — на приобретение еще 268 тыс. винтовок. Кроме того, в том же году колчаковцы получили из США 963 пулемета, пушки, около 200 тыс. комплектов белья и шерстяных фуфаек и т. п. В общем США предоставили Колчаку одних винтовок до 600 000 штук, Англия дала 200 000 комплектов обмундирования, Франция — 30 самолетов, 180 грузовых и 35 легковых автомобилей и т. д. Это, разумеется, далеко не полный перечень той материальной помощи, которую получила колчаковская армия от держав Антанты. Недаром бывший русский посол в Англии Набоков писал Колчаку 21 мая 1919 г., что «военная помощь оказывается нам теперь в размерах, превосходящих наши ожидания» [2].

Свою помощь сибирской контрреволюции иностранные империалисты оказывали, разумеется, далеко не бескорыстно. Наоборот, поставки военных материалов Колчаку явились делом чрезвычайно выгодным для капиталистов.

---

[1] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 63—64.

[2] Колчаковщина. Сборник, Уралкнига, 1924, стр. 117.

Колчаковское правительство было относительно «богатым» (по сравнению с другими белогвардейскими правительствами), потому что в его руки попал русский золотой запас (600 млн. рублей золотом), захваченный в Казани во время белогвардейского мятежа. Этим золотом, принадлежавшим трудящимся России, белогвардейцы расплачивались со своими хозяевами за «помощь». Каковы были размеры оплаты, видно из того, что в разное время колчаковским правительством было передано отдельными партиями золота: французам — 876 пудов, англичанам — 516 пудов, сверх того обоим вместе — 698 пудов, японцам — 1 142 пуда; кроме того, депонировано для обеспечения займов в Японию, США и Англию еще 5 637 пудов. Всего же было истрачено Колчаком на оплату поставок и обеспечение иностранных займов 9 244 пуда золота, или свыше 150 тонн — и это за короткий отрезок времени в один год! [1]

Однако все же основу материальной заинтересованности иностранных хищников в поддержке Колчака составляло не золото, а естественные богатства Сибири, фактическим хозяином которых очень быстро стал иностранный капитал. «Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк!» — откровенно писал Бюллетень английской промышленной федерации [2].

Что касается внутриполитического положения в колчаковской «империи», то Колчак, вначале еще болтавший об Учредительном собрании и буржуазно-демократических «свободах», очень быстро отказался от всякого внешнего прикрытия своей диктатуры лозунгами демократии. На захваченной колчаковцами территории воцарился режим военно-феодальной монархии. Даже члены пресловутого Комуч были арестованы. Действительно же революционные элементы из трудящихся подвергались поголовному физическому уничтожению.

«Я сомневаюсь, — замечает в своих мемуарах американский генерал Грэвс, — чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака» [3].

Только в б. Екатеринбургской губернии колчаковцы расстреляли свыше 25 тыс. человек. Все завоевания рабочего класса были отняты, введен 10-часовой рабочий день. Любая попытка рабочих отстаивать свои законные интересы каралась расстрелами и избиениями. Когда измученные притеснениями хозяев, рабочие Омска 22 декабря 1918 г. подняли восстание, колчаковские власти ответили им зверской расправой. 900 человек (в том числе 100 членов большевистской партии) было расстреляно.

---

[1] Колчаковщина. Сборник, Уралкнига, 1924, стр. 105.

[2] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 115.

[3] Грэвс, Американская авантюра в Сибири. Воениздат, 1932, стр. 175.

Такой же кровавой была и политика колчаковцев в отношении трудового крестьянства. В селах свирепствовали карательные отряды, предававшие огню и мечу всех непокорных.

Естественно, что такие действия колчаковцев вызвали к жизни мощное партизанское движение, охватившее массы рабочих и крестьян Сибири и Урала [1]. Это было движение не стихийное, а управляемое и политически руководимое партией большевиков. Несмотря на белый террор, на территории Сибири и Урала не прекращалась подпольная деятельность организаций коммунистической партии, а ЦК партии и лично товарищи Ленин, Сталин и Свердлов из далекой, отрезанной Москвы направляли их деятельность. Уже 1-я подпольная конференция большевиков в Сибири, собравшаяся в августе 1918 г. в Томске, приняла четкие решения и сформулировала задачи и методы борьбы большевиков. «Вооруженное восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне, проводимое в сибирском масштабе, — такова ближайшая задача партии в Сибири», — говорилось в решениях конференции [2].

Особенно широкий размах приняли работа большевиков и партизанское движение начиная с лета 1919 г., когда колчаковские армии стали терпеть поражение за поражением. В этот период 19 июля ЦК партии принял специальное постановление о партизанском движении в Сибири, сыгравшее огромную роль в объединении партизан и усилении их деятельности.

В своем историческом «письме рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» от 24 августа 1919 г. В. И. Ленин писал:

«На Урале и в Сибири рабочие и крестьяне сравнили на опыте диктатуру буржуазии и диктатуру рабочего класса. Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом... Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним, рабоче-крестьянская власть, Советская власть — вот что значит на деле «диктатура рабочего класса».

Меньшевики и эс-эры хотят испугать крестьян этими словами. Не удастся. После Колчака рабочие и крестьяне даже в захолустьи поняли, что эти слова означают как раз то, без чего от Колчака не спастись» [3].

Массы трудящихся Урала и Сибири поняли эту большевистскую истину и могучими встречными ударами по белогвардейскому тылу помогли Красной Армии уничтожить диктатуру Колчака и колчаковщину.

---

[1] Борьба партизан с колчаковщиной составляет особую и обширную область гражданской войны на Востоке, освещение которой выходит за рамки данной книги. *Е. Б.*

[2] Партизанское движение в Западной Сибири. Сборник документов, Зап.-сиб. краевое издательство, 1936, стр. 9.

[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 436, изд. 3-е.

ГЛАВА II

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1918 г. И В НАЧАЛЕ 1919 г.

Борьба Красной Армии с Колчаком в 1918 г.

Еще в начале 1918 г. зародился и оформился план империалистов Антанты, согласно которому чехословаки должны были захватить всю Среднюю Волгу и соединиться с войсками интервентов, высадившимися в Мурманске и Архангельске, с тем, чтобы общими силами нанести удар на Москву.

Но осуществлению этих планов помешали дальновидная политика большевистской партии и Советского правительства, гениальное военное руководство Ленина и Сталина. Первым практическим шагом, приведшим, в конечном счете, к полному крушению планов Антанты на востоке нашей страны и к разгрому вооруженных сил ее ставленника — Колчака, — явилось создание Советского Восточного фронта.

Официальное начало формированию Восточного фронта было положено 13 июня 1918 г., непосредственно после мятежа чехословацкого корпуса. На первых порах отряды Красной Армии, созданные и наспех вооруженные на местах, в приволжских и уральских городах и селах, из рабочих и бедняков-крестьян, были слишком слабы. Они не могли не только разгромить, но и отбросить чехословацкие и белогвардейские части и вынуждены были маневрировать и отступать. Это был трудный для Красной Армии период. «Работа была мучительна и тяжела, ибо строить приходилось в обстановке продолжавшегося наступления противника, имея налицо ничтожные, слабые силы» [1], писал впоследствии В. В. Куйбышев, в то время политический комиссар 1-й армии.

Но Восточный фронт быстро креп, накапливал кадры, вооружение и снаряжение, а отдельные его соединения, такие, как, например, легендарная Чапаевская дивизия, с первых же месяцев борьбы покрыли себя неувядаемой славой побед. В течение лета 1918 г. на Восточном фронте были сформированы пять

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. Госполитиздат, М., 1940, стр. 364.

армий: 19 июня — 1-я армия, действовавшая на Южном Урале; 26 июня — 2-я армия, образовавшая северное крыло фронта; 14 июля — 3-я армия, группировавшая свои силы левее 2-й (на Казанском направлении); 20 июля возникла 4-я армия, развернувшаяся на южном крыле фронта; наконец, 12 августа оформилась 5-я армия, оперировавшая на Уфимском направлении.

Разрозненные красноармейские отряды превращались в полки, бригады и дивизии. Еще много было недочетов, партизанщины, организационной неразберихи. Но уже осенью 1918 г. молодые части Красной Армии сумели в ряде решающих пунктов отбросить чехословацкие и белогвардейские войска и нанести им поражение. Благодаря этому в течение сентября — октября были возвращены захваченные белогвардейцами и чехословаками Казань, Симбирск, Сызрань и Самара — эта «столица» белогвардейцев-«учредиловцев». Вся Волга вновь стала советской.

Руководствуясь директивами англо-американских империалистов, командование чехословацких войск начало постепенно отводить свои части на Восток, избегая дальнейших боевых столкновений с Красной Армией. Теперь оно сосредоточило свои усилия на удержании узловых пунктов сибирской железнодорожной магистрали.

В результате осенью 1918 г. чехословацкие войска на фронте в основном были заменены белогвардейскими формированиями.

Но военные события лета и осени 1918 г. были, так сказать, лишь предисторией операций Восточного фронта. Основные боевые события развернулись с началом зимы, уже после прихода к власти Колчака.

Колчак принял на себя верховное командование белыми армиями на Востоке в тот момент, когда уже был разработан по прямым указаниям военных представителей Антанты пресловутый план похода на Москву. Согласно этому плану колчаковское командование подготовило крупный удар на Пермском направлении. Колчак и его иностранные хозяева рассчитывали, что ближайшим следствием наступления на Пермском направлении явится соединение колчаковцев и чехословаков с интервентами и белогвардейцами на Севере, что и составит благоприятную предпосылку для непосредственного удара на Москву. Фронт проходил в 200—350 км восточнее Перми. Здесь располагалась 3-я Красная Армия, в состав которой к концу ноября 1918 г. входили три стрелковые дивизии, одна бригада и несколько отдельных отрядов, всего около 35 тыс. штыков и сабель, 571 пулемет и 115 орудий. Армия была растянута на огромном пространстве — более 400 *км*; штаб армии находился в Перми. Против 3-й армии белогвардейцы сосредоточили около 50 000 хорошо вооруженных и обмундиро-

ванных солдат, причем сгруппировали их так, что добились крупного перевеса сил на крайнем северном фланге.

29 ноября колчаковцы обрушили сильный удар на левофланговую 29-ю стрелковую дивизию 3-й армии. Завязались жестокие многодневные бои, закончившиеся 25 декабря падением Перми. Эти неудачи Красной Армии получили в истории гражданской войны название Пермской катастрофы.

Бои на Пермском направлении протекали в исключительно трудных для Красной Армии условиях. Наступила холодная зима. Мороз доходил до 25—35 градусов, а части Красной Армии не имели зимнего обмундирования и были плохо обуты. Серьезные трудности возникли и со снабжением продовольствием: армия не имела запасов хлеба, паек пришлось сократить до 1/4 фунта, т. е. 100 *г* хлеба в день! Раздетые и голодные, красноармейцы отбивали яростные атаки сытых и тепло одетых белогвардейцев. Борьба Красной Армии затруднялась еще и плохим управлением: штаб 3-й армии, а тем более штаб всего Восточного фронта были оторваны от войск, сплошь и рядом не знали обстановки, либо узнавали о ее изменениях слишком поздно; а поэтому и распоряжения советского командования не приносили пользы. Незнание обстановки, беспечность и прямое предательство привели к тому, что белогвардейцы, хоть наступали и медленно, все же неожиданно подошли к Перми, захватили большие запасы вооружения и снаряжения и едва не застали в городе штаб армии, лишь 24 декабря начавший беспорядочный переезд в г. Глазов и потерявший связь со своими частями.

25 декабря Пермь пала. Войска 3-й армии отходили по направлению к Вятке. Все северное крыло Восточного фронта было поколеблено. 3-я армия отошла более чем на 300 *км* и потеряла половину своего боевого состава[1]. Колчак и его хозяева — генералы Нокс и Жаннен — торжествовали...

Но белогвардейцы и интервенты напрасно рассчитывали, что успех под Пермью приблизит их к окончательной победе, к исполнению заветной мечты — захвату Москвы.

Центральный комитет партии большевиков и лично В. И. Ленин быстро и правильно оценили значение Пермской катастрофы и всю глубину угрозы, возникшей на Восточном фронте. В конце декабря ЦК решает — выяснить причины катастрофы и немедленно привести в порядок части 3-й армии. Для реализации этого решения ЦК по предложению Ленина назначил партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК — товарищей И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского. Уже сам выбор этих выдающихся деятелей партии, лучших ленинцев, говорит о той огромной роли, которую должна была сыграть комиссия ЦК в оздоровлении Восточного фронта.

---

[1] После падения Перми 3-я армия насчитывала 17 тыс. штыков и сабель, 323 пулемета и 78 орудий.

Сталин и Дзержинский немедленно выехали в Вятку, куда прибыли в первых числах января 1919 г. На месте они застали безотрадное положение: 3-я армия, как и весь Восточный фронт, не имела резервов. Тыл был непрочен, в многочисленных военных и гражданских учреждениях гнездилась измена. Военное и политическое руководство войсками не отвечало сложности задач, не могло взять инициативу в свои руки, плелось в хвосте событий; планы командования были оторваны от жизни и потому непригодны; они строились в расчете на помощь центра, местные возможности недооценивались.

Эти, а также ряд других крупных недочетов были быстро вскрыты товарищами Сталиным и Дзержинским и доложены ими В. И. Ленину. Но Сталин не ограничился этим; он не только расследовал обстоятельства падения Перми, проанализировал их и предложил меры к восстановлению положения, но немедленно сам взялся за исправление недочетов и улучшение постановки дела формирования, снабжения и управления войсками.

Товарищ Сталин дал командующему Восточным фронтом четкие указания — как построить дальнейшие действия фронта. Вот в чем заключалась суть этих указаний:

1. Нельзя действовать успешно, имея фронт растянутым в нитку без заметной группировки сил в каком-либо направлении.

2. Без выделения сильных резервов не только нельзя перейти в наступление, но и сдержать натиск противника.

3. Удар надо наносить мощным кулаком войск в одном, определенно избранном направлении, во фланг и тыл наступающему противнику.

4. Силы для разгрома врага на фронте имеются, но надо их умело перегруппировать и поставить точные задачи армиям.

5. Надо немедленно укрепить тыл армии, очистить ее штабы и учреждения от предателей и изменников; части следует комплектовать только однородным в классовом отношении, проверенным пополнением, укрепить их коммунистами и рабочими-добровольцами [1].

Эти выводы и указания товарища Сталина имели значение не только для частного случая — борьбы под Пермью, но были справедливы для всей Красной Армии.

На основе этих указаний был составлен новый план операций Восточного фронта, который в общих чертах сводился к следующему:

1. Укрепить 3-ю армию надежным пополнением и перейти ее частями к упорной обороне на двух основных направлениях — Глазовском и Оханском.

2. Силы соседней справа, 2-й армии, собрать в кулак и нанести фланговый удар по противнику, наступающему на Пермском участке, в общем направлении на Кунгур.

[1] А. Федоров, Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта, Воениздат, 1939, стр. 121–122.

3. Остальными армиями (5, 1 и 4-й) также перейти к активным наступательным действиям, чтобы сковать силы противника и не дать ему маневрировать ими вдоль фронта. В частности, 5-й армией нанести удар от Бирска на Красноуфимск.

4. Создать резервы Восточного фронта за счет перегруппировки наличных сил (три полка в районе ст. Чепца, семь полков — в районе Воткинск, ст. Агрыз и четыре полка — ст. Чишма).

Этот план немедленно стал проводиться в жизнь. Результаты сказались очень быстро. Уже в период 7—10 января 1919 г. наступление белых было приостановлено; на Пермском направлении они перешли к обороне. В то же время Колчак, почувствовав угрозу на фланге своей пермской группировки, приказал перенести центр тяжести операций против 5-й и 2-й советских армий.

С 15 января развернулось наступление всей 2-й армии и левого фланга 5-й армии, а затем и остальных войск Восточного фронта. Части к этому времени получили пополнение, снабжение их было упорядочено. Это наступление, продолжавшееся до 28 января, не могло еще окончательно сломить армию белых, так как для этого сил Красной Армии было недостаточно, но достигло заметного результата. Белогвардейские части понесли чувствительные потери (до 12% личного состава). 3-я армия не только прекратила отступление, но и сама нанесла по врагу ряд ударов, продвинувшись вперед на 15—20 *км*. 2-я армия также продвинулась на 25—35 *км*. Крупный успех был одержан на правом фланге Восточного фронта, где от белых были освобождены Оренбург (22 января) и Уральск (24 января).

К концу января фронт стабилизировался, силы обеих сторон на время как бы уравнялись. Положение под Пермью было восстановлено, работа комиссии ЦК по укреплению 3-й армии — закончена.

Восстановление положения под Пермью означало срыв попытки соединения колчаковщины с интервентами и белогвардейцами на Севере, а также полный провал авантюрного плана захвата Москвы ударом с северо-востока.

31 января товарищ Сталин, возвратившийся в Москву, представил Ленину свой замечательный доклад о причинах падения города Перми в 1918 г. Этот доклад, полностью опубликованный в 4-м томе Сочинений И. В. Сталина, и сейчас, спустя три десятка лет, имеет огромный интерес и значение для советских военных и политических работников. Изумительная глубина анализа обстановки, четкость выводов и мудрость мер, предпринятых товарищем Сталиным для ликвидации катастрофы под Пермью, — вот что поражает читателя в этом документе, который раскрывает перед нами истоки сталинского военного искусства и позволяет сделать выводы для практической военной работы в современной обстановке.

Общие выводы, к которым пришел товарищ Сталин на основе опыта ликвидации Пермской катастрофы, сводятся к следующим положениям [1]:

1. Покончить с войной без резервов, ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов.

2. В корне изменить и улучшить систему мобилизации и формирование частей Красной Армии, строго придерживаясь в этой системе классового принципа комплектования.

3. Улучшить организационную военную работу: отказаться от формирования излишне громоздких дивизий, установить строгий контроль над окрвоенкомиссариатами, обновить состав Всероссийского бюро комиссаров, работа которого неудовлетворительна, создать крепкие Реввоенсоветы армий с четким распределением функций между их членами и т. д.

4. Улучшить работу штабов армий, и в частности — ввести в практику систему посылки представителей штаба в подчиненные соединения и штабы.

5. Наладить строго централизованное управление отдельными армиями, подчинив всецело их действия осуществлению определенных, строго обдуманных стратегических директив Главного командования. С этой целью, чтобы не допустить в дальнейшем произвола и неорганизованности в руководстве армиями — преобразовать Реввоенсовет республики в узкую, тесно связанную с фронтами группу лиц (из пяти членов), с определенным распределением функций.

6. Укрепить тыл (в широком смысле этого слова), для чего усилить и улучшить руководство со стороны ЦК партии и органов советской власти (ряд совершенно конкретных мер, охватывающих работу центрального партийного и правительственного аппаратов, были предложены в докладе).

7. Наладить и построить на четких организационных основах дело снабжения армии.

Нетрудно заметить, что эти выводы далеко выходили за рамки одной только 3-й армии и даже Восточного фронта, а касались всей Красной Армии в целом. В дальнейшем, на VIII съезде партии в марте 1919 г., выводы товарища Сталина нашли свое воплощение в ряде ответственных партийных решений.

Для последующих боевых действий Красной Армии на Восточном фронте выводы и указания товарища Сталина сыграли огромную и решающую роль. Эти указания были положены в основу воспитания и обучения войск Красной Армии, подготовки командиров, штабов и формирования молодого советского военного искусства. Товарищ Сталин дал конкретную боевую программу действий для тех большевиков-ленинцев, которые

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 208—209, 212—213, 216—217, 220—221.

возглавили борьбу с Колчаком весной 1919 г., когда Колчак предпринял вторую и наиболее серьезную попытку осуществления наступательных планов Антанты.

Общая обстановка весной 1919 г. и план первого похода Антанты

В начале 1919 г. вооруженная борьба молодого Советского государства против многочисленных врагов протекала «в обстановке противоречивых обстоятельств, — в условиях усиления реакционного блока государств Антанты против Советской власти, с одной стороны, и в условиях революционного подъема в Европе, — главным образом, в странах, потерпевших военное поражение... с другой стороны...» [1]

Военный разгром Германии и рост революционного движения в Западной Европе облегчали международное положение Советской республики. Фронт империализма был ослаблен. Но в то же время развитие революционного движения на Западе и укрепление Советской республики сплотили реакционный блок капиталистических государств против советской власти.

Отсюда — усиление интервенции в 1919 г., выразившееся в организации комбинированного удара сил внутренней и внешней контрреволюции, названного товарищем Сталиным первым походом Антанты.

Главнейшей задачей внутренней политики партии весной 1919 г. являлось развитие и закрепление союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняками. Поворот среднего крестьянства в сторону советской власти обозначился уже к концу октября 1918 г. [2]. Этот поворот имел огромное значение для укрепления Советской республики. Тем не менее внутреннее положение нашей страны было чрезвычайно тяжелым и сложным.

Основными экономическими проблемами 1919 г. были хлеб и топливо. К концу 1918 г. большинство хлебопроизводящих районов страны было захвачено белогвардейцами и интервентами. Значительные запасы хлеба, могущие быть использованными в освобожденных от белых областях (в Уфимской губернии — 60 млн. пудов, на Украине — до 100 млн. пудов), было трудно вывезти из-за разрухи транспорта.

Исключительные трудности имелись также в снабжении страны углем, нефтью и рудой. Производство металлургической промышленности упало до $^1/_4$ довоенного, а производство металлических изделий — до $^1/_3$.

Все это давало Ленину основание называть 1919 г. наиболее тяжелым временем для советской власти.

Несмотря на трудности международного и внутреннего положения, обстановка на фронтах гражданской войны весной 1919 г. в целом складывалась для Красной Армии несколько благоприятнее, чем раньше.

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 222.
[2] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 194.

На Восточном фронте в течение января — февраля 1919 г. были достигнуты значительные успехи. На северном крыле фронта положение стабилизировалось и войскам 2-й и 3-й армий удалось освободить от белых значительную часть территории, захваченной колчаковцами при их наступлении на Пермь. На южном крыле фронта произошло соединение с войсками, наступавшими из Советского Туркестана.

На Южном фронте Красная Армия теснила войска генерала Краснова, очищая от них Донбасс и Донскую область.

Войска Украинского фронта 5 февраля освободили от интервентов и белогвардейцев Киев и быстро двигались на юг, к Черному морю. Полный крах контрреволюционной армии Украинской директории был уже предрешен.

На Западном фронте Красная Армия освободила от немецких интервентов значительную часть Западной Белоруссии, а Латвия вся была советской.

На Петроградском фронте положение стабилизировалось; белофинны и белоэстонцы держались выжидательной тактики.

Силы северной интервенции были значительно ослаблены успешной операцией 6-й армии под Шенкурском, занятом ею 25 февраля.

Таким образом, общее военное положение Советской России весной 1919 г. было более крепким, чем осенью 1918 г.; однако перед советской властью стоял ряд значительных трудностей, ликвидация которых требовала напряжения всех сил народа.

Основной опасностью, угрожавшей нашей стране весной 1919 г., являлся задуманный заправилами Антанты комбинированный поход против Советской республики. Для осуществления своих планов интервенты и белогвардейцы сосредоточили на фронтах против Красной Армии приблизительно 550 000—600 000 штыков. Наиболее организованной силой белых была действующая армия Колчака, которая насчитывала 125 000—130 000 штыков и сабель.

План и цели похода объединенных сил империалистов против Советского государства весной 1919 г. исчерпывающе проанализированы И. В. Сталиным в его статье «К военному положению на юге».

«Весной 1919 года против Советской России был задуман комбинированный поход Колчака — Деникина — Юденича. Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока. Юденичу был предоставлен вспомогательный удар по Петрограду.

Цель похода была формулирована в докладе Гучкова Деникину: «задушить большевизм одним ударом, лишив его основных жизненных центров — Москвы и Петрограда».

Самый же план похода был набросан в письме Деникина Колчаку, перехваченном нами со штабом Гришина-Алмазова

весной 1919 г. «Главное — не останавливаться на Волге, — писал Деникин Колчаку, — а бить дальше на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать своё дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...» [1]

Характеризуя причины, по которым Колчак стал серьезной силой, И. В. Сталин говорил:

«Колчак является наиболее серьёзным противником, ибо у него достаточно пространства для отступления, достаточно людского материала для армии, богатый хлебом тыл» [2].

Колчак широко использовал эти естественные условия, а также всестороннюю помощь иностранных империалистов. Все это делало его в период начала 1919 г. наиболее опасным врагом Советской власти, а Восточный фронт — главным и решающим фронтом борьбы с контрреволюцией и иностранной интервенцией.

Однако внимание Советского командования не могло поглощаться лишь одним Восточным фронтом, а неизбежно должно было разделяться и между остальными фронтами. В этом, в частности, заключалась одна из опасностей комбинированного похода, задуманного империалистами Антанты

Действия интервентов и белогвардейцев объединялись единством политической цели — свержением советской власти. Но эти действия не были полностью объединены организационно и по времени, прежде всего ввиду внутренних противоречий между империалистическими странами. Хозяева Колчака — английские империалисты — требовали от него скорейшего соединения с северной интервенцией в целях закрепления за собой богатств Советского Севера. Хозяева Деникина — французские империалисты — были заинтересованы в захвате Донбасса и заставляли деникинцев отвоевывать для них советский уголь и руду. Да и сами белогвардейские «вожди» довольно ревниво относились друг к другу. Деникин вовсе не намерен был уступать Колчаку славу взятия Москвы; Юденич вообще очень неохотно признавал власть «Верховного правителя». Эти обстоятельства, а также ряд организационных и политических причин, помешали белым нанести свои удары одновременно, что сыграло не малую роль в успешных действиях Красной Армии.

Обстановка на Восточном фронте и планы сторон

(Схема 1)

Положение Красной Армии на Восточном фронте к концу февраля — началу марта 1919 г. было следующим:

На южном крыле фронта 4-я армия и Оренбургская дивизия (составившая в дальнейшем ядро Туркестанской армии)

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 282.
[2] Там же, т. 4, стр. 262.

развивали успешные операции по освобождению Уральской и Оренбургской областей от белоказаков, заняв Уральск, Илецк и Актюбинск.

1-я армия, готовясь к операции по овладению Южным Уралом, на правом фланге занимала Орск, на левом — Авзянопетровский.

5-я армия, освободившая 31 декабря 1918 г. от белогвардейцев Уфу, выдвинулась на рубеж около 50 *км* восточнее и северо-восточнее р. Белая.

2-я и 3-я армии, успешно отразившие под руководством И. В. Сталина зимнее наступление Колчака, значительно улучшили свое положение. Их фронт проходил от ж. д. Казань — Екатеринбург (в районе зав. Бикбардинского) через Осу, Оханск (50 *км* юго-западнее Перми) до р. Инва.

Общая численность войск Восточного фронта достигала 101 000 штыков и сабель против 125 000—130 000 колчаковцев.

В период зимней кампании группировка Красной Армии естественным ходом событий сложилась так, что наиболее сильным было северное крыло фронта (2-я и 3-я армии), а наиболее слабым — его центр (1-я и 5-я армии). Между тем главный удар весной 1919 г. был нанесен Колчаком как раз по центру Восточного фронта, на направлении Уфа, Самара.

План колчаковского командования в общих чертах заключался в следующем.

Главный удар наносила Западная армия генерала Ханжина. Она должна была разбить 5-ю советскую армию и, овладев районом Бирск, Уфа, Стерлитамак, Белебей, выдвинуться на линию р. Ик, после чего оказать содействие Оренбургской армии генерала Дутова путем удара в тыл 1-й советской армии. Сибирская армия генерала Гайда должна была содействовать Западной армии путем овладения районом Сарапул, Воткинский и Ижевский заводы; Оренбургская армия генерала Дутова должна была выполнить подобную же задачу, овладев Оренбургом. Однако согласованности действий между отдельными армиями Колчака не было, и это сказалось в дальнейшем ходе операций.

В целом план Колчака был рассчитан на быстрое победное движение к Волге и далее — к Москве. Наступление, предпринятое на фронте 600 *км* и в глубину (до Волги) 400 *км*, требовало значительных резервов и отлично управляемого, гибкого тыла. Ни того, ни другого Колчак не имел. Население, испытавшее на себе все тяготы кровавого господства колчаковцев, все более резко проявляло враждебное отношение к интервентам и белогвардейцам. Массовые мобилизации, проведенные в конце 1918 г. и начале 1919 г., расширили контингенты колчаковских войск, но заметно ослабили их моральное состояние. В колчаковской армии постепенно были

восстановлены взаимоотношения и внутренние порядки, характерные для царской армии.

Палочная дисциплина, рукоприкладство, взяточничество, хищения, кровавое подавление всяких попыток сопротивления режиму пули и нагайки — все эти мерзости махровым цветом расцвели в колчаковской армии и в ее тылу. Среди мобилизованных солдат было немало революционно настроенных трудящихся, лишь дожидавшихся удобного случая для того, чтобы повернуть оружие против навязавшихся им на шею новых «господ». О том, как мало доверяли колчаковские генералы своим солдатам, свидетельствует формирование почти во всех корпусах специальных «ударных бригад», состав которых был тщательно подобран из кулачества и буржуазной интеллигенции. Армия Колчака несла в самой себе элементы будущего разложения. Но весной 1919 г. она еще была сильна и вполне способна к наступлению.

Сущность плана главного и фронтового командования Красной Армии сводилась к следующему:

Директива главкома № 790 от 21 февраля намечала для Восточного фронта одновременно три основных направления действий — на Ташкент, Челябинск и Екатеринбург. Командование Восточным фронтом, неспособное по-настоящему организовать борьбу против Колчака и недооценивавшее угрозы удара его армий, поставило следующие задачи войскам:

4-й армии совместно с развертываемой Туркестанской армией — прочное обеспечение Уральской и Оренбургской областей и поддержание связи с Ташкентом.

1-й армии — овладение Южным Уралом и содействие 5-й армии путем удара от Орска на Троицк.

5-й армии — наступление на Челябинск.

2-й и 3-й армиям — наступление на Екатеринбург.

Эти планы появились в результате недооценки противника и непонимания его группировки и были нереальными. Авторы планов не считались с действительными силами Восточного фронта и пренебрегали трудным положением в тылу, где в это время назревали кулацкие восстания в Симбирской и Самарской губерниях.

Группировка и силы сторон

Основная часть войск Колчака была сосредоточена в центре. Наиболее сильной была Западная армия генерала Ханжина (2-й Уфимский, 3-й Уральский горный и 6-й Уральский корпуса).

Всего эта армия, начавшая свое наступление на 175-км фронте от р. Юг (одна из речек системы правых притоков р. Белая) до Архангельского завода, насчитывала семьдесят три батальона и пятьдесят три эскадрона, или 32 410 штыков, 6 312 сабель, 570 пулеметов и 98 орудий. Общая численность Западной армии достигала 50 000.

Правее Западной армии генерала Ханжина, против 2-й и 3-й советских армий, наступала Сибирская армия под командованием чешского генерала Гайда, общей численностью около 48 000 человек. Непосредственной связи между этими армиями не было. В начале наступления разрыв между их внутренними флангами достигал 50—60 *км*; в дальнейшем они разъединялись мощной речной преградой — р. Кама.

Левее Западной армии действовала так называемая «Южная группа» генерала Белова, в оперативном отношении подчиненная генералу Ханжину и имевшая задачей обеспечение левого фланга Западной армии. Общая численность Южной группы генерала Белова — 6 914 штыков, 5 790 сабель, а всего около 14 500 солдат и офицеров.

Кроме того, в ходе дальнейших операций Колчак передал Западной армии генерала Ханжина свой стратегический резерв — 1-й Волжский корпус генерала Каппеля, формировавшийся в районе Челябинск, Троицк, Кустанай, Курган. Численность этого корпуса — 10 759 штыков и 562 сабли, а всего — до 21 000 солдат, включая состав артиллерийских, пулеметных и специальных частей.

Таким образом, на направлении Уфа, Самара Колчак в общей сложности сосредоточил следующие силы: батальонов — 122, эскадронов — 107, штыков — 50 088, сабель — 12 664, солдат — 85 389, орудий — 159.

По количеству живой силы это превышало 50% всей численности колчаковского фронта.

Удар, нанесенный главной группировкой Колчака, пришелся в основном против 5-й армии, составлявшей лишь 11% живой силы войск Восточного фронта. Соотношение сил обеих сторон к началу колчаковского наступления на его главном направлении складывалось так:

Показатели соотношения сил	Красная Армия 5-я армия (26-я, 27-я стрелковые дивизии)	Белогвардейцы. Западная армия (2-й Уфимский, 3-й и 6-й Уральские корпуса)	Превосходство белых (округленно)
Штыки	11 000	32 410	3 : 1
Сабли	290	6 312	22 : 1
Пулеметы	274	570	2 : 1
Орудия	52	98	2 : 1

Следовательно, в живой силе Западная армия генерала Ханжина имела более чем тройное превосходство над 5-й армией, а по технике — двойное превосходство. Это соотношение сил было, однако, еще более невыгодным для Красной Армии на направлении главного удара белых, т. е. на фронте 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпусов, составлявших правый фланг Западной армии. Здесь группировке белых, численностью около 20 000 штыков и 2 800 сабель при 54 орудиях, противостояли всего лишь две бригады (2-я и 3-я) 27-й стрелковой дивизии, насчитывавшие не более 4 000 штыков и сабель. Таким образом,

на решающем направлении белые имели пятикратное превосходство, нависая к тому же над открытым левым флангом 5-й армии.

Естественно, что в условиях такой группировки и соотношения сил 5-я армия, даже при довольно высокой боеспособности ее дивизий, не только не могла рассчитывать на успех задуманного командованием фронта наступления на Челябинск, но и сама оказалась под угрозой обхода открытого фланга и окружения. Но штаб 5-й армии имел весьма туманные данные о силах и группировке белых и не принял никаких мер для предотвращения этой угрозы.

Ход весеннего наступления белых

(Схема 2)

Действия на фронте 2-й и 3-й армий. Наступление белых началось 4 марта на фронте Сибирской армии генерала Гайда. Несмотря на превосходство сил на главном направлении, белые не добились здесь решающего оперативного успеха. Части Красной Армии отходили с боями, сохраняя в основном параллельное начертание фронта. К 10 апреля 2-я армия отошла за Каму, потеряв Сарапул и Воткинский завод. 3-я армия отошла на фронт 75 *км* восточнее Глазова и далее на северо-запад, к верховью р. Вятка.

Общий отход с 4 марта по 10 апреля был произведен на глубину 80—120 *км*. Советские войска были сильно утомлены боями. 2-я армия не могла отходить, не открывая железной дороги Казань — Екатеринбург, по которой усиленно вывозилось продовольствие и другие грузы. 3-я армия, отходя, обнажила бы фланг 2-й армии. В итоге все северное крыло фронта вынуждено было вести изнурительные бои, причем положение создалось весьма тяжелое.

Действия на фронте 5-й армии. 5 марта началось наступление на правом фланге 5-й армии силами 26-й стрелковой дивизии и 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии. Первый день наступление развивалось успешно. Но уже 6 марта оно превратилось в отход под влиянием начавшегося наступления белых. Только в боях 6 марта штаб 5-й армии вскрыл группировку белых и установил наличие 3-го Уральского корпуса, о котором до того не имелось никаких данных.

Пользуясь охватывающим положением и огромным численным превосходством, белые непрерывно теснили части Красной Армии. Однако, несмотря на большие потери, 26-я и 27-я дивизии оказывали белым значительное сопротивление.

Командование 5-й армии долго не отдавало себе отчета в происходящем, посылало дивизиям опаздывающие приказы и не доносило в штаб фронта о действительном положении вещей. Командование фронтом, не понимая обстановки, требо-

вало восстановления положения путем нанесения удара белым севернее Уфы.

Героическими усилиями частей этот удар был осуществлен в ночь с 10 на 11 марта в направлении д. Шарыпова (35 км северо-западнее Уфы) силами 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии и 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Деревню Шарыпова удалось захватить, но наши части все же были вынуждены отойти из-за угрозы окружения.

Судьба Уфы была решена. Она была занята белыми 14 марта, причем из-за преступной нераспорядительности командования 5-й армии мост через р. Белая не был взорван.

Не удалась также попытка развертывания 5-й армии на р. Белая. Эта армия отходила от Уфы в расходящихся направлениях: 27-я стрелковая дивизия отступала вдоль Волго-Бугульминской ж. д. 26-я стрелковая дивизия — вдоль Самаро-Златоустовской ж. д. и на юг по Стерлитамакскому тракту.

Западная армия генерала Ханжина, преследуя советские части, повернула направление своего удара на юго-запад, но не сумела окружить 5-ю армию. На путях отхода от Уфы разыгрались упорные и длительные бои, в которых 26-я стрелковая дивизия, по своей инициативе занявшая фланговое положение, показала героические образцы активной обороны.

Таким образом, отходящие части 5-й армии сумели прикрыть оба основных направления от Уфы к Волге вдоль железных дорог.

5 апреля белые захватили Стерлитамак, а 10 апреля — Бугульму. К этому времени части 5-й армии занимали прерывчатый фронт. 26-я стрелковая дивизия с 1-й бригадой 27-й стрелковой дивизии, совершив сложный фланговый марш со Стерлитамакского тракта, отошли на Самаро-Златоустовскую ж. д. Бугульминская группа (27-я стрелковая дивизия без одной бригады и бригада 5-й стрелковой дивизии) находилась на меридиане ст. Нурлат, потеряв при отходе почти всю свою артиллерию.

Действия на фронте 1-й и 4-й армий. Благоприятнее складывалась обстановка на южном крыле Восточного фронта.

1-я армия, вклинившаяся довольно глубоко в пределы Южного Урала, под влиянием неудач 5-й армии начала отход с некоторым опозданием. Части 1-й армии отходили большими переходами, под непрерывной угрозой с фланга и тыла. К 10 апреля 20-я стрелковая дивизия отошла на рубеж в 45 км южнее Стерлитамака и, развернувшись фронтом на север, прикрывала направление на Оренбург. 24-я стрелковая дивизия, оставив Орск, отошла за р. Большой Ик. Фронтовое командование директивой от 1 апреля намечало нанести силами 1-й армии удар во фланг и в тыл противника, преследующего 5-ю армию, для чего одна бригада 24-й стрелковой дивизии выводилась в район Михайловское (Шарлык).

4-я армия под командованием М. В. Фрунзе достигла крупных успехов. На Уральском направлении был занят Лбищенск; на Александрово-Гайском — Сломихинская. Части 4-й и вновь сформированной Туркестанской армии, образовавшие так называемую Южную группу «малого состава» (в отличие от Южной группы, созданной в апреле для контрнаступления), продолжали, таким образом, прочно удерживать обширный плацдарм на правом крыле Восточного фронта.

Итоги наступления белых. В целом, к середине апреля на Восточном фронте создалось положение, грозившее катастрофой. Между внутренними флангами 5-й и 2-й армий образовался огромный разрыв в 150 *км* (по воздуху), фактически незанятый никакими крупными частями Советской Армии. Все пространство к северу от Бугульмы до Камы представляло собой свободный коридор для движения белых.

Дальнейшее наступление Западной армии генерала Ханжина непосредственно угрожало захватом переправ на Волге и выходом на сообщения армий южного крыла Восточного фронта. В особенно тяжелом положении, в случае выхода белых на Волгу, могли оказаться 5-я и 1-я армии.

В то же время было очевидно, что 5-я армия, несмотря на значительные пополнения (около 10 000 человек), сама не в состоянии ни приостановить продвижения белых, ни, тем более, вырвать из их рук инициативу действий.

Наступление колчаковских армий вызвало ликование в стане империалистов. «Победы» белогвардейцев невероятно раздувались буржуазной прессой Лондона, Парижа и Нью-Йорка, которая уже поспешила объявить о скором падении Москвы и гибели советской власти. Так, одна из крупнейших американских газет, «Нью-Йорк Таймс», в дни весеннего наступления Колчака пестрела такими заголовками: «Колчак преследует разбитую наголову Красную Армию» (26 марта); «Разгром красных на Востоке» (20 апреля); «Колчак побеждает — дни советской власти сочтены» (22 апреля) и т. п.[1].

Такая оценка положения, конечно, не соответствовала действительности. Однако обстановка на Восточном фронте была на самом деле грозной, и последующие успехи белогвардейских войск могли поставить под удар центральные области Советской республики.

Для создания перелома на Восточном фронте требовались решительные меры, в осуществлении которых, под руководством партии, деятельно участвовала вся страна.

---

[1] М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 102.

ГЛАВА III

ПОДГОТОВКА КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Партия организует разгром Колчака

Уже с середины марта большевистская партия и Советское правительство развернули гигантскую работу по мобилизации всей страны на отпор Колчаку.

VIII съезд партии, происходивший в Москве с 18 по 23 марта 1919 г., уделил огромное внимание состоянию Красной Армии и перспективам ее дальнейшего строительства. Успешно борясь на два фронта — против троцкистов и против так называемой «военной оппозиции», съезд под руководством Ленина и Сталина наметил четкий путь к победе.

Огромную роль в выработке решений съезда по военным вопросам сыграл опыт товарища Сталина по руководству борьбой за Царицын и по ликвидации Пермской катастрофы. Этот опыт нашел яркое отражение в выступлении товарища Сталина на съезде. «Быть или не быть в России строго дисциплинированной, регулярной армии», — так поставил вопрос товарищ Сталин. И отвечая на этот вопрос, он ясно очертил контуры дальнейшего советского военного строительства:

«Полгода назад у нас была новая армия, после развала старой, царской, — добровольческая, плохо организованная армия, с коллективным управлением, не всегда подчинявшаяся приказам. Это был период, когда обозначилось наступление со стороны Антанты. Состав армии был главным образом, если не исключительно, рабочий. Ввиду отсутствия дисциплины в этой добровольческой армии, ввиду того, что приказы не всегда исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии, мы терпели поражения, сдали противнику Казань, а с юга успешно наступал Краснов... Факты говорят, что добровольческая армия не выдерживает критики, что мы не сумеем оборонять нашу Республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом, умеющей и могущей по первому приказу встать на ноги и итти на врага» [1].

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 249.

Отмечая, что большинство Красной Армии теперь составляют непролетарские элементы, крестьяне, товарищ Сталин указывал, что «...наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии, единственно способной защищать страну».

Отсюда товарищ Сталин делал вывод:

«...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем и тогда дело будет загублено» [1].

Решения по военному вопросу, принятые съездом, исходили из ленинско-сталинской установки на создание регулярной строго дисциплинированной рабоче-крестьянской армии. Эти решения явились боевой программой действий для большевиков — строителей Красной Армии — на долгий отрезок времени и сыграли крупнейшую роль как в подготовке разгрома Колчака, так и в обеспечении всех последующих побед над интервентами и белогвардейцами.

В заключение своей работы съезд выпустил «Обращение к партийным организациям», которое вскрывало планы и цели похода империалистов Антанты. Выявляя связь между наступлением Колчака на фронте и попытками контрреволюционных выступлений в тылу страны, съезд призывал партию мобилизовать все силы для разгрома врага.

Непосредственно после VIII съезда партия и ее ЦК развертывают напряженную работу по оказанию помощи Восточному фронту, по подготовке разгрома главного врага советской власти — Колчака.

Написанные В. И. Лениным «Тезисы Ц.К. Р.К.П.(б.) в связи с положением Восточного фронта», опубликованные в газете «Правда» 12 апреля 1919 г., призывали партию и народ «...напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны были защищены и отвоеваны» [2].

Партийные и профсоюзные организации широко откликнулись на призыв ЦК. Многие партийные организации мобилизовали на фронт от 20 до 50% своего состава. В армию хлынул поток добровольцев. Партийные мобилизации дали фронту около 15 000 коммунистов; комсомольские мобилизации — 3 000 комсомольцев, профсоюзные мобилизации — 25 000 беспартийных рабочих. Посылка на фронт старых большевиков, имевших большой опыт партийной работы, пополнила и укрепила ряды большевистских комиссаров.

Исходя из прямых указаний ЦК партии и лично В. И. Ленина, был определен стратегический план действий на

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 250.

[2] И. В. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 226, изд. 3-е.

Восточном фронте. Этот план, вопреки предательским попыткам Троцкого, настаивавшего на отводе Восточного фронта за Волгу, был рассчитан на активные действия против Колчака, на разгром его главной группировки — Западной армии генерала Ханжина. Задачу подготовки и проведения операций по разгрому Колчака партия возложила на своих верных сынов — Михаила Васильевича Фрунзе и Валериана Владимировича Куйбышева.

ЦК партии и Совет Обороны провели в апреле большую работу по улучшению снабжения Восточного фронта и упорядочению железнодорожных перевозок.

В течение апреля были мобилизованы в Красную Армию 8 возрастов (рождения — 1889—1895 гг. и 1900 г.), а также солдаты старой армии, вернувшиеся из плена (рождения 1889—1890 гг.). Всего, по расчетам главного командования, за счет мобилизованных и готовых пополнений численность Восточного фронта должна была увеличиться на 50 000 штыков и сабель и 100 орудий. Целиком передавались Восточному фронту 2-я и 33-я стрелковые дивизии (по 12 000 штыков и 30 орудий каждая) и две бригады 35-й стрелковой дивизии.

На самом деле Восточный фронт, из-за нечеткой работы аппарата Главкома и Всероглавштаба, не получил полностью к началу контрнаступления обещанных 50 тыс. регулярных пополнений. Но недовыполнение этого плана было восполнено добровольным пополнением: более 40 тыс. коммунистов, комсомольцев и беспартийных рабочих-добровольцев влились в войска Восточного фронта. Эти кадры, обладавшие высоким боевым духом, политически сознательные и преданные советской власти, укрепили политико-моральное состояние войск и этим удесятерили их силы.

Так партия подняла массы на борьбу с Колчаком и повела их к победе над сильнейшим врагом советской власти.

Действия на Южном крыле Восточного фронта в феврале — марте 1919 г.

31 января 1919 г. на Восточный фронт прибыл в качестве командующего 4-й армией М. В. Фрунзе[1]. В течение февраля ему удалось достичь серьезных оперативных успехов в действиях 4-й армии, а также добиться ее организационного укрепления и политического сплочения вокруг партии и советской власти. Отличным помощником Фрунзе в этом трудном деле явился В. В. Куйбышев, работавший председателем Губисполкома в Самаре, где располагался штаб 4-й армии.

К моменту начала весеннего наступления Колчака армии Южного крыла Восточного фронта развивали успешное на-

[1] На должность начальника штаба и заместителя командующего армией (а затем и Южной группы) одновременно с М. В. Фрунзе был назначен Ф. Ф. Новицкий.

ступление в Уральской и Оренбургской областях, овладев Актюбинском и Орском (схема 1). В связи со взятием этих пунктов главком возложил «...исполнение задачи по прочному обеспечению Оренбургской и Уральской областей и поддержание связи с Ташкентом... на Южную группу под начальством т. Фрунзе в составе 4-й армии... и Оренбургской дивизии» (директива № 313 к) [1]. Той же директивой товарищу Фрунзе предлагалось «...теперь же приступить к развертыванию Оренбургской дивизии в армию (одна пехотная и одна кавалерийская дивизии)».

Таким образом, 5 марта 1919 г. была создана Южная группа «малого состава». Границей между Южной группой и 1-й армией была назначена линия Оренбург, М. Кызил Тап, Сары-Камыш (все пункты включительно для Южной группы). Оренбургская дивизия была развернута в армию, получившую наименование Туркестанской.

Силы Южной группы «малого состава» в период весеннего наступления Колчака видны из следующей таблицы [2]:

СОСТАВ АРМИЙ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА НА 15 МАРТА 1919 г.

Наименование армий и соединений	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
4-я армия				
22-я (Николаевская) дивизия	6 575	692	116	45
25-я стрелковая дивизия (1-я и 2-я бригады)	3 947	506	78	13
Александрово-гайская бригада	2 066	354	35	18
Всего в 4-й армии	12 588	1 462	229	76
Туркестанская армия				
3-я (Оренбургская) дивизия	10 240	332	123	24
Кавалерийская дивизия (формируемая)	255	847	10	4
Запасные войска	—	—	—	8
Всего в Туркестанской армии	10 495	1 179	133	36
Всего в Южной группе	23 083	2 641	362	112

Кроме того, в составе 1-й армии имелось до 13 900 штыков и сабель при 215 пулеметах и 62 орудиях. Таким образом, общая численность армий южного крыла Восточного фронта достигала значительной цифры — около 40 000 штыков и сабель.

[1] ЦГАКА, д. № 52—204, л. 212.

[2] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 72.

Но эти силы были разбросаны на огромном пространстве; протяжение фронта (разумеется, не сплошного) достигало не менее 600 *км*.

Южной группе и 1-й армии противостояли:

1) Оренбургская отдельная армия атамана Дутова — в составе 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, общей численностью 1 983 штыка, 6 344 сабли, 81 пулемет, 13 орудий;

2) Отдельная Уральская армия, имевшая две казачьи дивизии (1-ю и 2-ю) на Уральском направлении и до пяти казачьих конных полков на Илецком направлении, всего 3 500—4 000 штыков и 5 000—6 000 сабель.

Таким образом, общие силы белых, противостоявшие армиям Южного крыла Восточного фронта, составляли 18 000 штыков и сабель, или уступали в численности войскам Красной Армии примерно вдвое. Но угрожающая обстановка, складывавшаяся в центре и на северном крыле Восточного фронта, не могла не беспокоить М. В. Фрунзе. Он отчетливо представлял себе остроту положения на фронте 5-й армии. Это видно из письма товарища Фрунзе председателю Реввоенсовета республики, посланного в копии В. И. Ленину, от 18 марта 1919 г. (№ 624). В этом письме М. В. Фрунзе отмечает, что по «...донесениям от лиц, заслуживающих полного доверия, 5-я армия почти утратила боеспособность. Полки ее откатываются назад при первом натиске противника и сразу очищают большие пространства. В штабе армии (5-й) высказывались опасения за возможность отхода к Самаре и Симбирску. Этим все сказано» [1].

Несмотря на успех и устойчивое положение, достигнутое войсками Южной группы, обстановка в тылу Южного крыла фронта была также чрезвычайно тревожной. В ряде уездов Самарской, Симбирской, Уральской и Оренбургской губерний в начале марта вспыхнули руководимые колчаковскими агентами кулацкие восстания. Даже в самой Самаре в ночь с 10 на 11 марта произошла попытка мятежа, причем взбунтовался 175-й полк. Мятеж был быстро ликвидирован, однако, как писал товарищ Фрунзе «...ближайший тыл армии неустойчив, и артерии Советской республики (т. е. Волге. — *Е. Б.*) снова угрожает смертельная опасность» [2].

В этих условиях дальнейшее наступление войск Южной группы было чревато серьезными опасностями. Движение на юг и юго-восток неизбежно приводило к растяжке фронта и к усилению угрозы коммуникациям Южной группы в случае дальнейшего проникновения колчаковцев в тыл 5-й армии.

Между тем командование Восточного фронта, строя беспочвенные планы восстановления положения на Уфимском направлении, не только не считало нужным изменять задачу

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 76—77.

[2] Там же, стр. 77.

Южной группы, но директивой от 13 марта (№ 0788) подтвердило прежнюю цель ее действий: «..Южной группе, продолжая задачу по овладению Уральской областью, прочно обеспечить за собой Оренбургскую область» [1].

Неопределенность положения заставила М. В. Фрунзе самого поставить перед фронтом вопрос о дальнейших задачах руководимых им войск. 19 марта телеграммой № 0717 он запросил командующего фронтом: «В связи с изменившейся обстановкой в районе 1-й и 5-й армий прошу указать, изменилась ли оперативная задача Южной группы и, в частности, куда должна базироваться вновь образовываемая Туркестанская армия — на Туркестан или Волгу?» [2].

Последний вопрос заслуживает большого внимания, свидетельствуя о том, что уже 19 марта у М. В. Фрунзе зародилась мысль о возможности поворота Туркестанской армии на север.

В тот же день последовала ответная телеграмма командующего фронтом, предлагавшая временно отложить исполнением задачу Туркестанской армии, базируя ее на Волгу. Никакой новой задачи взамен откладываемой, командующий фронтом Туркестанской армии не ставил [3].

Тем временем события на фронте 5-й и 1-й армий продолжали складываться все более неблагоприятно. Отход 1-й армии с Южного Урала вызвал директиву командующего фронтом от 22 марта, согласно которой фронт 1-й армии сокращался, а ее задача ограничивалась прикрытием направлений от Верхнеуральска на Стерлитамак и Оренбург. Южной группе теперь уже ставилась задача удержания занятой территории, причем требовалось перевести не менее двух полков в район Орска и вывести один полк в резерв, сосредоточив его в Оренбурге.

Во исполнение этой директивы М. В. Фрунзе отдал 25 марта приказ № 016, которым Туркестанской армии с временно приданным 224-м полком 25-й дивизии ставилась задача обеспечивать Оренбургскую область; 4-я же армия должна была силами 22-й дивизии продолжать выполнять прежние задачи, одну бригаду 25-й дивизии (без 224-го полка) временно передать в Туркестанскую армию и направить ее в район Илецкого городка, а остальные две бригады этой дивизии вывести в резерв Южной группы, сосредоточив их в районе Оренбург, Бузулук, Самара [4].

В этом приказе мы можем усмотреть два обстоятельства большой важности: центр тяжести группировки своих войск

---

[1] ЦГАКА, д. № 52—204, л. 222.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 81.

[3] ЦГАКА, д. № 52—204, л. 214.

[4] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 86—87.

М. В. Фрунзе переносит в сторону Оренбурга и по собственному почину создает групповой резерв значительной силы (две бригады).

Последняя идея М. В. Фрунзе упредила распоряжения фронта на целую неделю: лишь 2 апреля телеграммой № 01072 командующий фронтом предложил «Южной группе подготовить резервы из формирующихся частей в районе Самара, Кинель» [1].

Ясно сознавая возрастающую необходимость активных действий по поддержке 1-й и 5-й армий, М. В. Фрунзе стремился к сокращению фронта Южной группы и созданию за этот счет резервов. Между тем командование Восточным фронтом заставило его растянуть левый фланг Туркестанской армии до Орска, сменив там части 1-й армии. Против такой смены М. В. Фрунзе пытался протестовать еще 19 марта, но безуспешно.

Лишь в упомянутой уже телеграмме от 2 апреля последовало указание о сокращении фронта Южной группы:

«В связи с создавшейся обстановкой на фронте 1-й и 5-й армий 1-я армия вынуждена к 4 апреля оттянуть свои части на линию р. Сакмара, зав. Кананикольский, зав. Богоявленский. Реввоенсовет приказывает: Южной группе оттянуть части, занимающие Орск, ст. Таналыцкая также на р. Сакмара и далее по направлению на Актюбинск» [2].

Таким образом начался частичный отход частей Туркестанской армии из Оренбургской области с целью сокращения фронта.

В то же время на Уральском направлении 22-ю дивизию, развивавшую до сих пор победоносное наступление, постигла крупная неудача. 1 апреля три полка этой дивизии с артиллерийским и кавалерийским дивизионами были поочереди атакованы и изолированно разбиты крупными силами конных казаков.

Этот тяжелый эпизод заставил товарища Фрунзе задержать Александрово-Гайскую бригаду (теперь переименованную в 3-ю бригаду 25 сд) в районе Уральска, что впоследствии сыграло немалую роль. Приказ М. В. Фрунзе от 3 апреля № 017 предусматривал дальнейшее сокращение фронта и отказ от наступательных действий в Уральской области [3]. 22-я стрелковая дивизия получила задачу перейти к обороне. Тем же приказом 25-я дивизия уже целиком выводилась в групповой резерв, с расположением 1-й бригады в районе Оренбург, Сорочинская, 3-й бригады (без одного полка) — в Уральске и 2-й бригады (без одного полка) — в районе Самары [4].

---

[1] ЦГАКА, д. № 52—204, л. 200.

[2] ЦГАКА, д. № 1130, ф. 106, л. 124.

[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 90—91.

[4] Бригады 25-й стрелковой дивизии в то время имели номера 1-й, 2-й и 3-й; впоследствии они были перенумерованы в 73-ю, 74-ю и 75-ю, каковой нумерации мы и будем придерживаться ниже.

Наконец, приказом от 5 апреля № 019 М. В. Фрунзе определил порядок дальнейшего отхода Туркестанской армии от Орска и Актюбинска.

Так, исходя из правильной оценки обстановки и предвидя необходимость и неизбежность переноса главного операционного направления Южной группы «малого состава» на север, против стремительно двигавшихся к Волге главных сил белых, М. В. Фрунзе уже в течение марта и в начале апреля создавал предпосылки для будущей перегруппировки. Этими предпосылками являлись:

1) отказ от наступательных задач в Уральской и Оренбургской областях;

2) решительное сокращение фронта;

3) выделение сильного резерва — боеспособной 25-й дивизии, начальником которой М. В. Фрунзе лично назначил легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева (до того командовавшего Александрово-Гайской бригадой).

Создание Южной группы «большого состава» и разработка плана контрнаступления

(Схема 3)

Группировка, сложившаяся на Восточном фронте к началу апреля 1919 г., как бы подсказывала идею удара по левому флангу Западной армии генерала Ханжина. Растянутость фронта белых, их безостановочное наступление без закрепления достигнутых рубежей и без подтягивания резервов создавали широкие предпосылки для успешного контрманевра. Сближение тылов армий южного крыла Восточного фронта (4-й, Туркестанской, 1-й и 5-й), постепенная переориентировка Южной группы «малого состава» (4-й и Туркестанской армий) на север — все это говорило о необходимости объединения действий на южном крыле фронта.

Однако командование Восточного фронта еще не имело общего и четкого плана действий. Отдельные указания штаба фронта сводились к усилению Бугульминского направления, т. е. к созданию заслона на путях отхода 5-й армии к Волге за счет привлечения сил 1-й армии и Южной группы «малого состава». В этих целях фронтовое командование намеревалось использовать и резервы, прибывающие из глубины страны, и формируемые в прифронтовой полосе (части 2-й, 5-й и 35-й стрелковых дивизий). Так, в частности, две бригады 2-й дивизии, перевозимые по железной дороге в район Бугуруслана, было приказано разгружать в Самаре (одна бригада той же дивизии была перевезена в Казань); артиллерию формируемой 5-й дивизии было решено использовать для укомплектования укрепленных участков на Волге, а часть 35-й дивизии обратить в гарнизоны поволжских городов. Одновременно фронтовое командование усиленно заботилось об обороне Волги путем

создания предмостных укреплений у Казани, Симбирска, Самары и Саратова.

7 апреля командование фронта на основе указаний главкома, действовавшего в свою очередь под прямым нажимом ЦК партии, предпринимает определенные шаги к подготовке контрнаступления.

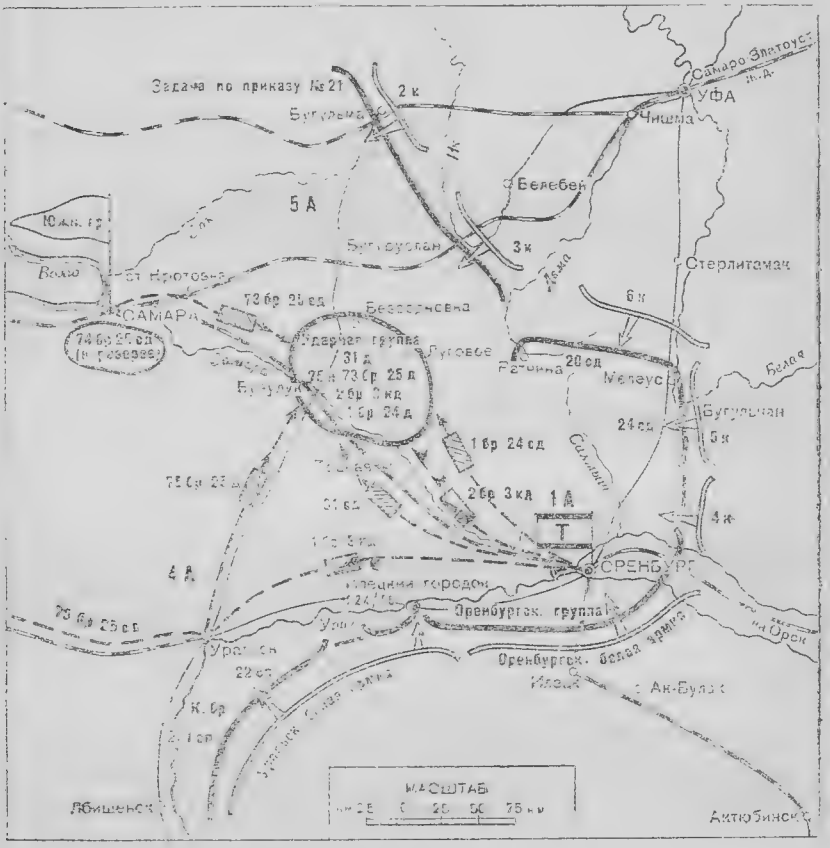


Схема 3
План М. В. Фрунзе от 10 апреля 1919 г.

«Ввиду дальнейшего отхода 5-й армии командующему Южной группой... безотлагательно подготовить бригаду 25-й дивизии и сосредоточить ее по указанию командующего 5-й армией; командующему 1-й армией ускорить начатую перегруппировку с целью вывести бригаду 24-й дивизии в Михайловское (Шарлык) для удара во фланг теснящему 5-ю армию противнику (см. схему 4 на стр. 53); иметь в виду, что левый

фланг армии должен будет принять участие в одновременном ударе с выделяемой в резерв бригадой 24-й дивизии; командующему 5-й армией своими действиями выиграть время, необходимое для сосредоточения подкреплений» [1].

Новая телеграмма в тот же день возлагала на Южную группу задачу прикрытия Оренбурга со стороны Стерлитамака ввиду предполагаемого удара 1-й армии в Бугурусланском направлении.

Во исполнение этих директив М. В. Фрунзе приказом № 020 от 7 апреля предложил командующему Туркестанской армией сосредоточить одну бригаду 31-й стрелковой дивизии севернее Оренбурга, в районе ст. Муранталова (на тракте Оренбург — Стерлитамак), Исаева, Дедова; тем же приказом 73-я бригада (бывшая 1-я) 25-й стрелковой дивизии передавалась 5-й армии, для чего подлежала немедленной отправке по железной дороге через ст. Кинель в Бугуруслан. Это распоряжение, как мы увидим дальше, имело крупные последствия, так как, независимо от дальнейших планов, обеспечило заблаговременное сосредоточение бригады в район Бузулука.

В этот же день, 7 апреля, в разговоре с командующим фронтом Фрунзе впервые поставил вопрос об объединении в его руках руководства всеми четырьмя армиями, действующими южнее Камы (5-й, 1-й, Туркестанской и 4-й). Обязательным условием такого объединения М. В. Фрунзе считал предоставление ему известной оперативной самостоятельности. Командующий фронтом не возражал и обещал немедленно оформить объединение армий соответственной директивой.

После этого разговора М. В. Фрунзе созвал совещание руководящих работников 4-й армии. На этом совещании была выработана основная идея контрнаступления, сводившаяся к следующему.

Наиболее опасной М. В. Фрунзе вполне правильно считал группу противника, наступавшую на Бугуруслан и Самару, т. е. Западную армию генерала Ханжина. Усиливать 5-ю армию для действий со стороны Самары М. В. Фрунзе считал нецелесообразным как по времени, так и по условиям реальной группировки сил; относительно свободные войска Южной группы находились в районе Оренбурга и, во всяком случае, восточнее линии Бугуруслан, Бузулук.

В связи с этим было решено: сосредоточить максимум сил в районе Бузулука, чтобы ударом на север по левому флангу основной группировки противника сорвать его наступление.

Исходя из этой идеи, штаб 4-й армии, не дожидаясь окончательной директивы фронта, немедленно приступил к технической разработке плана.

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 165.

10 апреля, выполняя требования ЦК партии, главком на совещании с Реввоенсоветом Восточного фронта в Симбирске постановил разделить Восточный фронт на две группы армий: Северную — в составе 3-й и 2-й армий под общим руководством командующего 2-й армией и Южную — в составе 5-й, 1-й Туркестанской и 4-й армий под общим руководством М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева (как члена РВС группы). Директива об этом была дана в тот же день.

Так было оформлено создание Южной группы «большого состава» и санкционирован план флангового удара из района Бузулук, Сорочинская, Михайловское (Шарлык) на север.

Однако, согласившись с идеей контрнаступления, главком и фронтовое командование предлагали отложить его до окончания весенней распутицы и уделить основное внимание усилению 5-й армии. Штаб фронта требовал «принимать в расчет предыдущие распоряжения», сводившиеся к мероприятиям по пассивной обороне Волги.

Путаное руководство фронта ставило М. В. Фрунзе в трудное положение, связывая его инициативу. Возлагая на него оперативное управление четырьмя армиями, занимавшими огромный фронт от Уральских степей до Камы, фронтовое командование не позаботилось об усилении штаба Южной группы. Вся тяжесть управления предстоящими операциями легла на штаб 4-й армии.

Но трудности не могли испугать таких людей, как М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. Показывая пример дисциплины и исполнительности, они горячо взялись за непосредственную подготовку. В 23 часа 30 мин. 10 апреля М. В. Фрунзе, как командующий Южной группой «большого состава», объявил свою первую директиву о предстоящей операции — приказ № 021.

Этот приказ так определял задачу Южной группы:

«...Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу».

Для выполнения этой задачи М. В. Фрунзе приказывал:

«1. Пятой армии, приведя войска в порядок с применением самых решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской железной дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма...

2. Первой армии:

а) частями 20-й стрелковой дивизии удерживать противника примерно на фронте от Мелеуса, что на тракте из Стерлитамака в Оренбург, через Сентова и Алешкино до Ратчина (Козинка) включительно;

б) из состава 24-й стрелковой дивизии одну бригаду немедленно перебросить по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от железнодорожной ст. Тоцкая для включения в ударную группу;

в) остальными частями 24-й стрелковой дивизии, путем активных действий против неприятеля в направлении на Бугульчан, задерживать продвижение противника и тем дать возможность сосредоточения ударной группы в районе Бузулука;

г) части 31-й стрелковой дивизии, временно включаемые в состав армии, теперь же направить в Бузулук для присоединения к своей дивизии...

3. Туркестанской армии:

а) все наличные части 31-й стрелковой дивизии со 2-й бригадой 3-й кавалерийской дивизии, включенной в состав ударной группы, подчиняемые с получением сего командующему 1-й армией, перевезти в его распоряжение по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от Бузулука, причем сосредоточение одной стрелковой бригады с конным полком и со штабом дивизии должно быть закончено не позже 18 апреля;

б) 1-й бригаде 3-й кавалерийской дивизии, подлежащей немедленному перемещению из Уральска и Бузулука в район Оренбург, Илецкий городок, совместно с местными формированиями образовать Особую оренбургскую группу под начальством командующего Туркестанской армией для прикрытия района Оренбурга;

в) 224-му стрелковому полку из состава 25-й стрелковой дивизии, расположенному в Илецком городке, продолжать временно оставаться в подчинении командующего Туркестанской армией.

4. Четвертой армии:

а) 22-й стрелковой дивизии с Киргизской конной бригадой и 221-м стрелковым полком продолжать выполнение прежней задачи по прочному обеспечению занятого района Уральской области;

б) 73-й бригаде 25-й стрелковой дивизии, включенной в состав ударной группы, выдвинувшись не позже 18 апреля на фронт Луговое, Безводновка (что в 40—50 верстах к северу от Бузулука), составить прикрытие района сосредоточения всей ударной группы;

в) 75-й бригаде 25-й стрелковой дивизии без 224-го стрелкового полка, включенной в состав ударной группы, продолжать перевозку в район Бузулука;

г) 74-й бригаде 25-й стрелковой дивизии оставаться в Самаре, составляя с формирующимися там войсками резерв всей Южной группы;

д) 73-я и 75-я бригады 25-й стрелковой дивизии, включаемые в состав ударной группы, подчиняются в опера-

тивном отношении командующему 1-й армией с получением сего» [1].

Итак, путем смелых перегруппировок частей М. В. Фрунзе решил создать ударную группу в районе Бузулука, сдерживая противника с фронта силами 5-й армии. Ударную группу должен был возглавить командующий 1-й армией.

Приказ отчетливо определял цель всех этих перегруппировок, требуя «...положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение».

Создание Южной группы «большого состава» и принятие в основу плана действий, разработанного М. В. Фрунзе, явилось важнейшей организационной предпосылкой победы над Колчаком, так как этим:

— непосредственное управление передавалось в руки таких испытанных и твердых большевиков-ленинцев, как М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев;

— руководство операциями приближалось к войскам, объединяя разрозненные до того усилия четырех армий южного крыла фронта;

— обеспечивался переход к активным действиям, рассчитанным на полное поражение колчаковцев и на очищение от них всего Заволжья и Урала.

Организационное и политическое обеспечение контрнаступления

Осуществление плана М. В. Фрунзе требовало огромной организационной и политической работы.

Большую роль в подготовке предстоящей операции играл элемент времени. Части ударной группы были разбросаны на обширных пространствах; понятие о перегруппировках частей дает табл. 1.

Частям ударной группы для сосредоточения приходилось преодолеть по железной дороге и походом в среднем от 250 до 500 *км*. При современных способах и скоростях перевозки войск такие расстояния не кажутся большими. Но в условиях 1919 г., при разрушенном железнодорожном транспорте и отсутствии автотранспорта, при начавшейся распутице, при большом проценте необутых бойцов и т. д., такая перегруппировка требовала огромного напряжения и искусного управления.

Приказ М. В. Фрунзе, в частности, предусматривал сосредоточение в Бузулуке к 18 апреля штаба одной стрелковой бригады и одного кавалерийского полка 31-й стрелковой дивизии; полное сосредоточение ударной группы предполагалось закон-

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 99 – 100.

Таблица 1

Соединения	Район расположения к 10.4	Район сосредоточения	Расстояние (наибольшее) в км	Способ переброски
73-я бригада 25-й стрелковой дивизии	Бузулук, Сорочинская	Луговое, Безводновка	155	Походом
75-я бригада 25-й стрелковой дивизии	Уральск (в пути)	Ст. Кротовка	520[1]	По железной дороге и походом
31-я стрелковая дивизия	Илецк, Ак-Булак, Сарыбаева	Бузулук	355	По железной дороге от Ак-Булака
Бригада 24-й стрелковой дивизии	В районе тракта Стерлитамак, Оренбург	Ст. Тоцкая	240	По железной дороге (от Оренбурга)
74-я бригада 25-й стрелковой дивизии (резерв группы)	Самара	Самара (в резерве)	—	—

чить 21 апреля. Это требовало значительного напряжения оперативных перевозок по железнодорожной линии Оренбург — Бузулук. Между тем из Оренбурга эвакуировалось ценное имущество и продолжался вывоз хлеба, приостановить который, естественно, было нельзя. В то же время штаб 1-й армии, в руках которого находилось управление оперативными перевозками по Оренбургской ж. д., не проявил настоящей заботы о переброске в срок 31-й дивизии. Это отрицательно отразилось на темпах сосредоточения.

Исключительно трудной была задача пополнения и доформирования частей Южной группы. Здесь М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев нашли замечательные пути. По их инициативе в Оренбурге, Самаре, Сызрани и других городах среднего Поволжья формируются рабочие полки. Товарищи Фрунзе и Куйбышев поддерживают самую тесную и оживленную связь с партийными и советскими организациями Самарской, Саратовской, Оренбургской и Ярославской губерний. Выполняя директивы ЦК партии, выраженные в ленинских тезисах о помощи Восточному фронту, местные партийные и советские организации мобилизуют все свободные силы на помощь фронту.

В марте и апреле через политотдел Южной группы прошло и было отправлено на фронт до 6 500 коммунистов.

Прибытие пополнений позволило не только усилить численный состав частей (например, в 220-й, 222-й, 223-й и 225-й полки 25-й стрелковой дивизии было направлено по 500—600 человек

[1] Подсчитано по железной дороге до Пугачева и далее.

в каждый), но что еще важнее, значительно укрепить их качественно. Попутно с пополнением происходила энергичная смена всего негодного, разложившегося и неспособного драться. Все же кадров нехватало, людей приходилось распределять очень экономно, и этим М. В. Фрунзе занимался лично.

Очень остро стоял вопрос о снабжении предметами вооружения. Несколько эшелонов с различным имуществом было направлено центром на фронт через Самару; М. В. Фрунзе распределил это имущество между соединениями, чем навлек на себя неудовольствие штаба фронта, требовавшего оставления запасов в Самаре.

М. В. Фрунзе пришлось давать по этому поводу специальные объяснения, которые показывают, какие трудности приходилось преодолевать на пути вооружения и снабжения частей:

«Относительно имущества, прибывшего с маршрутными поездами... требуемый вами порядок, мне кажется, лишь замедлит нашу работу по формированию. Мною приказано учреждениям штаба группы и губернского комиссариата работать день и ночь, дабы никаких задержек со снаряжением не было. Я прекратил всякую переписку по таким вопросам, и все делается непосредственным сношением и без всяких проволочек» [1].

Напряженная работа управления Южной группой не замедлила сказаться: части буквально «на ходу» довооружались и крепли с каждым днем. Теперь это были уже не разрозненные, поредевшие полки и батальоны, а новые силы, сплоченные свежим коммунистическим и рабочим пополнением, готовые итти в бой против Колчака и понимающие, что от победы над Колчаком зависит существование советской власти и независимость нашей Родины.

Обстановка перед началом контрнаступления и уточнение плана М. В. Фрунзе

(Схема 4)

Пока в тылу Южной группы шла подготовка к контрнаступлению, боевые события на фронте продолжали развиваться.

Элементарными условиями выполнения плана М. В. Фрунзе являлись:

— приостановка наступления белых 5-й армией и прикрытие ею тракта Бузулук, Бугуруслан, Бугульма;

— обеспечение ударной группы 1-й армией со стороны тракта Стерлитамак, Оренбург и успешная перегруппировка ее к левому флангу;

— прочное удержание частями Оренбургской и Уральской группы назначенных им рубежей, обеспечивавших тыл ударной группы;

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 109.

— сбор частей ударной группы полностью, в назначенных районах и в установленный срок.

Как будет видно дальше, ни одно из этих условий полностью соблюдено не было, что предопределило ряд неблагоприятных факторов обстановки в период между 10 апреля

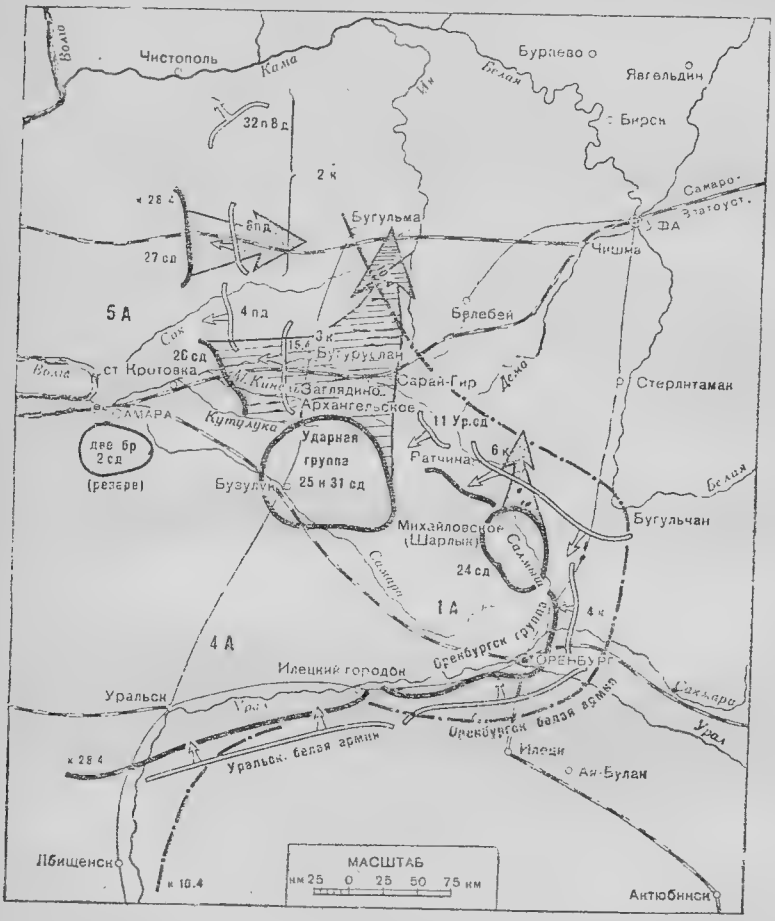


Схема 4
Уточненный план М. В. Фрунзе

(день отдачи приказа № 021) и 28 апреля (день начала контрнаступления). Но в течение того же времени произошли события, благоприятные для Красной Армии.

Сложное взаимодействие отрицательных и положительных факторов обстановки заставили М. В. Фрунзе внести в первоначальный план ряд изменений и уточнений.

12 апреля М. В. Фрунзе выехал на ст. Кинель, куда были вызваны командующие и начальники штабов всех армий Южной группы. На этом совещании выяснилась угроза невыполнения задачи 5-й армией: ее правофланговые части 10 апреля оставили ст. Сарай-Гир (на Самаро-Златоустовской ж. д., в 65 *км* восточнее Бугуруслана) и продолжали отходить. Кроме того, была установлена невозможность переброски частей 24-й стрелковой дивизии (1-й армии) в район Бузулука в назначенное время: эти части сильно запоздали бы. Отказ же от привлечения 24-й дивизии в ударную группу делал нецелесообразным руководство последней командующим 1-й армией.

Эти соображения побудили М. В. Фрунзе дать 13 апреля директиву № 01011, вносившую следующие изменения в первоначальный план:

1. Ударная группа в районе Бузулука создавалась из 25-й и 31-й дивизий под командованием командующего Туркестанской армией.

2. 24-я дивизия (в полном составе) сосредоточивалась в районе Михайловское (Шарлык) «. . .для удара во фланг и тыл Бугурусланской группе противника одновременно с Бузулукской ударной группой» [1].

3. Задача обеспечения Оренбурга возлагалась на командующего 1-й армией, в подчинение которого поступали 1-я кавалерийская бригада 3-й кавалерийской дивизии, 224-й стрелковый полк, местные части Оренбургского гарнизона и вооруженные рабочие.

Таким образом создавались, по существу, д в е у д а р н ы е г р у п п ы, причем части второй группы (24-й стрелковой дивизии) должны были совершить сложную рокировку с правого фланга 1-й армии на левый. Кроме того, фронт предполагаемого наступления расширялся на восток от Бузулука до с. Михайловское (Шарлык), растягиваясь почти на 160 *км* (по прямой); в то же время, благодаря предполагаемому наступлению 24-й стрелковой дивизии из района с. Михайловское (Шарлык) на север, вдоль тракта на Стерлитамак, удар основных сил Южной группы получал значительно большую глубину.

Нельзя не признать полной целесообразности этих распоряжений, свидетельствующих о глубине оперативного мышления М. В. Фрунзе и о трезвом учете им реальных факторов обстановки. Целесообразным являлось и возглавление ударной группы командующим Туркестанской армией, поскольку последняя фактически переставала действовать на своем прежнем направлении.

Между тем части 5-й армии продолжали непрерывно отходить; 15 апреля ими был оставлен Бугуруслан. 26-я стрелковая дивизия с 1-й бригадой 27-й стрелковой дивизии отходила на юго-запад вдоль Самаро-Златоустовской ж. д., потеряв связь с северной группой 5-й армии (27-я стрелковая дивизия и 2-я

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 103.

бригада 5-й стрелковой дивизии). Путь белых на юг — в Бузулук — был освобожден. Таким образом, противник грозил захватить район сосредоточения Туркестанской армии раньше, чем она успеет собраться; фактически в Бузулуке еще только сосредоточивалась 73-я бригада 25-й стрелковой дивизии и прибыло управление дивизии во главе с ее командиром В. И. Чапаевым и комиссаром Д. А. Фурмановым.

В то же время переброска 31-й и 24-й дивизий явно задерживалась.

В этих трудных условиях командование фронта расценивало обстановку пессимистически; вместо энергичной помощи М. В. Фрунзе оно вновь возродило план обороны на рубеже Волги.

16 апреля в Симбирск, на заседание Реввоенсовета фронта, приехал Троцкий. Этот тайный союзник Колчака опять поставил вопрос о необходимости оставления Волги. Панические настроения отразились и на последующих распоряжениях командующего фронтом, требовавшего от М. В. Фрунзе уже не подготовки контрнаступления, а помощи 5-й армии путем «затыкания дыр» отдельными частями. В эти же дни штаб фронта начал готовиться к переезду в Муром, что лишний раз подчеркивало неверие в успех контрнаступления.

Но М. В. Фрунзе и в этой обстановке продолжал правильно оценивать положение. Штаб фронта требовал передачи части войск ударной группы в 5-ю армию. М. В. Фрунзе не соглашался, о чем свидетельствует запись разговора с командующим фронтом по прямому проводу 16 апреля 1919 г.:

«Сейчас только разговаривал с командармом 5, — говорит М. В. Фрунзе, — выяснял положение и договорился об оказании помощи указанными выше частями, причем во взглядах на операцию у нас намечалось некоторое расхождение; я считаю более настоятельным усилить Бузулукскую группу с тем, чтобы сделать ее действительно ударной, а в 5-й армии ограничиться двумя полками, чтобы сдержать наступление; командарм же 5 настаивает на посылке обеих бригад. Если поступить так, то Бузулукская группа будет очень слаба, так как части 31-й дивизии сравнительно плохо снаряжены и подготовлены» [1].

В итоге переговоров М. В. Фрунзе был вынужден того же 16 апреля отдать распоряжение о передаче в 5-ю армию двух бригад 25-й дивизии. Однако М. В. Фрунзе обусловил эту передачу использованием их в направлении на Бугуруслан и с активной задачей.

Между тем через два дня произошел случай, имевший крупное положительное влияние на последующий ход событий. В 18 час. 30 мин. 18 апреля разведка 218-го им. Степана Разина полка 25-й дивизии захватила трех заблудившихся белогвардейских вестовых, везших приказы в 11-ю дивизию белых.

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 109.

Так были перехвачены два приказа 7-й Уральской дивизии горных стрелков — № 045 от 14 апреля и № 046 от 15 апреля [1].

Упоенные успехами непрерывного $1^1/_2$-месячного наступления, колчаковские генералы уже видели себя на берегах Волги. К середине апреля Западная армия генерала Ханжина имела следующую группировку:

2-й Уфимский корпус. 8-я Камская дивизия наступала тремя полками западнее Бугульмы вдоль Волго-Бугульминской ж. д. и одним (32-м Прикамским) — на Чистополь; 4-я Уфимская дивизия наступала южнее Бугульминской ж. д. вдоль р. Сок.

3-й Уральский корпус наступал вдоль Самаро-Златоустовской ж. д.; Оренбургская казачья бригада выдвигалась в Троицкое (20 *км* юго-восточнее Бугуруслана) для дальнейшего преследования советских войск в направлении ст. Толкай; 6-я дивизия выходила на линию Шестанкина, Ключевка, Лабовка (все пункты на большаке, непосредственно севернее Бугуруслана). 14 апреля она заняла Бугуруслан. 7-я дивизия 16 апреля должна была наступать на ст. Подбельская (40 *км* юго-западнее Бугуруслана). Ижевская бригада из района Менеуз-Тамакова (45 *км* юго-восточнее Белебей) выводилась в резерв, сменяясь частями 6-го корпуса.

6-й Уральский корпус. 11-я Уральская дивизия 13 апреля получила задачу выйти в район Троицкая (40 *км* северо-восточнее Бузулука) для удара на Бузулук; 12-я Уральская дивизия наступала на Ратчина [24 *км* северо-западнее Михайловское (Шарлык)].

Таким образом, Западная армия генерала Ханжина растянулась на фронте в 270 *км*; правый фланг ее находился севернее Волго-Бугульминской ж. д., а левый — на тракте Стерлитамак, Оренбург.

Приказы, перехваченные чапаевскими разведчиками, давали ясное представление о группировке и задачах 3-го Уральского корпуса. Из них было также очевидно, что на фронте 160 *км* от Ратчины до Бугуруслана действуют лишь части 6-го Уральского корпуса, причем как между его дивизиями, так и между ним и 3-м корпусом имелись разрывы, достигавшие 40—50 *км*.

Важность захваченных приказов белых была правильно оценена В. И. Чапаевым, и он немедленно лично передал их содержание по прямому проводу М. В. Фрунзе.

Группировка белых, известная теперь М. В. Фрунзе, допускала разгром 6-го Уральского корпуса по частям и позволяла нанести удар в тыл 3-го Уральского корпуса.

Однако, несмотря на растянутость Западной армии генерала Ханжина и опасную для нее группировку сил, угроза Бузулуку

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 110—112.

продолжала существовать. К 18 апреля в Бузулуке сосредоточились из состава 31-й дивизии лишь пять рот 271-го стрелкового полка и пять рот 276-го Ак-Булакского полка [1]. 74-я и 75-я бригады 25-й дивизии двигались вдоль Самаро-Златоустовской ж. д., выходя на правый фланг 5-й армии, а 24-я дивизия запаздывала сосредоточением. Таким образом, удар 11-й дивизии белых должна была принять на себя одна 73-я бригада 25-й дивизии, прикрывавшая район сосредоточения Туркестанской армии.

Ясно, что в этих резко изменившихся условиях план М. В. Фрунзе не мог не подвергнуться дальнейшим уточнениям. И мы видим, как М. В. Фрунзе правильно и искусно использует изменившуюся обстановку, оставляя неприкосновенной свою идею флангового удара, но внося в ее осуществление ряд новых черт.

Эти черты отразились в приказе № 022 от 19 апреля, который следующим образом формулировал задачи соединений:

«а) 5-й армии, усиленной 74-й и 75-й бригадами 25-й стрелковой дивизии, не только остановить напор противника и дальнейшее его продвижение вдоль Бугульминской и Бугурусланской железных дорог, но контрударом оттеснить его, имея ближайшей задачей овладение районом Бугуруслана...

б) Ударной группе под начальством командарма Туркестанской тов. Зиновьева в составе 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии, 31-й стрелковой дивизии и Оренбургской казачьей бригады, сосредоточившись в районе к северу от Бузулука, перейти в решительное наступление в общем направлении на фронт ж.-д. ст. Заглядино, Бугуруслан с целью совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его Бугурусланскую группу к северу, отрезав его от сообщений к Белебею...

в) 1-й армии, минуя всякие препятствия, прекратить дальнейший отход; перейдя теперь же в решительное наступление, сковать находящиеся перед ней части 6-го корпуса противника, дабы не дать им возможности войти в связь с 3-м Уральским корпусом и тем самым угрожать правому флангу ударной группы» [2].

Приказ ясно излагает как идею М. В. Фрунзе, так и способы ее осуществления. Подчеркнем, что М. В. Фрунзе предусматривал использование в предстоящем наступлении не только тех сил, которые были определены первоначальным планом, но и всей 24-й стрелковой дивизии (вместо одной ее бригады), а также 5-й армии, правофланговой группе которой теперь ставилась активная наступательная задача. Но силы эти группировались не так, как намечалось приказом № 021 от 10 апреля. Изменилась обстановка, изменился и план действий.

---

[1] ЦГАКА, д. № 1056, ф. 106, лл. 71—81.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 113.

Между тем противник продолжал свое наступление к Волге. Хвастливая директива штаба Колчака, датированная 20 апреля, требовала «...продолжая энергичное преследование, отбросить противника на юг в степи и, не допуская его отхода за Волгу, перехватить важнейшие на ней переправы»[1].

Белогвардейцы настолько были уверены в успехе, что свой стратегический резерв — корпус генерала Каппеля — они предполагали перевозить прямо к Волге.

На самом же деле к середине апреля белые дивизии уже в значительной мере начали терять боеспособность. Сказывалось изнурение от непрерывного $1^1/_2$-месячного наступления. Распутица сковала обозы, артиллерия и парки отставали, разлившиеся реки служили серьезным препятствием для движения войск. Наконец, положение в тылу колчаковских армий было неблагополучным для белогвардейцев. Население проявляло к ним плохо скрываемую враждебность, среди солдат росли революционные настроения.

В двадцатых числах апреля произошел ряд событий, усложнивших положение Красной Армии на крайнем южном крыле фронта.

Пользуясь ослаблением сил Красной Армии, вызванным перегруппировкой, контрреволюционные казачьи части заметно повысили свою активность под Уральском. Слабые части 22-й стрелковой дивизии не могли сдержать натиска белоказаков и 24 апреля отошли в Уральск, причем связь с этими частями прервалась[2].

Так же складывалась обстановка и под Оренбургом. Здесь к 20 апреля белоказаки достигли четверного превосходства — 20 984 штыков и сабель белых против 5 662 штыков и сабель Оренбургской и Илецкой группы[3]. Противник подошел почти вплотную к городу, охватив его полукольцом.

Такое ухудшение обстановки под Оренбургом и Уральском не представляло для М. В. Фрунзе большой неожиданности: выполняя смелую перегруппировку и решительно усиливая главное направление за счет второстепенных, этот выдающийся полководец шел, конечно, на известный риск. Но падение Оренбурга и Уральска чрезвычайно осложнило бы положение в тылу ударной группы. Поэтому возникшая угроза диктовала, во-первых, необходимость упорной обороны этих пунктов, а во-вторых, важность всемерного ускорения общего наступления. Вопреки этой очевидной необходимости командующий 1-й армией затеял предательский отход от Оренбурга, собираясь отдать его без боя. Намереваясь отвести части армии на линию ст. Переволоцкая (60 *км* западнее Орен-

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 182.

[2] ЦГАКА, д. № 1131, ф. 106, л. 109.

[3] В. Ф. Воробьев, Оборона Оренбурга. Воениздат, 1938, стр. 11.

бурга), Киселевка (на р. Чуран), Игнашкино (на р. Ток, 60 *км* северо-восточнее Бузулука), он самовольно начал эвакуацию органов управления армии из Оренбурга в Сызрань, вывозя без разбора всякое имущество и нарушая этим оперативные перевозки Туркестанской армии.

В ответ на категорическое запрещение М. В. Фрунзе покидать Оренбург командующий 1-й армией принес жалобу главкому, что вызвало запросы и требования «объяснений» от Реввоенсовета Южной группы.

М. В. Фрунзе дал суровый отпор дезорганизаторским действиям командующего 1-й армией. Но фронтовое командование не считало сохранение Оренбурга и Уральска важной задачей. Преувеличивая опасность, грозившую Волге со стороны Западной армии генерала Ханжина, и переоценивая значение неудач 2-й армии, продолжавшей отход к р. Вятка, командующий фронтом 19—20 апреля развивает идею новой группировки в трех направлениях — на Самару, Симбирск и Казань. Маскируя этими вариантами действий все тот же план отхода войск Красной Армии за Волгу, фронтовое командование настаивает на необходимости отложить наступление Южной группы до того времени, когда подсохнет грунт, т. е. до 10—15 мая.

Согласиться с таким предложением — значило сорвать всю операцию. И М. В. Фрунзе настойчиво продолжает осуществлять свой план. Он окончательно уточняет этот план в следующей телеграмме командующему Восточным фронтом от 23 апреля:

«...Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операция выполняется путем атаки на правом фланге 5-й армии двумя бригадами 25-й стрелковой дивизии в полосе между речками М. Кинель и Кутулук и частями 26-й дивизии севернее р. М. Кинель. Одновременно с этим на левом фланге 5-й армии производится частями 27-й дивизии атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью сковать противника и не позволить ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану.

Главный удар наносится с юга частями 31-й и одной бригадой 25-й стрелковых дивизий, которые составят ударную группу и, сосредоточившись в районе Дураковка (Озерье), Сергеевка, Кирилловка, Могутово и Подсолнечное, наносят удар во фланг и в тыл 7-й горной дивизии противника, имея задачей сбить его с железной дороги и отбросить к северу. Для охраны правого фланга ударной группы со стороны частей 11-й и 12-й дивизий противника и для оказания содействия левому флангу 1-й армии, путем удара во фланг противнику, наступающему на этот фланг, выдвигается в район Никольское, Боровка конная бригада (см. схемы 7 и 8 — *Е. Б.*).

1-я армия, упорно обороняя частями 20-й стрелковой дивизии и местными формированиями район Оренбурга и обеспечивая направление Стерлитамак, Оренбург на правом фланге, должна частями 24-й дивизии сковать находящиеся перед нею части и не допустить до тактического соединения с частями Бугурусланской группы противника путем упорной атаки имеющихся перед ее левым флангом частей противника.

4-я армия частями 22-й стр. дивизии должна продолжать упорную оборону района Уральска и железной дороги Уральск — Саратов.

В резерве группы остаются в районе Самара — Иващенково две бригады 2-й стрелковой дивизии, которые предполагается использовать для развития успеха» [1].

Во исполнение этого решения 24 апреля в 21 час армиям группы была дана следующая директива (№ 0119):

«Для осуществления Бугурусланской операции в дополнение № 022 приказа войскам группы предписываю:

1) Ударной группе, сосредоточившись в районе по обе стороны тракта Бузулук — Бугуруслан, иметь исходную линию на фронте Безводновка, Краснослободка, Феклина вкл.

2) Разграничительной линией между Бузулукской ударной группой и 5-й армией при нанесении удара иметь Феклина иск., Архангельское (Городецкое) вкл., ст. Нагаткина вкл. — все для 5-й армии.

3) Сосредоточение Бузулукской ударной группы и 5-й армии закончить к вечеру 27 апреля и 28 апреля с рассветом начать решительное наступление, имеющее целью, действуя в полной согласованности, атаковать противника с фронта и с глубоким охватом его левого фланга, дабы, разбив его, отбросить к северу.

4) Командующему Бузулукской ударной группой, осуществляя удар с юга, иметь заслон для обеспечения всей операции справа от подходящих на соединение с 3-м Уральским корпусом частей 6-го корпуса противника. С этой же целью использовать свою конницу, на обязанности коей, помимо боевых действий в глубокий тыл Бугурусланской группы противника, возлагается ведение усиленной разведки со стороны реки Умир (она же Умирка) примерно на фронте Никольское, Жердина (Дурасово, Тараханово).

5) 1-й армии, удерживая Оренбургский район, продолжать самые решительные атаки, путем атаки своим левым флангом частей 12-й дивизии противника, для чего путем перегруппировки все время усиливать свое ударное крыло» [2].

В этих документах ясно выявлено стремление М. В. Фрунзе к глубокому охвату фланга и тыла противника ударом в направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир. Таков, следовательно, был окончательный план М. В. Фрунзе.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 119—120.

[2] ЦГАКА, ф. штаба 1 А, д. № 61—800, лл. 254—256.

Первые боевые успехи Южной группы
(Схемы 5—7)

Общее наступление М. В. Фрунзе назначил на 28 апреля. Однако еще в течение последней недели перед контрнаступлением части 1-й и Туркестанской армий нанесли ряд частных контрударов по противнику и в завязавшихся упорных боях одержали ряд успехов.

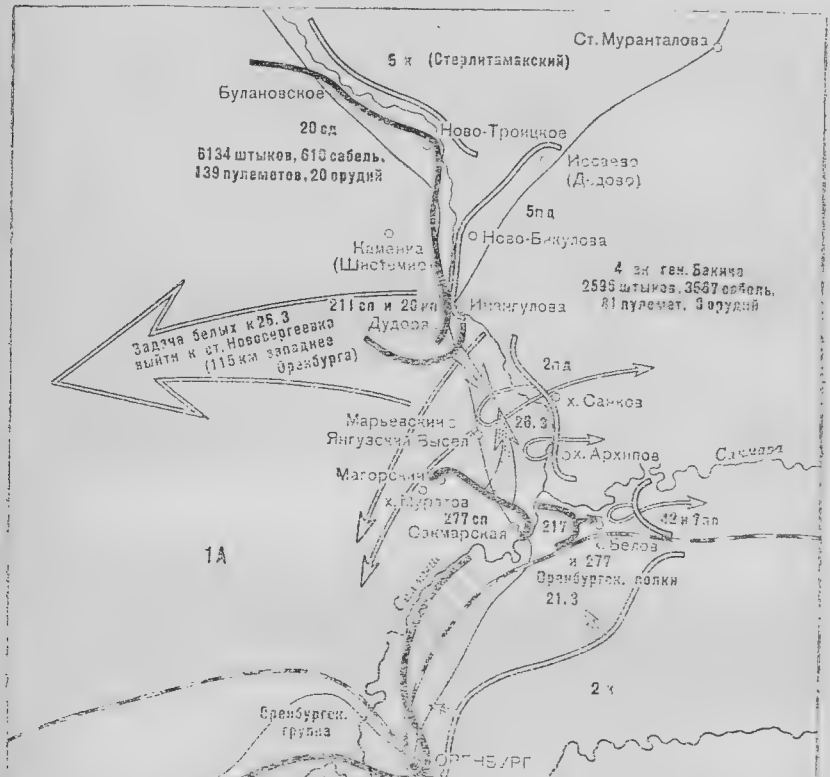


Схема 5
Контрудар 20-й стрелковой дивизии и поражение корпуса генерала Бакича на р. Салмыш

Первое поражение белогвардейцы понесли от частей центрального участка 1-й армии, оборонявшихся на р. Салмыш (правый приток р. Урал, к северу от Оренбурга). Здесь наступал 4-й армейский корпус генерала Бакича, имевший задачей переправиться главными силами (2-я и 5-я дивизии) через р. Салмыш в 40 *км* севернее Оренбурга и к 26 апреля выйти в район ст.

Новосергеевка (на железной дороге Оренбург — Самара, в 115 *км* западнее Оренбурга). Выполнение белыми этой задачи выводило бы их непосредственно в тыл Туркестанской армии и грозило срывом наступательной операции М. В. Фрунзе.

Рубеж р. Салмыш обороняла 20-я стрелковая дивизия 1-й армии, силой 6 134 штыка, 610 сабель, 139 пулеметов и 20 орудий. Корпус генерала Бакича насчитывал 2 595 штыков, 3 567 сабель, 81 пулемет и 8 орудий. Но против корпуса Бакича действовала лишь меньшая часть 20-й дивизии, занимавшей широкий фронт и на своем левом фланге сдерживавшей 5-й Стерлитамакский корпус белых. Таким образом, фактическое превосходство в силах (особенно в коннице) было на стороне белогвардейцев.

Река Салмыш, разлившаяся после таяния снегов, представляла собой значительную водную преграду. Готовясь к форсированию, части генерала Бакича собрали 25 лодок и построили 2 парома. План белых заключался в нанесении удара силами 2-й дивизии (на левом фланге корпуса) из района х. Санков, х. Архипов вдоль правого берега р. Сакмара для содействия 2-му Оренбургскому корпусу в овладении Оренбургом; правее должна была форсировать р. Салмыш 5-я дивизия. Удар 2-й дивизии белых фактически приходился по пустому месту, так как он был нацелен южнее правого фланга 20-й стрелковой дивизии.

План нашего командования заключался в том, чтобы, допустив переправу частей 4-го корпуса через р. Салмыш, двойным ударом (с севера — 20-я стрелковая дивизия, с юга — части Оренбургской группы) уничтожить их на правом берегу реки.

Для выполнения этого плана были выделены лишь два полка: 211-й полк (из армейского резерва) должен был наступать с фронта 20-й стрелковой дивизии, 277-й — со стороны Оренбурга (Сакмарская, Магорский). Общая численность этих полков достигала 3 500 штыков.

Белые начали переправу в ночь на 21 апреля и стали довольно быстро продвигаться на юго-восток. Но уже в этот день в бою у х. Белова (35 *км* северо-восточнее Оренбурга) соединенными усилиями 217-го и части 277-го Оренбургских полков были разбиты 42-й Троицкий и 7-й Хвалынский полки белых, наступавшие в стыке двух корпусов (4-го и 2-го). В первом же бою проявилось разложение белых войск: большинство солдат 7-го Хвалынского полка либо перешло на сторону Красной Армии, либо разбежалось.

В боях 24—26 апреля в районе Сакмарская, Янгузский выселок были разбиты главные силы корпуса генерала Бакича. Особенно ожесточенный бой произошел 26 апреля при попытке противника переправиться у х. Архипов. По переправившимся частям 2-й и 5-й дивизий белых был нанесен сокрушительный удар с севера силами 211-го стрелкового и 20-го кавалерий-

ского полков (со стороны Дудоря), с юга — 277-м стрелковым полком. В результате этого боя белые потеряли 300 убитых, 1 500 пленных, всю артиллерию, 20 пулеметов, массу патронов, связь и дела штаба 2-й дивизии.

Бои на р. Салмыш продемонстрировали высокое тактическое искусство частей 1-й армии. В то же время не малую роль в разгроме корпуса Бакича сыграли отрицательные настроения его войск. Насильно мобилизованные солдаты, не желавшие воевать, способствовали поражению белогвардейцев.

В дни боев на р. Салмыш были также отражены все попытки 2-го и 1-го Оренбургских казачьих корпусов белых захватить Оренбург ударами с востока и юга. Правда, белоказакам удалось почти вплотную подойти к городу, захватить Меновой Двор (непосредственно южнее Оренбурга), но оборона города, основой которой были рабочие полки, оставалась достаточно прочной.

Успехи 1-й армии под Оренбургом обеспечили дальнейшие операции Южной группы.

Первые успехи были достигнуты также и 24-й стрелковой дивизией, заканчивавшей сосредоточение в районе юго-западнее с. Михайловское (Шарлык). Эта дивизия насчитывала 7 928 штыков, 730 сабель, 198 пулеметов и 30 орудий; ее части отличались высокой боеспособностью. Против нее действовала 12-я Уральская пехотная дивизия и 3-я Оренбургская казачья бригада белых, всего не менее 6 000 штыков и сабель.

Кроме того, с востока в направлении с. Михайловское (Шарлык) наступали части 6-й сводной Оренбургской дивизии 5-го Стерлитамакского корпуса белых, насчитывавшей около 2 500 штыков и сабель при 11 пулеметах и 6 орудиях.

Еще 15 апреля М. В. Фрунзе указал командующему 1-й армией на желательное использование 24-й дивизии следующей телеграммой (№ 0137):

«Из перехваченного приказа 45-му полку видно, что 12-я дивизия противника спешит выдвинуться на южный берег реки Демы до вскрытия реки. Этому нужно воспрепятствовать, а если это не удастся, то желательно было бы атаковать части 12-й дивизии в то время, когда у нее в тылу будет непроходимое препятствие в виде вскрывшейся реки»[1].

Эта задача выполнялась, но медленно. Лишь 19 апреля 24-я дивизия начала развертывание на линии Яфарова, Ново-Никитино, Ивановка (Александровка) фронтом на северо-запад. С 20 по 25 апреля она завязала бои с частями 45-го, 46-го и 47-го полков 12-й Уральской дивизии, уже перешедшими р. Дема. В результате этих боев белогвардейцы были оттеснены из Романовского (Карабалак) на Воздвиженское (ст. Никитино) и из Залесова на Покровку, причем части

[1] ЦГАКА, д. № 52—227, л. 230.

24-й дивизии захватили до 200 пленных, несколько пулеметов и 2 орудия. В то же время попытки 6-й сводной Оренбургской дивизии и 3-й Оренбургской казачьей бригады 23—26 апреля захватить Михайловское (Шарлык) были отбиты.

Этот успех 24-й стрелковой дивизии был, пожалуй, не менее важен для судьбы предстоящего общего наступления, чем победа 20-й дивизии на р. Салмыш. О том значении, которое придавал М. В. Фрунзе действиям 24-й дивизии, свидетельствует его телеграмма командующим армиями (№ 01164 от 22 апреля). Отмечая достигнутые успехи, М. В. Фрунзе

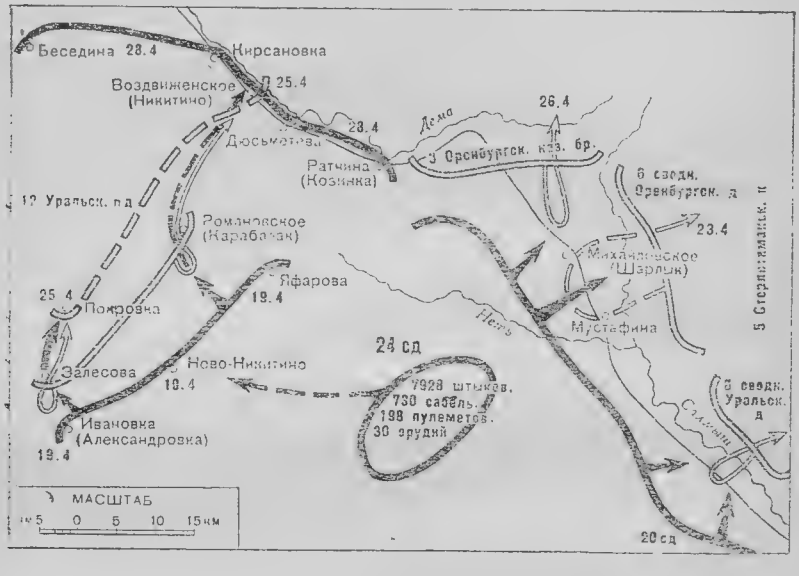


Схема 6
Контрудар 24-й стрелковой дивизии на р. Дема

ставит задачу: «1-й армии усилить всем, чем можно, свой левый фланг и перейти в самое решительное наступление против частей 12-й дивизии противника, дабы во что бы то ни стало приковать к себе возможно большие силы из состава 6-го корпуса противника» [1].

Выполнение этой задачи гарантировало правый фланг Туркестанской армии, на фронте которой также завязались бои. 73-я бригада 25-й стрелковой дивизии начала 18 апреля выдвижение из Бузулука к р. Боровка. Ее левый фланг двигался вдоль большака Бузулук, Бугуруслан. К 24—25 апреля противник вышел на линию Ждамировка, Мотовиловка (на р. Боровка), Александровка (на большаке) — все пункты в 40—45 *км* севернее и северо-восточнее Бузулука. Здесь действовала

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр 119.

Схема 7. Контрудар 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии на р. Боровка

11-я Уральская дивизия 6-го корпуса (41-й, 42-й, 43-й и 44-й полки), имевшая ближайшей задачей захват Бузулука. Фронт этой дивизии белых был растянут на 50 *км*.

25 — 26 апреля 73-я бригада вступила в упорные бои с белыми и уже 27 апреля отбросила противника на два перехода к верховьям реки М. Кинельчик (северо-восточнее большака Бузулук, Бугуруслан). Тем самым разрыв между флангами 6-го и 3-го Уральских корпусов белых был увеличен.

Эти инициативные действия 73-й бригады, которой руководил лично В. И. Чапаев, не только отвели угрозу району сосредоточения Туркестанской армии, но и положили начало разгрому 11-й дивизии белых.

Таким образом, план М. В. Фрунзе в отношении разгрома 6-го Уральского корпуса по частям стал выполняться еще между 20 и 27 апреля путем нанесения частных контрударов.

25 — 26 апреля начался благоприятный перелом и на правом фланге 5-й армии. Здесь 74-я и 75-я бригады 25-й стрелковой дивизии двигались на восток между рр. М. Кинель и Кутулук, имея задачей выйти на большак Бузулук, Бугуруслан для последующего наступления на Бугуруслан с юга. Они еще не вошли в боевое соприкосновение с противником. Действовавшие левее части 26-й стрелковой дивизии, пополненные и приведенные в порядок, начали оказывать упорное сопротивление наступавшему противнику. 3-я бригада 26-й дивизии 26 апреля прочно оседлала большак Бугуруслан, Кротовка, между дд. Архангельское и Ега (в 30 — 35 *км* юго-западнее Бугуруслана); в бою под Покровским 25 апреля части бригады взяли 200 пленных и захватили 8 пулеметов [1].

Но в то же время на левом фланге 26-й дивизии, где действовали ее 2-я бригада и 1-я бригада 27-й дивизии, положение продолжало оставаться угрожающим. 26 апреля 4-я Уфимская дивизия белых захватила Сергиевск и продолжала движение на юг, к ст. Кротовка, пытаясь охватить открытый левый фланг 1-й бригады 27-й дивизии. Слабый Сергиевский отряд, оставив Сергиевск, отошел к д. Нижн. Орлянка, откуда до Волги по прямой оставалось всего лишь 80 *км*, т. е. не более 3 переходов.

Всякая связь между 26-й дивизией и Бугульминской группой 5-й армии (27-я дивизия без 1-й бригады и бригады 5-й дивизии) была потеряна. Эта группа непрерывно отходила по направлению к Симбирску вдоль Волго-Бугульминской ж. д., теснимая 8-й Камской дивизией белых. К 28 апреля Бугульминская группа отошла на меридиан ст. Челны (около 200 *км* восточнее Симбирска).

Наконец, на крайнем левом фланге 5-й армии противник еще 25 апреля овладел Чистополем, выйдя, таким образом, к Каме и угрожая тылу 2-й армии.

---

[1] Оперсводка штаба Южной группы к 15 часам 27.4.19. ЦГАКА, д. № 1134, ф. 106, лл. 246—251.

2-я армия до 26 апреля занимала фронт от Тихих гор (на Каме, в 20 *км* к северо-востоку от г. Елабуга) и далее по р. Вала, но после 26 апреля под давлением усиленных атак противника продолжала общий отход к р. Вятка.

Общая оценка положения перед началом контрнаступления

Итак, с 20 по 27 апреля на всем фронте Южной группы от Оренбурга до Бугуруслана уже начали проявляться признаки благоприятного перелома.

Разгром 4-го армейского корпуса генерала Бакича; устойчивое положение, занятое 24-й дивизией на левом фланге 1-й армии, и ее первые победы над 12-й Уральской дивизией белых; поражение, понесенное 11-й Уральской дивизией белых на р. Боровка; приостановка наступления 3-го Уральского корпуса белых на правом фланге 5-й армии, — все это свидетельствовало о кризисе наступления белогвардейцев и обеспечивало успех предстоящего контрнаступления Южной группы. Еще до 28 апреля весь левый фланг Западной армии генерала Ханжина, Южная группа генерала Белова и Оренбургская армия генерала Дутова были частично разбиты, частично остановлены; резервов у белых не было, распутица затрудняла перегруппировку. Соединения белогвардейцев растянулись на огромном фронте от Чистополя до Оренбурга (схема 2), представляя собой, по существу, изолированные группы войск.

Политико-моральное состояние значительной части войск белых было также основательно подорвано.

Однако положение на Восточном фронте продолжало оставаться весьма серьезным. Неудачи на левом фланге 5-й армии, падение Чистополя и Сергиевска, отход 2-й армии к р. Вятка, а также угроза Уральску и Оренбургу требовали быстрейшего развития главного удара, намеченного М. В. Фрунзе.

Силы для этого удара были в основном уже сосредоточены. Фактически в наступлении могли принять участие соединения, перечисленные в табл. 2 (см. стр. 68).

Таким образом, М. В. Фрунзе удалось путем умелой перегруппировки, не дожидаясь прибытия новых соединений, за счет собственных сил армий Южной группы, создать достаточно мощные ударные кулаки. При этом он шел на риск частных неудач на второстепенных направлениях — под Оренбургом и Уральском. Умение правильно расставить силы и жертвовать второстепенным ради главного — одна из важных черт полководческого искусства М. В. Фрунзе.

К началу общего наступления еще далеко не все силы, намеченные М. В. Фрунзе в состав ударной группы, были собраны. Так, из состава 31-й стрелковой дивизии, начавшей переброску 11—12 апреля, к 28 апреля в район сосредоточения прибыло семь полков, а к 29 апреля — восемь.

Таблица 2

Соединения	Армия	Район расположения	Приблизительная численность (штыков и сабель)
Действующие части			
24-я стрелковая дивизия	1-я	Романовское, Залесова, Яфарово	7 600
73-я бригада 25-й стрелковой дивизии	Туркестанская	Северо-восточнее р. Боровка	7 600
74-я и 75-я бригады 25-й стрелковой дивизии	5-я	Языково, Ниж. Кинельское	
26-я стрелковая дивизия (с 1-й бригадой 27-й стрелковой дивизии)	5-я	Севернее и восточнее Кинель Черкасская	8 500
		Итого . .	23 700
Резервы			
31-я стрелковая дивизия (в процессе сосредоточения)	Туркестанская	Бузулук, Сорочинское	10 700
2-я стрелковая дивизия (две бригады)	В резерве группы	Красный Яр, Смышляевка	8 000
		Итого . .	18 700
		Всего . .	42 400

2-я стрелковая дивизия (шесть полков) 24 апреля была, наконец, передана фронтом в распоряжение М. В. Фрунзе. Но формирование этой дивизии еще продолжалось, и он предполагал использовать ее лишь дней через десять для развития успеха ударной группы.

Тем не менее откладывать наступление нельзя было, и Фрунзе это хорошо понимал. Следовало использовать начавшийся перелом в центре и на правом фланге Южной группы и, не давая противнику опомниться и перегруппироваться, нанести ему мощный удар. Распутица, казавшаяся таким страшным жупелом командованию фронта, не пугала Фрунзе: она, конечно, затрудняла наступление наших войск, но связывала также и маневрирование противника.

В таких условиях товарищем Фрунзе по существу самостоятельно была подготовлена крупная операция, представляющая собой контрнаступление фронтового масштаба. Это контрнаступление, охватившее период от 28 апреля по 19 июня 1919 г., развернулось в пространстве между Волгой и Белой, в огромном районе, ограниченном с севера Камой и с юга линией Михайловское (Шарлык), Бузулук, Самара.

Наступательные задачи в операции выполняли (справа налево): левое крыло 1-й армии, Туркестанская и 5-я армии.

В то же время на правом крыле Южной группы 4-я армия и частично 1-я армия выполняли оборонительные задачи, удерживая районы Уральска и Оренбурга.

Сложность и своеобразие операции заключалось прежде всего в огромном протяжении фронта и в разнообразии задач,

выполняемых армиями, а также в необходимости непосредственно направлять и координировать действия ударных групп фронтового значения, состоявших из соединений трех разных армий — Туркестанской армии, 24-й дивизии 1-й армии и правофланговых частей 5-й армии. Отсюда вытекал и характер управления войсками: фактически тяжесть управления целиком легла на М. В. Фрунзе и штаб Южной группы, минуя армейские аппараты управления; причем Фрунзе сплошь и рядом приходилось осуществлять свои оперативные замыслы при прямом противодействии как снизу (особенно со стороны командующих 5-й и 1-й армиями), так и со стороны фронтового командования.

Своеобразие и чрезвычайная сложность обстановки, в которой пришлось организовывать и подготовлять контрнаступление Южной группы, впоследствии были охарактеризованы самим М. В. Фрунзе в следующих словах:

«...Я припоминаю обстановку, в которой работал мой штаб в Самаре. Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге; мы едва удерживали Оренбург, окруженный с трех сторон; защищавшая его армия все время стремилась к отходу; к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной; но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое.

В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, стоявшего за продолжение отступления. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака»[1].

Контрнаступление Южной группы может быть разделено на три последовательные операции:

Бугурусланская операция — 28 апреля — 13 мая выполненная силами левого крыла 1-й армии, Туркестанской и 5-й армиями.

Белебейская операция — 15 — 19 мая, выполненная силами левого крыла 1-й армии и Туркестанской армией.

Уфимская операция — 25 мая — 19 июня, выполненная силами Туркестанской армии.

Состав, группировка и задачи войск в каждой из этих операций менялись, но общая цель разгрома главных сил Колчака оставалась неизменной.

---

[1] М. В. Фрунзе, Избранные произведения. Воениздат, 1940, стр. 50.

ГЛАВА IV

БУГУРУСЛАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Общим наступлением на 240-*км* фронте от с. Михайловское (Шарлык) до Кинель-Черкасской началась Бугурусланская операция Южной группы. Эта операция распадается на два этапа:

1-й этап — с 28 апреля по 4 мая; основная цель — разгром 6-го Уральского корпуса, ликвидация угрозы Волге путем глубокого охвата фланга и тыла 3-го Уральского корпуса, овладение Бугурусланом и Сергиевском.

2-й этап — с 6 мая по 13 мая; основная цель — поражение 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпусов белых в районе Бугульмы и овладение Бугульмой.

Ниже мы рассмотрим главнейшие события операции по этапам и ее общие итоги.

Первый этап операции 28 апреля — 4 мая

(Схема 8)

Решающие бои первого этапа операции разыгрались на Бугурусланском направлении, т. е. на фронте Туркестанской и правого фланга 5-й армий.

Развертывание Туркестанской армии (фактически — 73-я бригада 25-й дивизии и 92-я бригада 31-й дивизии) было назначено на рубеже Безводновка, Феклина, по обе стороны тракта Бузулук — Бугуруслан (около 55 *км* севернее Бузулука). Армия должна была наносить удар в общем направлении на ст. Заглядино (в 20 *км* восточнее Бугуруслана). Ее правый фланг обеспечивала 2-я бригада 3-й кавалерийской дивизии, развернувшаяся в районе Ягодное, Ждамировка, Игнашкино.

К левому флангу Туркестанской армии непосредственно примыкали 74-я и 75-я бригады 25-й дивизии, развертывавшиеся на линии Языково, Лазовка (между рр. Кутулук и М. Кинель). Они имели задачу наступать на Бугуруслан с юга, в тыл противника, действующего против 26-й стрелковой дивизии.

Севернее наступала 3-я бригада 26-й стрелковой дивизии, удар которой был нацелен прямо на Бугуруслан. На левом фланге 26-й дивизии ее 1-я бригада и 1-я бригада 27-й дивизии должны были активно обороняться против белых, наступавших

от Сергиевска на ст. Кротовка, где располагался штаб 5-й армии. 2-я бригада 26-й дивизии, смененная частями 25-й дивизии, выводилась в армейский резерв в район Кинель-Черкасская, ст. Толкай.

Таким образом, наступление в Бугурусланском направлении развертывалось с фронта Игнашкино, Безводновка, Феклина, Лазовка протяжением 120 *км*, между р. Ток и Самаро-Златоустовской ж. д. На этом фронте были сосредоточены одна кавалерийская и пять стрелковых бригад, в том числе сильнейшее соединение Южной группы — 25-я стрелковая дивизия В. И. Чапаева.

На левом крыле 1-й армии 24-я стрелковая дивизия должна была наступать на фронт Ратчина (Козинка), Дюсьметева, Беседина, т. е. в общем направлении прямо на север. Между ее левым флангом и правым флангом Туркестанской армии оставался свободный промежуток около 60 *км*.

Против готовых к наступлению частей Южной группы находились: 12-я и 11-я Уральские дивизии белых (6-й Уральский корпус), Оренбургская казачья бригада, 7-я и частично 6-я дивизии (3-й Уральский корпус). Все эти части, потрепанные в предыдущих боях, фактически уже с 25—26 апреля были вынуждены отказаться от наступления. Лишь на правом крыле Западной армии генерала Ханжина наступление продолжалось силами 8-й Камской, 4-й Уфимской дивизий и частью 6-й дивизии.

28 апреля началось общее наступление на правом фланге 5-й армии; 73-я бригада и 24-я дивизия начали наступление раньше, а 31-я дивизия — после 28 апреля.

Наступление должно было развиваться по пересеченной местности, изрезанной многочисленными речками и глубокими оврагами. Глинистая и черноземная почва, еще не подсохшая после таяния снега, затрудняла движение. Поэтому приходилось затрачивать большие усилия на преодоление трудностей самого движения.

Однако уже первые дни общего наступления принесли значительные успехи.

28 апреля 24-я дивизия отбросила 12-ю Уральскую дивизию белых за р. Дема и вышла на фронт Дюсьметева, Воздвиженское, Кирсановка. 73-я бригада продолжала разгром 11-й Уральской дивизии и взяла несколько сот пленных, 10 пулеметов, 1 орудие. К исходу дня 11-я Уральская дивизия отошла за р. М. Кинельчик; ее боеспособность была окончательно подорвана. 92-я бригада 31-й дивизии начала продвижение на Кушниково (Горки), Архангельское, но в соприкосновение с противником не вошла. 74-я и 75-я бригады быстро продвигались, не встречая противника. 3-я бригада 26-й стрелковой дивизии заняла сс. Троицкое, Петровка.

29 апреля наступление продолжало развиваться: белогвардейцы силами 7-й дивизии безуспешно переходили в контратаки... против центра 5-й армии (3-я бригада 26-й дивизии).

30 апреля 24-я дивизия отбросила 12-ю Уральскую дивизию на линию Терентьевка (на р. Дема), ст. Катлумбетева, Тимошкина (25 *км* к югу от Сарай-Гир). 73-я бригада довершила разгром 11-й Уральской дивизии белых. Командир этой дивизии генерал Сукин доносил что «...потери полков граничат с полным уничтожением»; в полках осталось по 250 — 300 штыков, начался массовый переход белых солдат на сторону Красной Армии. 74-я и 75-я бригады после успешного боя с частями 7-й дивизии белых у д. Пилюгино (Никольское) вышли на большак Бузулук, Бугуруслан и продолжали наступление в направлении Заглядино. 3-я бригада 26-й дивизии вышла на фронт Скородумка, Рожественское, ст. Похвистнева (в 20 *км* западнее Бугуруслана), тесня 27-й и 25-й полки 7-й Уральской дивизии.

Но в это время, когда на всем фронте от р. Дема до Самаро-Златоустовской ж. д. наступление развивалось вполне успешно, обстановка на левом фланге 5-й армии продолжала оставаться угрожающей. 4-я Уфимская и 6-я Уральская дивизии белых, охватывая левый фланг 26-й дивизии, к 30 апреля вышли на линию Боголюбовка (25 *км* юго-восточнее Сергиевска), Подбельское, Аманакская, т. е. повернули свой фронт на юг. 2-я бригада 26-й дивизии, брошенная из резерва (из Кинель-Черкасской) на левый фланг дивизии, успеха не имела и отошла к Сарбайской.

Бугульминская группа 5-й армии, теснимая 8-й Камской дивизией белых, непрерывно продолжала отход на запад.

Путь от Сергиевска на Самару фактически был открыт; но, дойдя до Сергиевска, белые израсходовали все свои резервы и воспользоваться этим путем они уже не смогли. Таким образом, в то время, когда ударная группа развивала успех, грозя сообщениям белых, белогвардейцы сами охватывали внутренний фланг 5-й армии, угрожая выйти в район ст. Кротовка и перерезать коммуникации всей Южной группы.

Опасность, несомненно, была велика. Но М. В. Фрунзе, вполне понимая свою ответственность за Сергиевское направление, все же считал, что судьба операции должна быть решена не путем усиления 5-й армии, а энергичным и быстрым развитием наступления ударной группы на Сарай-Гир и далее на северо-восток.

Иного мнения держалось командование фронтом, не верившее в успех контрнаступления, переоценивавшее силы противника на Сергиевском направлении и не желавшее видеть признаки начавшегося разложения и ослабления белых. В штабе фронта рождается план переноса всех усилий на Сергиевское направление, для чего предполагалось:

— усилив Бугульминскую группу 5-й армии бригадой 35-й стрелковой дивизии (из Симбирска), перейти в наступление из

района Мелекеса на юго-восток, чтобы нанести удар по правому флангу Сергиевской группы противника;

— усилить левый (внутренний) фланг 5-й армии 2-й стрелковой дивизией, использовав ее на Сергиевском направлении в лоб наступающему противнику;

— повернуть удар Туркестанской и правого фланга 5-й армий в северо-западном направлении, чтобы двойным охватом с северо-запада и с юга-востока уничтожить Сергиевскую группу противника.

Такой замысел приводил к отказу от решительного удара по сообщениям белых, перенося центр тяжести усилий в район Сергиевска. Сложный по характеру маневра и фактически невыполнимый в силу неготовности войск (35-й и 2-й дивизий), этот план, тем не менее, был навязан М. В. Фрунзе командующим фронтом. Кроме того, снизу на М. В. Фрунзе давило и панически настроенное командование 5-й армии, требовавшее усиления своего левого фланга 2-й дивизией, которую, как известно, М. В. Фрунзе хотел использовать не для затыкания дыр, а для развития удара на главном направлении (2-я дивизия к 1 мая подтягивалась в район Красный Яр, Кабаново, Кротовка, Смышляевка).

1 мая М. В. Фрунзе в разговоре по прямому проводу поставил перед командующим 5-й армией вопрос ребром:

«Удержится ли 5-я армия левым флангом в районе Кабаново, Сарбайская еще дня четыре?»

Командующий армией ответил отрицательно.

Тогда М. В. Фрунзе решил передать 2-ю дивизию 5-й армии, о чем тут же сообщил командующему армией.

Чрезвычайно важны указания, данные М. В. Фрунзе в этом разговоре командующему:

«Это мой последний резерв, и употребление его должно быть связано с полным разгромом противника. Лично у меня сомнений в нашей победе нет никаких... Употребление дивизии должно быть следующее: 3-я бригада, сосредоточенная в указанном районе (Березовка 4, Черновка), должна стремительным ударом занять Сергиевск и продвигаться на северо-восток по тракту р. Сок на Ст. и Нов. Обошню (к северо-востоку от Сергиевска) с задачей разорвать связь бугурусланской группы противника с бугульминской. Одновременно части 2-й бригады сосредоточиваются в районе Екатериновка 5, Березовка 5, Степановка, Александровка и должны содействовать этому движению, охватывая правый фланг группы противника, наседающего на 1-ю бригаду 27-й дивизии. Части 26-й дивизии по занятии Бугуруслана должны двинуться на северо-запад, примерно по тракту Бугуруслан, Султангулова, Давыдкина, стремясь соединиться с частями 2-й дивизии и окружить таким образом ударную группу противника. Части 25-й дивизии, которые предполагаю включить в состав Туркестанской армии, должны двинуться от Бугуруслана на север на Бугульму,

угрожая глубокому тылу противника. Части 21-й дивизии должны занять фронт, прикрывающий железную дорогу на Белебей, где по некоторым данным в районе Сарай-Гир, Абдулино, Ново-Спасское производится группировка противника»[1].

Эти указания были в тот же день — 1 мая — изложены в приказе М. В. Фрунзе (№ 023), который так выражал идею нового маневра:

«При содействии передаваемых мне подкреплений я решил: путем двойного охвата нанести удар противнику с целью уничтожения его группы, оперирующей в районе к юго-востоку от Сергиевска и стремящейся отбросить правую группу 5-й армии от ее сообщений с Самарой, после чего общими усилиями Туркестанской и 5-й армий отбросить Бугульминскую группу противника на север, отрезав ее от сообщений с Уфой»[2].

Для выполнения этой идеи войскам ставились следующие задачи:

«2. Туркестанской армии, имея справа активно действующий заслон, продолжать самое энергичное и быстрое наступление главной своей массой, в тесной связи с правым флангом 5-й армии, в целях выхода во фланг и тыл Бугурусланской группы противника. Оставив конную бригаду в районе железной дороги Бугуруслан — Белебей, выдвинуть все остальные части конницы для энергичных и быстрых действий в направлении на Бугульму с целью прикрытия правого фланга армии при дальнейшем ее наступлении и удара по тылу противника и его сообщениям. Разграничительная линия между Туркестанской и 5-й армиями — Бугуруслан, ст. Дымка, для Туркестанской армии включительно.

3. 5-й армии, в состав коей включаю 2-ю и 3-ю бригады 2-й стрелковой дивизии, приказываю: продолжая быстрое наступление своего правого крыла от Бугуруслана в общем направлении на северо-запад, использовать части 2-й дивизии для развития самых энергичных действий в охват правого фланга и в тыл 4-й Уфимской дивизии противника с целью не только остановить его нажим на юг, но путем окружения уничтожить его.

Для усиления Бугульминской группы 5-й армии в состав ее будут включены части, сосредоточиваемые штабом фронта в районе Мелекеса. С прибытием этих подкреплений левой группе 5-й армии перейти в решительное наступление с охватом левого фланга 8-й Камской [дивизии] противника в целях разобщения ее от частей 4-й Уфимской дивизии и тем самым обеспечения левого фланга 2-й дивизии, направляемой в район Сергиевска для глубокого охвата»[3].

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 227.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 130.

[3] Там же.

Но дальнейшие события получили неожиданное направление. Переход на сторону белых предателя — командира 74-й бригады 25-й дивизии — раскрыл белогвардейскому командованию план М. В. Фрунзе. Поняв угрозу, нависшую над левым флангом и тылом 3-го Уральского корпуса, генерал Войцеховский, в руках которого в ночь с 1 на 2 мая было объединено командование 2-м Уфимским и 3-м Уральским корпусами, в 4 часа 30 минут 2 мая отдал приказ: приостановить наступление и перейти к обороне. Днем же 2 мая, под влиянием дальнейшего движения 25-й дивизии, охватывавшей Бугуруслан с востока, генерал Войцеховский приказал своим войскам отходить к Бугульме.

Таким образом, глубокое предвидение М. В. Фрунзе целиком оправдалось: разгром 6-го Уральского корпуса и угроза сообщениям заставили белых начать отход, круто изменив всю обстановку в центре Восточного фронта.

2 — 4 мая белые удачно для себя совершают довольно сложную перегруппировку, позволившую им начать отвод к Бугульме 8-й Камской, 4-й Уфимской и 7-й Уральской дивизий.

В те же дни продолжаются упорные, но успешные бои на всем фронте 1-й Туркестанской и 5-й армий. В итоге к 4 мая положение рисуется так:

1-я армия. На фронте 20-й дивизии противник, окончательно отказавшись от попыток наступления, переходит к обороне. 24-я дивизия, продолжая теснить 12-ю Уральскую дивизию белых, овладела с. Алферова (в 40 *км* к востоку от ст. Сарай-Гир), Борисово (Григорьевское).

Туркестанская армия. 2-я бригада 3-й кавалерийской дивизии овладевает ст. Сарай-Гир и выдвигается на фронт Камыш-Садак, ст. Сарай-Гир. 73-я бригада выходит на р. Кинель, где задерживается на фронте Н. Аширова (Бакирова), Тарханова, х. Еселева, Любавино (Петровка) в связи с переменой направления движения на северо-запад. 92-я бригада, подошедшая 2 мая к р. Кинель, после боя 3 мая переправилась на ее левый берег и к 4 мая заняла фронт ст. Филипповка, Хлебодаровка. Остальные части 31-й дивизии двигались во втором эшелоне, в направлении ст. Сарай-Гир.

5-я армия. 75-я бригада вышла в район ст. Асекеево, Хлебодаровка, Верхн. и Нижн. Заглядино; к вечеру 5 мая все три бригады 25-й стрелковой дивизии были собраны В. И. Чапаевым на фронте Молчановка, Староверовка (в 15—20 *км* северо-восточнее Бугуруслана). 3-я бригада 26-й дивизии после упорных боев в 9 часов 4 мая овладела Бугурусланом и вышла северо-восточнее его на линию Елатманка, Лабовка [1]. Левее ее, на фронт Рысайкина, Нефедкина, Мансуркина, Ишуткина вышли остальные бригады 25-й дивизии, имея на уступе

[1] Оперсводка штаба Южной группы к 18.45 5.5. 19. ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 7.

слева 1-ю бригаду 27-й дивизии. Наконец, Сергиевский отдельный полк 4 мая занял обратно г. Сергиевск.

Бугульминская группа 5-й армии, так и не успевшая перейти в наступление и не сумевшая во-время обнаружить отход 8-й Камской дивизии, начала медленное продвижение, выйдя на меридиан ст. Нурлат. 2-я дивизия, естественно, еще не успела принять участие в операции под Сергиевском.

Таким образом, первый этап операции закончился выходом частей Южной группы несколько севернее линии ст. Сарай-Гир, Бугуруслан, Сергиевск, ст. Нурлат. 4 мая десантом военных кораблей Камской речной флотилии был занят снова г. Чистополь (см. схему 4).

Этот этап не привел к полной реализации плана М. В. Фрунзе: выход на сообщения белых, а тем более окружение и уничтожение их не удались. Но оперативный успех был достигнут полный: инициатива вырвана из рук врага, угроза Средней Волге ликвидирована. Белые, всего лишь 4—5 дней назад отделенные от Волги расстоянием в два перехода, были отброшены к Бугульме. Некоторые их соединения понесли тяжелые поражения, а 11-я и 12-я Уральские дивизии на время фактически были выведены из строя. Моральное разложение стало чувствительно отражаться на боеспособности белых частей. Об этом ярко свидетельствует следующий факт, рассказанный скупыми словами донесения штаба Туркестанской армии (№ 076 от 2 мая):

«1 и 2 мая частями отд. кав. бригады в районе дд. Н. Аширова (Бакирова), Тимошкина взяты пленные 41, 44 полков, разбежавшихся после боя 28 апреля. В районе Кузминовское, Воскресенка бригаде добровольно сдался полк имени Шевченко с оружием и пулеметами, перебив своих офицеров. Сдаются большие партии противника в районе действий бригады, но каких частей пока указаний нет» [1].

Таким образом, на 1-м этапе операции были созданы все предпосылки для дальнейшего ее победоносного развития. Политико-моральное состояние бойцов Красной Армии было великолепным, подъем и вера в победу стали всеобщими.

Неполное осуществление целей 1-го этапа операции прежде всего объясняется «поправкой», внесенной в план М. В. Фрунзе командованием фронта. Немалую роль сыграло также предательство командира 74-й бригады, позволившее белым во-время начать отход.

Этот отход со всей очевидностью подтверждает блестящий, глубоко правильный анализ обстановки, данный М. В. Фрунзе: ряд частных поражений и угроза сообщениям заставили Западную армию генерала Ханжина отказаться от дальнейшего движения к Волге.

---

[1] ЦГАКА, ф. 10, д. № 8367, лл. 72—73.

Второй этап операции 6—13 мая

(Схема 9)

После потери Бугуруслана белые успели произвести перегруппировку, оторвавшись своими главными силами и оставив прикрытие. Два полка 8-й Камской дивизии они отвели на линию Ст. Кувак (около 55 *км* к западу от Бугульмы), Н. Кувак, ст. Шалашникова (на Волго-Бугульминской ж. д.), Воскресенское, перейдя к обороне фронтом на запад.

4-я Уфимская дивизия усиленными переходами была переброшена на левый фланг группы генерала Войцеховского. Части 2-го и 3-го корпусов (Ижевская бригада, 4-я Уфимская дивизия, 7-я Уральская дивизия, 29-й и 30-й полки 8-й Уральской дивизии) составили новую группировку, которая развертывалась фронтом на юг на рубеже р. Сок (от Камышла), Соковка, Подколошная, Добрина, Татарский Кандыз. Части 6-го Уральского корпуса (11-я и 12-я дивизии) выводились в тыл в район Белебея (12-я Уральская дивизия была в дальнейшем включена в состав группы генерала Каппеля, а остатки 11-й дивизии выведены в район Уфы для доукомплектования и отдыха). Отход и перегруппировка прикрывались на рубеже Петропавловское (Стохина), Пронькина (15 *км* сев.-вост. Бугуруслана) и далее по р. Мочегай частями 6-й дивизии, одной бригадой 7-й дивизии и 2-й Оренбургской казачьей бригадой. 1-я бригада 6-й дивизии выводилась в резерв в Ст. Письмянка (западнее Бугульмы).

Таким образом белогвардейцы заняли западнее и южнее Бугульмы подковообразный фронт, причем значительно уплотнили свою группировку. Они создали достаточно мощный кулак к югу от Бугульмы по обе стороны тракта на Бугуруслан; против же неактивной Бугульминской группы 5-й армии прикрылись лишь двумя полками.

Общая численность группы генерала Войцеховского к 1 мая достигала 28 000—29 000 штыков, около 2 500 сабель, 65 орудий и 447 пулеметов [1]. До 2 мая все эти силы были раскинуты на фронте в 180 *км*; теперь же они, за исключением двух полков 8-й Камской дивизии, собирались всего лишь на фронте 70 *км*. Против них действовала 5-я армия (включая 25-ю дивизию), насчитывавшая к 4 мая лишь 20 869 штыков, 933 сабли, 83 орудия и 365 пулеметов. Таким образом, численное преимущество было на стороне белых.

В этих условиях генерал Войцеховский еще не теряет надежды на обратный захват инициативы и готовит наступление на Бугуруслан с целью разбить правый фланг 5-й армии. Перегруппировка должна была закончиться 8 мая, а наступление белых было назначено на 4 часа 9 мая.

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 241.

В то же время на ст. Приютово (в 25 *км* южнее Белебея) начал выгрузку Волжский корпус генерала Каппеля, с 1 мая переданный решением Колчака в подчинение генерала Ханжина (в состав корпуса входили: 1-я Самарская, 3-я Симбирская и 13-я Казанская стрелковые дивизии, отдельная Волжская кавбригада и отдельная 42-я линейная батарея). Этот корпус, еще не вполне сформированный и обученный, представлял собой «гвардию» Колчака; на него белые возлагали явно преувеличенные надежды. Корпус насчитывал тридцать батальонов и тринадцать эскадронов, что составляло 10 759 штыков, 562 сабли, 172 пулемета и 46 орудий. Общая численность корпуса достигала 21 000 человек [1].

К 6—7 мая в районе Белебея заканчивалась высадка 3-й Симбирской дивизии, которая на 9 мая получила боевую задачу: ударом по Туркестанской и во фланг 5-й армий содействовать наступлению группы генерала Войцеховского.

Сосредоточение корпуса генерала Каппеля в направлении Сарай-Гир, Белебей прикрывалось остатками 12-й дивизии и отдельными частями белых на рубеже р. Ик (у Самаро-Златоустовский ж. д.), Дашкина (Царева Награда), Емантаева.

Необходимо подчеркнуть, что М. В. Фрунзе учитывал угрозу появления корпуса Каппеля и еще 5 мая донес об этом в штаб фронта [2]. Сведения о сосредоточении корпуса Каппеля имелись в штабе фронта и из других источников.

Однако ни на эти сведения, ни на сигналы М. В. Фрунзе командующий фронтом не обратил внимания. Он не только не принял никаких дополнительных мер для усиления Белебейского направления, но, наоборот, потребовал, как будет видно ниже, поворота большей части сил Южной группы на Бугульму.

В дни, когда обе стороны готовились к боям за Бугульму, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева чрезвычайно тревожило положение под Уральском, где часть 22-й стрелковой дивизии оказалась в фактической осаде. Белоказаки уже появились севернее Уральска, и дальнейшее их движение на север могло угрожать тылу Южной группы (от Уральска до Бузулука по прямой около 200 *км*).

Как ни тяжело было положение, у М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева ни на минуту не появлялась мысль об оставлении Уральска. Между тем в этом направлении на Реввоенсовет Южной группы со стороны предателей и маловеров делался немалый нажим. Так, временно командующий 4-й армией выдвигал план — сжечь Уральск и отвести войска 4-й армии на Саратов, что открывало бы белоказакам путь к Белебею.

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 276.

[2] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 9.

На такое предложение Фрунзе ответил 13 мая начальнику 22-й дивизии суровой отповедью:

«Подкрепления в Уральск идут. Приказываю держаться до последнего человека. Оставление Уральска буду рассматривать как нарушение воинского долга» [1].

Трудное положение под Уральском и Оренбургом значительно осложняло и без того неясную и тревожную обстановку. В этих условиях у М. В. Фрунзе созревал план 2-го этапа операции, рассчитанный на полный разгром Бугульминской группы генерала Войцеховского. Предпосылки этого разгрома Фрунзе видел в глубоком охватывающем движении значительной части сил в направлении на Белебей и далее на север, наперерез Волго-Бугульминской ж. д. Это приводило бы к тому, что вся группа генерала Войцеховского отрезалась от ее сообщений с Уфой, и обещало, следовательно, полный оперативный эффект. Реальность данного плана базировалась на относительной слабости сил противника, прикрывающих Белебейское направление.

В соответствии с этим приказом от 4 мая (№ 024) 5-й армии (включавшей в себя теперь всю 25-ю дивизию В. И. Чапаева) ставилась задача — выдвижением своего правого фланга в общем направлении на ст. Дымка (30 *км* юго-западнее Бугульмы) отрезать пути отхода на Бугульму как бугурусланской и сергиевской, так и бугульминской группам противника.

К выполнению маневра на Белебейском направлении М. В. Фрунзе предполагал привлечь почти всю 1-ю и Туркестанскую армии.

В соответствии с этим 6 мая он подписал следующий приказ (№ 025):

«Для обеспечения операций 5-й армии со стороны Уфы, как в направлениях на Белебей, так и вдоль Бугульминской железной дороги, а также с целью перерезать пути отхода противника от Бугульмы на Уфу, п р и к а з ы в а ю:

1. Туркестанской армии [2], сосредоточившись в районе Сарай-Гир, перейти в наступление на Белебей, имея дальнейшей непосредственной задачей быстрый выход на Бугульминскую дорогу по тракту от Белебея на север. Поддерживать тесную связь с 5-й армией и конницей, обеспечить свой левый фланг, разведывая и действуя в направлении на Бугульму.

2. 1-й армии — 24-й дивизией перейти в наступление в тесной связи с Туркестанской армией в направлении на Шафраново, а 20-й дивизией — в направлении на Стерлитамак, обеспечив Оренбург, с выдвижением на линию Островная, Черноострожская и ст. Муранталова.

3. 5-й и 4-й армиям продолжать выполнение ранее поставленных задач» [3].

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 151.
[2] Пять полков 31-й дивизии и 3-я кавалерийская бригада. — *Е. Б.*
[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 140.

Таким образом, главное операционное направление Южной группы заметно перемещалось на восток, к Белебею.

Однако замысел М. В. Фрунзе отнюдь не соответствовал намерениям штаба фронта. Чтобы оценить исключительную трудность положения, в котором находился М. В. Фрунзе, достаточно сказать, что в самый разгар операции, когда победа уже склонялась на сторону Красной Армии, враги народа во главе с Троцким пытались отстранить Фрунзе от командования. 5 мая главком шифровкой информировал командующего фронтом об этом намерении и сообщил, что преемником Фрунзе намечен Ольдероге — человек, как оказалось впоследствии, совершенно неспособный справиться с командованием [1].

Этот коварный план не удался врагам народа, потому что за обстановкой и ходом операции на Восточном фронте внимательно следили ЦК партии и лично Ленин и Сталин.

Отвергнув ясную и четкую идею М. В. Фрунзе, командующий фронтом под предлогом «уточнения плана» навязал ему лобовой удар на Бугульму, предложив двинуть Туркестанскую армию прямо на север. М. В. Фрунзе протестовал против этого «уточнения».

5-я армия не могла отрезать противнику пути отхода на Бугульму, так как он уже успел упредить ее и отойти за р. Сок. В то же время и Туркестанская армия запаздывала, что задерживало ее выход к Белебею (92-я бригада к 4 мая была еще на меридиане ст. Асекеева, в 30 *км* западнее Сарай-Гир).

Последнее обстоятельство учитывалось М. В. Фрунзе и беспокоило его; 7 мая он обратился к командующему Туркестанской армией со специальным приказанием (№ 01443), требуя ускорить движение на Белебей и далее по тракту на север, и, в частности «...возможно скорее занять весьма крупную переправу Бугульминской железной дороги через р. Ик» [2].

Все же основная роль в предстоящем этапе операции падала на 5-ю армию, направленную, по настояниям фронта, своими главными силами (25-я и 26-я дивизии и 1-я бригада 27-й дивизии) прямо на север.

Наступление 5-й армии было назначено с рассветом 6 мая. Приказ командующего армией исходил из неверной предпосылки, что противник якобы отходит на север (от Сергиевска); поэтому поставленная командующим армией задача «окружить и уничтожить противника в районе Сок-Кармалинская, Сергиевск, ст. Шентала» была нереальной и не соответствовала замыслу М. В. Фрунзе. По существу план командарма 5 сводился к заходу армии правым плечом (левый фланг 26-й дивизии 6 мая оставался на месте) и удару всеми силами западнее Бугульмы, в то время как 7-я и 4-я дивизии

---

[1] ЦГАКА, д. № 1058, л. 61.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 142.

4 Ижевская бригада противника группировались уже восточнее большака Бугульма — Бугуруслан.

При точном выполнении этого плана на полторы дивизии 5-й армии (25-я дивизия и часть 26-й дивизии) общей численностью около 10 000 штыков, 500 сабель, 240 пулеметов и 48 орудий обрушивалась вся группа генерала Войцеховского (кроме двух полков 8-й Камской дивизии) силой не менее 16 000—17 000 штыков, 2 000 сабель, 300 пулеметов и 50 орудий. Кроме того, 25-я дивизия с выходом на фронт Дмитриевское (Русский Кандыз), Трифоновка неизбежно подставляла бы свой правый фланг под удар Ижевской бригады и 4-й дивизии.

В оперативном масштабе выполнение плана командующего 5-й армией вызвало бы разрыв на внутренних флангах 5-й и Туркестанской армий, и без того слабо связанных; к 7 мая этот разрыв должен был бы достигнуть 60 *км* (от ст. Абдулино до Дмитриевское (Русский Кандыз).

«Уточнение» плана М. В. Фрунзе командующим фронтом и «развитие» его командующим 5-й армией грозило, таким образом, срывом всей операции.

Однако обстановка вынуждала войска действовать именно так, как замышлял тов. Фрунзе. Попытка командующего 5-й армией жестко управлять своими дивизиями постановкой им задач на каждый день была обречена на неудачу. Уже движение 6 мая выяснило отсутствие противника в предполагаемом районе, и В. И. Чапаев по личной инициативе направил свои бригады северо-восточнее рубежей, указанных армией, чтобы глубже охватить противника. Штабу 5-й армии не оставалось ничего иного, как санкционировать эту инициативу; поэтому 7 мая 5-й армии был дан новый приказ. Этот приказ предлагал отклонить направление наступления 25-й и 26-й дивизий на северо-восток и, отбрасывая противника на северо-запад, стремиться отрезать ему пути отхода на Уфу, Мензелинск.

В таких условиях начались боевые действия 2-го этапа операции. Первое столкновение произошло 7 мая южнее Бугульмы. 73-я бригада внезапным ударом захватила Дмитриевское (Русский Кандыз), нанеся поражение 30-й Оренбургской кавалерийской дивизии и захватив ее артиллерию (3 орудия), пленных, пулеметы и снаряжение.

К 8 мая части 25-й и 26-й дивизий вышли на параллель р. Сок и 9 мая продолжали движение на север. При этом бригады 25-й дивизии двигались: 75-я — на Николкина (Албай), т. е. к р. Ик; 73-я — на Татарский Кандыз; 74-я — на Секлетарку, Черновку. Таким образом дивизия шла на северо-восток, протягивая свой правый фланг восточнее расположения левофланговой Ижевской бригады белых.

9 мая группа генерала Войцеховского согласно плану перешла в общее наступление. В тот же день завязались

жестокие встречные бои на всем фронте 25-й и 26-й стрелковых дивизий.

В боях 9—11 мая части 25-й дивизии одержали блестящую победу над численно превосходящим противником.

Ижевская бригада белых, выполняя приказ генерала Войцеховского, 9 мая начала движение на Татарский Кандыз, Аксеновка, уступом впереди правого соседа — 4-й дивизии. Навстречу Ижевской бригаде двигалась 73-я бригада 25-й дивизии, шедшая в полковых колоннах, на широком фронте. В итоге встречного столкновения Ижевская бригада была охвачена с обоих флангов и, потерпев жестокое поражение, отброшена к северу. Поспешившая ей на помощь 4-я дивизия белых понесла поражение от двух полков той же 73-й бригады. Последняя продвинулась до Татарского Кандыза, но преследовать не смогла.

В то же время двигавшаяся левее 74-я бригада, достигнув Секлетарки, совместно с 3-й бригадой 26-й дивизии добила 4-ю дивизию белых.

Блестящие действия 25-й дивизии сорвали наступательный план генерала Войцеховского. Лишь на своем правом фланге белым удалось сдержать наступление 26-й дивизии и даже на время заставить ее перейти к обороне на левом берегу р. Сок.

10 мая М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев прибыли на фронт. Обращаясь к бойцам Туркестанской армии с призывом усилить наступление и добить врага, М. В. Фрунзе в телеграмме от 11 мая дал следующую оценку действий 25-й дивизии:

«Я сегодня вместе с членом Реввоенсовета тов. Куйбышевым прибыл в район расположения Туркестанской армии из 25-й стрелковой дивизии. На фронте 5-й армии продолжается успешное наступление наших частей. Противник, сосредоточивши к востоку от Бугульмы сильную ударную группу, перешел 9-го и 10-го сего [месяца] в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен окончательно. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия уничтожены. Нами взято за два дня свыше 2 000 пленных, три орудия, много пулеметов и другого оружия. Жалкие остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток вдоль Бугульминской железной дороги. Ваша задача, товарищи туркестанцы, добить врага и не дать ему ускользнуть» [1].

К 11 мая 73-я бригада вышла на р. Ик у Авдулина, а 12 мая уже вся дивизия выходила к этой реке. Всего 40 *км* отделяли 73-ю бригаду от с. Москова-Абсалямова на р. Ик, у которого скрещиваются Волго-Бугульминская ж. д. и тракт Уфа — Бугульма.

Угроза путям отхода белых была слишком очевидна, и в 17 час. 30 мин. 11 мая генерал Войцеховский, отличавшийся

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 146.

большой осторожностью, отдал приказ об оставлении Бугульмы и отходе за р. Ик.

К 13 мая белые отходили на всем фронте 5-й армии. 25-я дивизия не могла помешать их отходу, так как была атакована новыми частями противника со стороны Белебея. 26-я дивизия, продвигаясь на север, находилась к утру 13 мая на линии Н. Домосейкина, Верхн. Дымская, а к вечеру 13 мая в 15 *км* от Бугульмы. Ее левофланговая 1-я бригада 27-й дивизии в 13 час. 13 мая ворвалась в Бугульму, выбив оттуда казачий арьергард — 200—300 сабель.

2-я стрелковая дивизия 13 мая впервые вошла в соприкосновение с противником у разъезда Маклауш; однако это уже не могло оказать никакого воздействия на ход событий.

Части Бугульминской группы 5-й армии 6—13 мая медленно продвигались на восток, почти не встречая сопротивления. С 11 мая эта группа уклоняется на север по причинам, о которых будет сказано ниже; к 13 мая ее четыре бригады (включая 2-ю бригаду 35-й дивизии) оказались разбросанными на 60-*км* фронте северо-западнее Бугульмы. Никакой активной роли во 2-м этапе операции эта группа, так же как и 2-я дивизия, не сыграла.

Судьба Бугульмы была, таким образом, решена 25-й и 26-й дивизиями, т. е. семью бригадами из тринадцати, которыми располагала 5-я армия.

2-й этап операции закончился выходом частей 5-й армии на фронт р. Ик (у Авдулина), Бугульма, большак Бугульма — Чистополь. Недобитые части врага ушли за р. Ик.

1-я и Туркестанская армии в период борьбы за Бугульму не выполнили тех задач, которые возлагал на них М. В. Фрунзе.

20-я дивизия 1-й армии переправилась 10 мая через р. Салмыш (см. схему 5) и начала выдвижение к Стерлитамаку; эффект этого движения, разумеется, к 13 мая еще не успел сказаться.

24-я дивизия к исходу 11 мая продвинулась на фронт Шатмин-Тамак, Матвеевка, Михайловка (последний пункт в 35 *км* южнее Белебея). Все еще отставшая Туркестанская армия (за 1—11 мая она продвинулась лишь на 80 *км*) к исходу 11 мая вышла на рубеж р. Ик, вправо и влево от Самаро-Златоустовской ж. д.

На указанных рубежах с 10 мая 24-я и 31-я дивизии вошли в соприкосновение с передовыми частями корпуса генерала Каппеля.

В напряженный момент борьбы под Бугульмой М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышеву вновь пришлось много заниматься положением Оренбурга, так как командующий 1-й армией предательски пытался эвакуировать и сдать его противнику. Эта подлая попытка была пресечена Реввоенсоветом Южной группы.

2-й этап операции, так же как и 1-й, принес крупный оперативный успех, но не увенчался полным разгромом противника. Причинами этого были:

1) невыполнение правильного замысла М. В. Фрунзе об ударе максимальными силами на Белебей, что привело к лобовым боям 5-й армии с противником, отошедшим к Бугульме;

2) неправильная оценка противника командующим 5-й армией и как следствие неверная постановка задач дивизиям (4 мая), а также последующее изменение этих задач (7 мая), заставившее потерять время на перемену направления движения;

3) невыгодная группировка 5-й армии, при которой почти половина сил (шесть бригад из тринадцати) была выключена из активных действий;

4) медленный темп движения и неактивный характер действий Туркестанской армии;

5) отсутствие резервов и особенно подвижных войск для преследования разбитого противника.

Если бы первоначальная мысль М. В. Фрунзе была осуществлена командующими армиями, а 25-я дивизия сразу направлена на северо-восток (на Москова-Абсалямова), результат этого этапа операции мог бы быть более решительным.

Войска, особенно 25-я и 26-я дивизии, доказали в боях под Бугульмой высокую боеспособность, мобильность и достаточно хорошую управляемость. С 6 по 13 мая 25-я и 26-я дивизии прошли, преимущественно с боями, 90 *км*. Они сумели нанести поражение более сильному противнику, вынудив его окончательно отказаться от наступательного образа действий.

Итоги операции

Бугурусланская операция, длившаяся 16 дней, закончилась выходом Туркестанской армии на меридиан р. Ик. За эти дни героическими усилиями войск Южной группы, и в первую очередь 25-й и 26-й стрелковых дивизий, были достигнуты огромные результаты.

Последовательно были разбиты все соединения Западной армии генерала Ханжина (6-й Уральский, 3-й Уральский и 2-й Уфимский корпуса).

Резко изменилась стратегическая обстановка в центре Восточного фронта, на направлении главного удара Колчака; враг, потерпев поражение, был отброшен на 120—150 *км* (по прямой), и от наступления перешел к обороне.

Инициатива из рук белых перешла к Красной Армии; советские части, в марте и апреле непрерывно отходившие и изнуренные отходом, буквально переродились — настроение красноармейцев было боевое, укрепилась уверенность в победе. Обратное положение наблюдалось в белогвардейских

частях, где первые же поражения вызвали быстро прогрессировавшее разложение, нежелание солдатской массы драться за чуждые ей интересы.

Таким образом, был достигнут крупный политический и оперативный успех. Однако задача окружения и полного уничтожения противника не удалось ввиду путаного, по существу вредительского «руководства» фронта, а также из-за плохого управления войсками со стороны армейского командования (особенно 5-й армии).

Замысел и оперативный план Бугурусланской операции М. В. Фрунзе блестяще оправдались. Операция принесла богатые плоды. Но победа еще не была полной. Враг был разбит, но не уничтожен; в районе Белебея накапливались свежие резервы белых. Для того чтобы закрепить успех и добиться окончательной победы, надо было, не давая врагу опомниться, продолжать наступление. Теперь центр тяжести борьбы переносился на разгром резерва белых — корпуса генерала Каппеля.

Начинался, таким образом, второй акт контрнаступления — Белебейская операция.

ГЛАВА V

БЕЛЕБЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Схема 10)

Белебейская операция Южной группы непосредственно вытекала из предыдущей — Бугурусланской операции. По времени и характеру действий войск ее даже трудно отделить от Бугурусланской, тем более, что идея удара на Белебей, как мы видели выше, была выдвинута М. В. Фрунзе уже давно и предпосылки для такого удара накапливались постепенно, в течение первых дней мая.

Однако Белебейская операция осуществлялась в новой, изменившейся обстановке; для ее выполнения была создана новая группировка войск, даны новые директивы и приказы.

Обстановка к началу операции

Обстановка на Восточном фронте к началу Белебейской операции была в общих чертах такова.

Колчаковцы понесли серьезное поражение в центре фронта — на Самарском и Симбирском направлениях. Однако Западную армию генерала Ханжина, усиленную корпусом Каппеля, еще нельзя было снять со счетов; недобитая, она могла довольно быстро ожить и, возможно, вновь попытаться перейти к наступательным действиям. В то же время на южном крыле фронта — в Уральской и Оренбургской областях, а также севернее Камы, инициатива попрежнему находилась в руках врага. На юге продолжался мятеж кулацкой части казачества, на севере Сибирская армия генерала Гайда, хотя и довольно медленно, но неуклонно теснила войска 2-й и 3-й советских армий. Положение Казани внушало серьезную тревогу, так как враг подходил к ней весьма близко.

В этой обстановке естественно было бы добиваться трех целей:

1) прежде всего — добить врага на главном направлении — в центре фронта и этим обеспечить перелом в общем положении;

2) ликвидировать очаги контрреволюционных восстаний в Уральской и Оренбургской областях;

3) приостановить наступление белых севернее Камы собственными силами 2-й и 3-й армий, учитывая, что дальнейшее продвижение Южной группы в центре фронта неизбежно заставит Сибирскую армию генерала Гайда отказаться от наступательного образа действий.

Но главком и командование Восточным фронтом при планировании дальнейших операций исходили из совершенно иных предпосылок и намерений.

В ответственные дни борьбы на подступах к Бугульме Троцкий, официально оценивший в телеграмме от 12 мая на имя М. В. Фрунзе победы Южной группы лишь как «небольшие частичные успехи» [1], полностью сменил командование Восточным фронтом. Одна из «целей» этой смены — устранение М. В. Фрунзе от командования Южной группой и срыв дальнейшего наступления против Колчака. Это прикрывалось фразами о «второстепенной» роли Восточного фронта и необходимости выделения из его состава сил для борьбы против Деникина.

8 мая в Симбирск прибыл новый командующий фронтом. Он приехал с широкими полномочиями от главкома и с заранее составленным, предвзятым мнением о положении и будущем образе действий войск фронта. Это мнение в общих чертах сводилось к недооценке роли и значения побед Южной группы и, наоборот, к крайней переоценке опасности, нависшей над северным крылом фронта.

В первый же день своего прибытия в Симбирск новый командующий в разговоре с М. В. Фрунзе по прямому проводу заявил, что «расчленение Южной группы — вопрос решенный...» [2]

Этот разговор происходил как раз в тот день, когда генерал Войцеховский отдал свой приказ о переходе в контрнаступление и когда войскам ударной группы предстояли решающие бои на подступах к Бугульме.

10 мая командующий фронтом дал одну за другой две директивы, вносившие сплошную путаницу в управление операциями Южной группы.

Первая директива (№ 166/с) вовсе не упоминала об угрозе со стороны Белебея; не излагая общих задач войск фронта, она предписывала:

1. 5-й армии с 24 часов 11 мая выйти из подчинения М. В. Фрунзе и поступить в распоряжение фронтового командования; с занятием Бугульмы развернуться на фронте р. Кичуй, Бугульма, Москова-Абсалямова.

2. Южной группе (4-я, 1-я и Туркестанская армии) левым флангом продолжать наступление на Белебей, Стерлитамак; прочно обеспечить Оренбургское направление и подавить восстания в Уральской и Оренбургской областях.

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 274.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 144.

3. Войскам, действующим севернее Камы, задержать наступление противника [1].

Формально постановка подобных задач как будто бы отвечала обстановке. На деле же директива эта была порочна и вредна. Изъятие 5-й армии в составе всех, как постоянно, так и временно входивших в нее шести дивизий (2-й, 5-й, 25-й, 26-й, 27-й и 35-й) фактически означало полное разрушение ударной группировки, созданной М. В. Фрунзе с таким трудом. Войска Южной группы, действовавшие на Бугурусланском и Белебейском направлениях, насчитывали восемнадцать стрелковых бригад; из них тринадцать бригад — 72% сил — командующий фронтом изымал из подчинения М. В. Фрунзе и в самый разгар борьбы за Бугульму поворачивал на север для проблематической помощи 2-й армии. Впрочем, директива даже не объясняла этой цели; лишь впоследствии выяснилось, что командующий фронтом имел в виду наступление 5-й армии на Мензелинск с дальнейшей задачей выхода в тыл Сибирской армии генерала Гайда, для чего нужно было форсировать Каму — широчайшую водную преграду — и наступать по местности, почти лишенной дорог!

В тот же день 10 мая последовала новая директива (№ 167/с), несколько уточнявшая предыдущую; 5-й армии предписывалось перейти к операции на Мензелинск лишь после разгрома противника в районе Бугульмы, давались указания о выделении резервов и т. д. [2] Однако основная мысль обеих директив совпадала: 5-я армия изымалась из Южной группы в полном составе, операция в Белебейском направлении признавалась явно не имеющей значения, центр тяжести переносился на действия против Сибирской армии генерала Гайда. Эти директивы вызвали самые резкие возражения со стороны М. В. Фрунзе. 12 мая он передаст по прямому проводу командующему фронтом:

«Сегодня утром я прибыл в Самару и ознакомился с вашей директивой, а одновременно и с вашей запиской. Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение» [3].

Учитывая ясно высказанное намерение командующего фронтом расчленить Южную группу, М. В. Фрунзе излагает далее две возможности решения вопроса:

«Первое — отнятие от меня 5-й, Туркестанской и 1-й армий с оставлением оренбург-уральского направления и с выделением необходимых для ликвидации его сил;

Второе — отнятие одной 5-й армии в ее обычном виде, т. е. без приданных ей мной временно 2-й и 25-й дивизий, ка-

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 267.

[2] Там же, стр. 268—269.

[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 147.

ковые должны были в таком случае обеспечивать уфимское направление, прикрывая операции 5-й армии на север»[1].

Между прочим, в качестве одного из мотивов расформирования Южной группы командующий фронтом указал на перемешивание дивизий и бригад и частую передачу их из одной армии в другую, что имело место в ходе операции. На это обвинение М. В. Фрунзе ответил так: «Что касается вопроса о перемешивании бригад и дивизий, то если бы я не составил ударной группы из надерганных мной с фронта Туркестанской и 4-й армий частей, то я теперь не имел бы чести разговаривать с вами из Самары. Меня удивляет, как это обстоятельство можно ставить в вину»[2].

Переговоры с командующим фронтом по телеграфу не привели к успеху, и М. В. Фрунзе пришлось в тот же день выехать в Симбирск для личных объяснений, покинув штаб Южной группы в ответственный момент перехода к новой операции.

Лишь принципиальная настойчивость М. В. Фрунзе и поддержка члена Реввоенсовета фронта т. Гусева помогли добиться пересмотра и частичной отмены директивы командующего фронтом № 166/с.

14 мая последовали новые приказы командующего фронтом на имя М. В. Фрунзе и командующего 5-й армией. Эти приказы впервые говорят о белебейской группировке противника (напомним, что штаб фронта еще 6 мая знал о сосредоточении корпуса Каппеля) и делают ее объектом ближайших действий левого крыла Южной группы. Приказы подтверждали изъятие 5-й армии из состава Южной группы, но возвращали 25-ю и 2-ю дивизии в подчинение М. В. Фрунзе. Кроме того, 5-й армии предписывалось «для обеспечения операции со стороны Уфы иметь не менее одной дивизии на железной дороге Уфа — Бугульма», а «в северном направлении занять выжидательное положение, пока не будет закончена операция под Белебеем»[3].

Таким образом М. В. Фрунзе удалось сохранить в своих руках для развития действий в Белебейско-Уфимском направлении десять стрелковых бригад из восемнадцати, а не пять, как предусматривала первая директива командующего фронтом. Кроме того, на 5-ю армию возлагалась задача содействия Южной группе.

Для обеспечения положения в районе Уральска и Оренбурга из резерва фронта в распоряжение М. В. Фрунзе передавались двухполковая Самарская бригада, Казанский мусульманский полк, 3-я бригада 33-й дивизии и Московская 1-я кавалерийская дивизия.

Все это позволяло осуществить Белебейскую операцию. Но переговоры с командующим фронтом отняли драгоценное время:

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 147—148.

[2] Там же, стр. 149.

[3] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 281.

со дня отдачи им первой директивы прошло уже 4 суток! Это время фактически было упущено, что не могло не повлиять отрицательно на ход и результаты Белебейской операции.

В тот же день 14 мая М. В. Фрунзе из Симбирска передал своему заместителю Ф. Ф. Новицкому необходимые предварительные распоряжения.

Планы командующего фронтом грозили дорого обойтись Красной Армии. Член Реввоенсовета фронта т. Гусев впоследствии писал: «Мы видели, что директивы даются неправильные, ошибочные, что через голову командующих армиями фронтовое командование пытается управлять дивизиями, что фронтовое командование нервничает, часто меняет директивы, дергает армии и дивизии и пр.» [1].

В итоге вмешательства сверху командующий фронтом был 29 мая отстранен; однако и Белебейскую, и начало Уфимской операции М. В. Фрунзе пришлось проводить в условиях путаного и мешающего «руководства» этого командующего фронтом.

Планы сторон

Окончательное решение о Белебейской операции было принято М. В. Фрунзе в условиях, когда боевые действия против корпуса Каппеля уже фактически развернулись. Как говорилось выше, части 24-й и 31-й дивизий 10—11 мая вошли в соприкосновение с передовыми частями Каппеля и прикрывавшими их остатками 12-й Уральской дивизии белых.

11 мая 212-й стрелковый полк 24-й дивизии в бою у д. Чегодаево (Троицкое), расположенной в 40 *км* южнее Белебея, нанес жестокое поражение 10-му Бугульминскому полку белых (3-й Симбирской дивизии), причем захватил 700 пленных и 9 пулеметов. В тот же день 276-й стрелковый полк 31-й дивизии отбросил противника на северо-восток от д. Новотроицкая (на р. Ик, в 45 *км* юго-западнее Белебея). На следующий день, 12 мая, каппелевские части атаковали правый фланг 25-й дивизии в районе Авдулина (50 *км* западнее Белебея), но были отброшены на восток.

Таким образом 11—12 мая на 75-*км* подковообразном фронте по р. Ик, южнее, юго-западнее и западнее Белебея, части Южной группы вели успешные бои с каппелевцами. Бои эти имели характер встречных столкновений разведывательных и передовых частей. Хотя новый план действий пока еще не был выработан, части Туркестанской армии фактически вели наступление на Белебей согласно прежним директивам М. В. Фрунзе. К 15 мая их положение было таково: 24-я дивизия — в прежнем районе, в 45—50 *км* юго-восточнее Белебея; 31-я дивизия и 2-я бригада 3-й кавалерийской дивизии переправились через р. Ик и продвигались к Белебею с юго-запада.

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 266.

25-я дивизия, которая по условиям обстановки могла сыграть решающую роль в разгроме каппелевского корпуса, до исхода 14 мая в основном все еще находилась за р. Ик; лишь ее 75-я бригада, занимавшая район Авдулина, Сулли, выдвинулась на восток от этой реки.

В этой обстановке 15 мая М. В. Фрунзе отдал свой приказ (№ 01591) о наступлении на Белебей. Этим приказом 25-я стрелковая дивизия включалась в состав Туркестанской армии, 2-я дивизия, оставаясь в резерве группы, должна была двигаться из Бугульмы на Белебей и к 19 мая сосредоточиться в районе Купченеева, Суккулова.

План наступления был выражен в приказе следующим образом:

«2. Туркестанской армии, атаковав 31-й дивизией, совместно с левым флангом 1-й армии, противника с фронта, направить 25-ю дивизию севернее Белебея для глубокого охвата с целью отрезать противника от сообщений с Уфой, имея разграничительную линию с 5-й армией: Заитава, Ниж. Башниды, Константиновка, Яман-Купыр, Санаевой, железнодорожная станция Усманова, все для Туркестанской армии включительно.

3. Всю наличную конницу немедленно бросить в тыл противнику с целью перехвата его сообщений с Уфой.

4. Так как имеются основания предполагать, что противник после целого ряда поражений не решится оказывать упорного сопротивления в районе Белебея, приказываю, учитывая эту возможность, развивать максимальную энергию при наступлении, причем особенную стремительность должны проявить конница и 25-я дивизия, имеющие задачу отрезать противника от Уфы» [1].

Итак, главная задача возлагалась на 25-ю дивизию и конницу, от энергии которых зависела возможность нанести противнику решающее поражение, перехватить его коммуникации и не дать ему отойти к Уфе.

Заметим, что М. В. Фрунзе вполне правильно оценил возможную роль 25-й дивизии в Белебейской операции. Однако по вине командующего фронтом задачу глубокого охвата противника она получила слишком поздно; чтобы обойти Белебей с севера, частям 25-й дивизии нужно было преодолеть примерно вдвое большее расстояние, чем наступавшим в лоб с юго-запада частям 31-й дивизии. Таким образом, дальнейшее наступление на Белебей могло свестись к выталкиванию белых, с возможностью для них отхода на восток.

План действий белых — после провала попытки контрнаступления 9 мая, поражения группы генерала Войцеховского под Бугульмой и неудачных боевых столкновений 11—12 мая — заключался в обороне на подступах к Белебею и ст. Шафраново. Левый фланг белых войск, на котором располагались 2-я бригада 12-й Уральской дивизии и 3-я Симбирская дивизия

[1] М. В Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 153.

зия, отходил в направлении к ст. Шафраново. С юго-запада и запада Белебей обороняли части 13-й Казанской дивизии и Уфимский гусарский полк. На правом фланге, северо-западнее Белебея, против частей 25-й стрелковой дивизии действовала уже сильно потрепанная 4-я Уфимская дивизия и кавалерийская бригада белых.

Ход боевых действий 15 — 19 мая

Руководствуясь предварительными распоряжениями штаба Южной группы, командование Туркестанской армии двинуло свои части в наступление еще до получения общего приказа.

24-я стрелковая дивизия продвигалась вперед, но крайне медленно. Лишь к 17 мая она вышла на фронт Зирикли-куль, Васильевка, чем, разумеется, не могла помешать отходу левофланговых частей белых к ст. Шафраново.

Части 31-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизий заметно повысили темп наступления. 15 мая они вышли на фронт Дурасовка, Купченсева (20—25 *км* западнее Белебея), а 13-й кавалерийский полк захватил д. Крык-Нарат (в 11 *км* юго-западнее Белебея).

17 мая левофланговые части 31-й дивизии миновали Белебей с юга, выйдя на фронт Кош-Елга, Куроедова. На левом фланге дивизии 274-й и 275-й полки 92-й бригады нанесли удар на Белебей с юга и к 20 часам 17 мая овладели южной окраиной города. Еще раньше, в 17 часов, в Белебей после упорного боя ворвались конники 3-й кавалерийской дивизии. В то же время с севера к Белебею подошли с упорными боями подразделения 75-й бригады 25-й стрелковой дивизии. К вечеру город был полностью очищен от врага.

В бою за Белебей со стороны белых участвовали три стрелковых полка (49-й, 51-й и 53-й) и два бронепоезда. Белые оказали сильное сопротивление и неоднократно переходили в контратаки. Однако главные силы корпуса Каппеля были еще 16 мая отведены на восток; таким образом предположение, высказанное М. В. Фрунзе в приказе от 15 мая, оправдалось.

Между тем севернее Белебея, на направлении главного удара 25-й дивизии, события развивались следующим образом.

В 15 часов 15 мая 219-й стрелковый полк 73-й бригады овладел переправой через р. Ик у д. Кызыльяровка и совместно с кавалерийским дивизионом бригады нанес внезапный удар на юг, в тыл 4-й Уфимской дивизии белых. В итоге были захвачены пленные, 4 пулемета и 2 орудия; белогвардейцы отступили. Этот удачный бой послужил началом общего наступления 25-й стрелковой дивизии.

Как уже упоминалось выше, 75-я бригада двигалась к северной окраине Белебея; 73-я и 74-я бригады обходили город с севера. Несмотря на пересеченную и лесистую местность, лишенную дорог, их наступление развивалось быстро; 17 мая,

пройдя с боями до 60 *км*, обе бригады вышли на рубеж р. Усень, севернее Белебея. Однако в этот день главные силы корпуса Каппеля уже были отведены на восток, и план их глубокого охвата с севера не удался. Таким образом, наступление Туркестанской армии фактически свелось к боям за г. Белебей, который сам по себе не имел особого значения, но явился притягательным объектом для частей трех дивизий (31-й, 25-й и 3-й кавалерийской).

После взятия Белебея части Туркестанской армии почти не преследовали противника. 3-я кавалерийская дивизия продвинулась до д. Глумилино, т. е. лишь на 3 *км*, и остановилась «вследствие крайнего истощения лошадей»[1]. Операция закончилась 19 мая выдвижением Туркестанской армии несколько восточнее меридиана Белебея.

В относительной пассивности войск в Белебейской операции прежде всего виновато фронтовое командование. 17 мая, в день взятия Белебея, командующий фронтом дал приказ (№ 182/с), который ставил 5-й армии задачу переправиться через Каму на участке Елабуга, устье р. Вятка и нанести удар во фланг противника, наступавшего против 2-й армии. На Южную группу этот приказ возлагал лишь задачу «разбить остатки противника в районе Белебея»[2].

Но этого мало. 18 мая последовала новая директива (№ 184/с), которая отнюдь не нацеливала Южную группу на преследование разбитого врага, а, наоборот, требовала «...принять все меры, чтобы... не подвергнуть отдельные части сосредоточенным ударам противника».

Исходя из этого требования, командующий фронтом прямо указывал: «...до моего приказания главными силами наступающих дивизий не выдвигаться за линию г. Таукай-Тау, Шафраново, оз. Асли-Куль, Тюп-Кильды, Ст. Тамьянова»[3]. Тем самым ставился предел наступлению Южной группы, а противник получал полную возможность безнаказано отвести и привести в порядок свои потрепанные части. 5-й армии ставилась уже новая задача: переправиться через Каму в районе Н. Пьяный Бор, т. е. в 100 *км* восточнее ранее указанного участка.

Такое порочное управление было логическим следствием недооценки со стороны фронтового командования Белебейско-Уфимского направления и фантастических планов помощи 2-й и 3-й армиям с юга путем удара 5-й армией через Каму. Кстати, выполнение противоречивых директив фронта 5-й армией привело лишь к бессмысленному разбрасыванию ее дивизий и бесконечным переменам направления их движения.

---

[1] Оперсводка штаба Туркестанской армии за 19 мая. ЦГАКА, ф. № 106, к. № 8367, л. 18.

[2] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 289.

[3] Там же, стр. 290.

что, разумеется, вовсе не облегчало положения 2-й армии, но зато резко ухудшило условия преследования врага южнее Камы. 20 мая 5-я армия получила опять новое направление — переправиться не через Каму, а через р. Белая, в ее устье, что было связано с изменениями в обстановке, о которых речь будет ниже.

Итоги операции

Белебейская операция была осуществлена М. В. Фрунзе, по сути дела, вопреки фронтовому командованию. Постоянное дергайье, противоречивые и подчас нелепые приказы, нежелание командующего фронтом признать важность энергичного развития удара в Белебейском направлении и, наконец, прямой запрет преследования — все это не могло способствовать успеху операции. Но тем не менее под Белебеем войска Южной группы одержали значительную победу: основной стратегический резерв Колчака — корпус Каппеля — потерпел поражение и был отброшен на восток. Моральное значение этого факта для тыла Колчака и для белых войск было огромным: он послужил серьезным толчком к дальнейшему разложению колчаковской контрреволюции.

В период Белебейской операции классовая борьба в колчаковском тылу и непримиримые противоречия между белой армией и крестьянством стали сказываться особенно остро. В телеграмме командующему фронтом (№ 15) 11 мая М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев отмечают, что «...крестьянство озлоблено поборами белогвардейцев, отбиравших без всякой платы хлеб, фураж и лошадей, оказывает Красной Армии всемерную помощь» [1].

В военном отношении Белебейская операция поучительна тем, что она ярко доказывает роль правильного оперативного предвидения и дальновидного руководства войсками, проявленных с замечательным блеском М. В. Фрунзе. Еще 6 мая, т. е. тогда, когда лишь наступал 2-й этап Бугурусланской операции, М. В. Фрунзе в своем приказе (№ 025) дает совершенно правильную и глубокую оценку Белебейского района и указывает подчиненным войскам направления действий, которыми части 1-й и Туркестанской армий продолжали руководствоваться вплоть до 15 мая.

Ход Белебейской операции неопровержимо доказал правоту М. В. Фрунзе и глубину его оперативного анализа.

Несмотря на половинчатость достигнутого результата, Белебейская операция сыграла крупную роль в общем разгроме Колчака. Она послужила переходным звеном к следующей, Уфимской операции, завершившей собой контрнаступление Южной группы и открывшей период общего наступления Восточного фронта на Урал и в Сибирь.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 146.

ГЛАВА VI

УФИМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Уфимская операция — завершающий акт контрнаступления Южной группы. Эта самостоятельная операция Туркестанской армии охватывает период с 25 мая по 19 июня, т. е. до расформирования Туркестанской армии. Значение Уфимской операции огромно. Ее успех предрешил отход белых за Урал. С оперативно-тактической точки зрения Уфимская операция, кроме того, интересна как пример наступления с преодолением крупной водной преграды.

Общая обстановка к началу операции

В момент перехода к Уфимской операции, т. е. во второй половине мая 1919 г., обстановка на фронтах республики резко осложнилась.

Это выразилось, прежде всего, в ухудшении положения на Петроградском фронте. 13 мая белые прорвали фронт 7-й армии и 17 мая заняли Ямбург. 26 мая белоэстонцы захватили Псков. В Петрограде и на кронштадтских фортах белогвардейцы готовили мятеж.

Ухудшилось положение и на Южном фронте, где 4 мая белым удалось временно захватить Луганск. Во второй половине мая наступательная инициатива на Южном фронте переходит в руки противника. В тылу Южного фронта Красной Армии пришлось выделить значительные силы для ликвидации мятежа кулацкой части казачества на Дону (Вешенское восстание). В начале мая на Украине восстал против Советской власти эсеро-бандит атаман Григорьев. Его пятнадцатитысячные банды угрожали Одессе и Николаеву.

На западе, в связи с сосредоточением на Белорусском фронте польской армии Галлера, обстановка складывалась также не в пользу Красной Армии.

Наконец, на правом крыле Восточного фронта продолжалось кулацкое восстание в Оренбургской области, а Уральск был окружен и осажден белоказаками. Армии Восточного фронта должны были удесятерить усилия, чтобы не дать Колчаку оправиться и вновь перейти в наступление.

Планы сторон и соотношение сил
(Схема 11)

У командующего Восточным фронтом в момент приостановки наступления Туркестанской армии после взятия Белебея не было никакого перспективного плана операций против Колчака. Действуя по указке Троцкого, он продолжал оглядываться на Волгу даже после отхода противника к р. Белая. Это отсутствие перспективы понудило М. В. Фрунзе самого выдвинуть план дальнейших действий.

Впервые вопрос об Уфимской операции был поставлен М. В. Фрунзе в разговоре с командующим фронтом 18 мая. Фрунзе настаивал на необходимости «...безусловно теперь же решиться на овладение Уфой»[1], но еще не предлагал определенного плана операции. План этот был оформлен на следующий день, 19 мая, в докладе командующему фронтом (№ 0164).

«Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операций с целью овладения районом Уфы», — такими словами начинался доклад М. В. Фрунзе[2].

Для овладения районом Уфы Фрунзе предлагал назначить Туркестанскую армию в составе 24-й, 2-й, 25-й и 31-й стрелковых и 3-й кавалерийской дивизий[3]. Форсировать р. Белая он намечал на фронте пристань Табынск (48 *км* северо-восточнее Стерлитамака), Уфа. С севера операцию должна была прикрыть 26-я дивизия 5-й армии, нацеливаемая на переправу у Ахлыстина (между Уфой и Бирском). Выполнение этой задачи 26-й дивизией, по мысли М. В. Фрунзе, должно было предшествовать овладению Уфой.

Существенной частью плана М. В. Фрунзе явилось предложение занять район Стерлитамака башкирскими частями «...для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону Советской власти и усиления Красной Армии». Здесь сказался правильный учет национального момента, игравшего важную роль в гражданской войне. За счет башкирских частей одна бригада 20-й стрелковой дивизии намечалась к переброске, после овладения Стерлитамаком, на Оренбургское направление. Действия на этом направлении попрежнему возлагались на 1-ю армию, усиленную одной бригадой (из резерва фронта).

Командующему фронтом оставалось только согласиться с предложениями М. В. Фрунзе, что и было сделано директи-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 157.

[2] Там же, стр. 159.

[3] К моменту проведения Уфимской операции в составе Туркестанской армии действовала не одна бригада 3-й кав. дивизии, а вся дивизия.

вой, предусматривавшей переход в наступление всех войск фронта, включая 2-ю и 3-ю армии[1]. Однако командующий фронтом, все еще боясь за положение севернее Камы, потребовал от 5-й армии сосредоточения двух дивизий в низовьях р. Белая, для наступления в тыл противника, действующего против 2-й армии. Командующему 5-й армией, получившему с 10 по 19 мая пять разноречивых директив фронта и разбросавшему свои дивизии на пространстве 120 *км*, теперь указывалось главное операционное направление на Красноуфимск (около 200 *км* северо-восточнее Бирска, на схеме 11 нет). Таким образом, Туркестанская и 5-я армии вновь должны были действовать в расходящихся направлениях. В то же время командующий фронтом, крайне осторожно оценивая состояние противника, предложил обязательно выровнять дивизии Туркестанской армии на общей исходной линии, заменить 31-ю стрелковую дивизию 2-й дивизией и разрешил начать наступление лишь по особому приказанию.

Между тем разбитые под Белебеем колчаковские части продолжали отход, прикрывшись сильными арьергардами примерно на том же рубеже, на котором к 22 мая должны были развернуться части Туркестанской армии. Главные силы Западной армии должны были отойти на правый берег р. Белая, уничтожив как переправы, так и плавучие средства (что ими в дальнейшем было выполнено).

До возобновления наступления Туркестанской армии белое командование успело привести в порядок свои потрепанные части. Полностью закончилось сосредоточение Волжского корпуса генерала Каппеля. Прибыли пополнения, правда, незначительные, в том числе конный казачий полк им. Ермака Тимофеевича и 15 морских орудий для обороны Уфы. Из Екатеринбурга на юг спешно перебрасывался походным порядком корпус генерала Гайда шестиполкового состава (6 330 штыков, 12 орудий).

Красная Армия до начала наступления получила около 5000 человек пополнения. В целом соотношение сил оставалось примерно прежним: Туркестанская и 5-я армии имели в общей сложности 50 532 штыков и сабель, а Западная армия белых (включая корпус генерала Каппеля и корпус генерала Гайда) — 40 000 штыков и сабель. Превосходство Красной Армии в численности было незначительным, а артиллерия сторон была примерно равна.

План белого командования сводился к задаче «не пускать Красную Армию за реку Белая, а в случае ее переправы сбросить в реку и разбить ее по частям». Зная, что части Красной Армии не имеют переправочного имущества, колчаковцы рассчитывали отсидеться за широкой речной преградой.

---

[1] Ф. Огородников, Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938, стр. 301.

Колчаковские части были реорганизованы и сведены в три группы:

Волжская группа (генерала Каппеля) — 1-я Симбирская, 3-я Самарская, 13-я Казанская дивизии, Стерлитамакский отряд и отдельная Волжская кавалерийская бригада (всего 8 460 штыков, 1 740 сабель, 189 пулеметов, 62 орудия) — должна была занять участок р. Белая от Тюкунева до устья р. Уфа протяжением около 70 *км*. Левый берег р. Белая южнее Тюкунева до Стерлитамака наблюдали отдельные части конницы и остатки 46-й дивизии. В резерв группы выводились 13-я Казанская дивизия и Волжская кавалерийская бригада.

Уфимская группа — 4-я Уфимская и 8-я Камская дивизии и 2-я Оренбургская казачья бригада (всего 7 743 штыка, 978 сабель, 71 пулемет и 31 орудие) — должна была оборонять участок от устья р. Уфа до Благовещенского протяжением около 45 *км*; к непосредственной обороне г. Уфа были, кроме того, привлечены остатки 12-й дивизии. В резерв группы выделялось до 50% сил — по два полка от каждой дивизии.

Уральская группа — 6-я, 7-я и 11-я Уральские дивизии, Ижевская кавалерийская бригада и Уфимская кавалерийская бригада (всего 6 982 штыка, 1 576 сабель, 157 пулеметов, 31 орудие) — должна была оборонять участок севернее Благовещенского до Бороушки протяжением около 120 *км*. В резерве эта группа имела четыре полка.

В резерве командующего Западной армией оставались: бригада 12-й Уральской дивизии (в районе Уфы), егерский и маршевый батальоны и Сибирская казачья дивизия (на ст. Миньяр).

Таким образом, белым войскам предстояла оборона на широком фронте малыми силами. Основные группировки намечались в районе Уфы и на левом фланге (Волжская группа). Белое командование предполагало сочетать оборону с частными ударами по внешним флангам 5-й и Туркестанской армий. Эти контрудары намечалось нанести: на юге — силами Волжской группы; на севере — Екатеринбургским корпусом генерала Гайда. Этот корпус получил активную задачу: переправившись в низовьях р. Белая, ударить по флангу и тылу 5-й армии и разгромить ее.

Подготовка операции

Исходя из своего плана и директивы фронта, М. В. Фрунзе отдал 21 мая директиву-приказ № 01682[1], определяющую задачи и план действий на всех трех направлениях Южной группы (Уфимском, Оренбургском и Уральском). Эта директива положила начало Уфимской операции.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 161.

Командование Туркестанской армией М. В. Фрунзе принял на себя, оставаясь командующим группой. 23 мая он переехал с оперативной частью штаба группы ближе к войскам, в Бугуруслан.

Операция должна была начаться наступлением с линии Стерлибашева, Уршак-баш-Кармалина, ст. Аксеново, Знаменское (Кутуза), Батырша-Кубова. Эта линия отстояла от районов, занятых войсками после овладения Белебеем, в 10—15 *км*. Отсюда до р. Белая войскам предстояло пройти 120—130 *км* (по прямой). Таким образом, операция распадалась на три этапа: подход к р. Белая; форсирование реки; уничтожение противника на ее правом берегу и выход Туркестанской армии к предгорьям Урала.

Директива-приказ № 01682 устанавливала группировку и задачи войск на 1-м этапе операции; что же касается последующих этапов, то она ограничивалась общей наметкой образа действий, поскольку сведения о противнике пока были весьма скудны. Форсирование намечалось на 80-*км* фронте от устья р. Сим до Благовещенского. Идея действий была выражена М. В. Фрунзе следующим образом:

«По достижении р. Белая части армии должны будут форсировать ее, имея дальнейшей целью, путем охвата нашим правым флангом, выйти на сообщения противника; для этой же цели уступом впереди 24-й дивизии будет направлена армейская конница».

Следовательно, главный удар намечался правым флангом Туркестанской армии, с обходом Уфы с юго-востока. Выполнение такого плана было связано с большими трудностями движения по пересеченной и лесистой местности юго-восточнее Уфы, а также требовало сложной перегруппировки войск. Так, 3-я кавалерийская дивизия, расположенная юго-западнее Белебея, только для подхода к правому флангу 24-й дивизии должна была проделать 100-*км* марш (по прямой); смена частей 31-й дивизии частями 2-й дивизии, предусмотренная по требованию командующего фронтом, тоже должна была занять значительное время, так как 2-я дивизия располагалась примерно в двух переходах от назначенной ей линии развертывания.

М. В. Фрунзе отлично понимал, что овладение таким сильным оборонительным рубежом, как р. Белая, было бы значительно облегчено неотступным преследованием врага. Но повинуясь указаниям фронта, он был вынужден отложить начало наступления.

В тот же день (21 мая) командующий 5-й армией также дал директиву (№ 960/н) о предстоящей операции. Задача армии была сформулирована им так: «Обеспечивая направление г. Уфа — г. Бирск наступательным заслоном, главными силами изготовиться для переправы через р. Белая где-нибудь в районе д. Ст. Аткулева — д. Ст. Нагаева для дальнейшего

наступления в тыл противнику, действующему западнее р. Камы».

Наступление 2-й армии с рубежа р. Вятка командующий фронтом назначил на 25 мая.

Таким образом, главные силы 5-й армии (27-я и 35-я стрелковые дивизии, 2-я бригада 5-й дивизии и Чистопольская группа) направлялись к низовьям р. Белая для поиска переправы в районе, отдаленном от Уфы на 150 *км* (по прямой). Очевидно, действия 5-й армии в этих условиях никакого влияния на противника, противостоящего Туркестанской армии, оказать не могли. Лишь 26-я дивизия получила неопределенную задачу содействовать левому флангу Туркестанской армии. Она должна была переправиться через р. Белая у Ахлыстина (40 *км* севернее Уфы). К 24 мая эта дивизия выходила на меридиан Буздякова (на Волго-Бугульминской ж. д., в 50 *км* западнее ст. Чишма), как бы продолжая на север линию развертывания, назначенную М. В. Фрунзе для Туркестанской армии.

Уфимская операция, успех которой открывал путь на Урал, приобретала исключительное значение. 29 мая Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта:

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги...» [1]

Задача была поставлена вождем партии и главой Советского правительства предельно ясно. Речь шла о судьбе революции, о будущем страны. М. В. Фрунзе со всей присущей ему энергией приступил к осуществлению этой задачи. В специальном обращении к войскам Туркестанской армии в связи со вступлением в командование ею и началом новой операции он писал:

«Высшее военное командование возложило на нас задачу окончательного разгрома белогвардейских банд, прикрывающих путь за Урал, и ликвидации этим всей колчаковщины...

Наш первый этап — Уфа; последний — Сибирь, освобожденная от Колчака. Смело вперед!» [2]

Однако и при проведении Уфимской операции М. В. Фрунзе пришлось преодолеть большие трудности.

Сейчас ясны скрытые пружины влияний, затруднявших организацию наступления на Уфу. Источником этих враждебных влияний был Троцкий, не желавший разгрома Колчака

---

[1] В. И. Ленин, Военная переписка 1917—1920 гг. Госполитиздат, М., 1943, стр. 70.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 164—165.

и требовавший снятия войск с Восточного фронта. Троцкий неприкрыто мешал М. В. Фрунзе осуществлять задачу разгрома Колчака. Так, в упомянутом выше разговоре с командующим фронтом 18 мая Фрунзе говорит: «Вы знаете, какую атаку приходится выдерживать мне, и совершенно незаслуженно, со стороны Троцкого... Ряд телеграмм Троцкого только нервирует и лишает возможности спокойно и основательно подготовить и провести операцию»[1].

Эту предательскую роль Троцкого впоследствии ярко разоблачил И. В. Сталин в известной речи на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г.

«Вы знаете, что основными врагами Советской Республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т. е. и Колчака и Деникина, добили наши войска **вопреки** планам Троцкого.

Судите сами.

1) **О Колчаке.** Дело происходит летом 1919 года. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. Заседание Центрального Комитета. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белая (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войск с Восточного фронта и перебросить их на Южный фронт. Происходят жаркие прения. Центральный Комитет не соглашается с Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. Центральный Комитет отклоняет план Троцкого. Последний подаёт в отставку. Центральный Комитет не принимает отставки. Главком Вацетис, сторонник плана Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком, Каменев. С этого момента Троцкий отходит от прямого участия в делах Восточного фронта»[2].

Борьба Троцкого против партии в вопросе об образе действий на Восточном фронте имела своим последствием колебания и шатания главного и фронтового командования. Отстранение Троцкого от вмешательства в дела Восточного фронта обеспечило быстрое и энергичное проведение Уфимской операции, а затем и освобождение Урала.

Под лозунгом освобождения Урала началась Уфимская операция, вписавшая славную страницу в историю побед Красной Армии и деятельности ее выдающегося полководца — М. В. Фрунзе.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 158.

[2] И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 336—337.

Первый этап операции 25 мая — 3 июня

(Схема 11)

22 мая части Туркестанской армии заняли в общем ту линию, которая была указана директивой М. В. Фрунзе (№ 01682). Исключение составила 2-я дивизия, не успевшая еще сменить части 31-й стрелковой дивизии, а также 3-я кавалерийская дивизия. Части 5-й армии двигались к рубежам, указанным командующим армией в приказе от 21 мая.

С 22 по 25 мая события на фронте Туркестанской армии характеризовались отдельными боями с охранением противника, иногда довольно крупными. Эти бои, имевшие характер разведки, позволили внести некоторую ясность в оценку группировки и сил белых. Так, 24-я дивизия 22 и 24 мая вела бои с частями 13-й Казанской дивизии у Кулькункасова; на участке 2-й дивизии по железной дороге между ст. Шафраново и Аксеново наступление сдерживал бронепоезд противника; на участке 25-й дивизии противник удерживал правый берег р. Усень (см. схему 10), где вырыл окопы и создал довольно прочную оборону.

25 мая части Туркестанской армии получили приказ М. В. Фрунзе (№ 011), который давал характеристику противника и ставил задачи армии:

«Противник, разбитый в районе Кош-Елга и Белебей, отступает на Уфу; остатки его дивизий, оказывая сопротивление вдоль Бугурусланской и Бугульминской железнодорожных линий, группируются в районе ст. Раевка и севернее оз. Аслыкуль.

На Туркестанскую армию возложена задача разбить остатки противника и овладеть районом Уфы» [1].

Далее указывалась исходная линия, которую дивизии должны были занять к вечеру 27 мая: Верхн. Услы (на тракте Стерлитамак, Белебей), Кипчак-Аскарова, Идрисова, Ташлы, Курьятмасова, Бурангулова и Кидрясевой. Средняя глубина продвижения за 2 суток составляла 25 *км*. Сравнительно незначительный темп намеченного наступления объяснялся тем, что противник сумел укрепиться в отдельных пунктах и движение должно было сопровождаться мелкими, но непрерывными боями.

С 28 мая части Туркестанской армии должны были перейти в решительное наступление, имея ближайшей целью отрезать противника, сосредоточившегося в районе Бугульминской ж. д., южнее ст. Чишма, «...отбросить его на юго-восток и прижать к р. Белая».

В соответствии с этим, дивизиям ставились задачи разной глубины. К 1 июня армия должна была достигнуть линии

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 165.

Толбазы, Имай-Карамала, Нов. Япарова, ст. Усманова, Чишма, д. Новая. Таким образом, общая глубина намеченного продвижения за 5 дней (с 27 мая по 1 июня) составляла для 24-й и 2-й стрелковых дивизий 40 *км*; для 25-й дивизии — 65 *км* (по прямой). Армейский резерв — 31-я дивизия — получил задачу двигаться в полосе 25-й дивизии.

Такое планирование движения противоречило идее нанесения главного удара правым флангом, т. е. 24-й дивизией. По-видимому, М. В. Фрунзе исходил как из оценки боеспособности своих соединений, так и из сведений о противнике, который оказывал на фронте 24-й дивизии упорное сопротивление. Правильность этой оценки была доказана всем последующим ходом событий.

3-й кавалерийской дивизии была подтверждена прежняя задача, причем было приказано: «...к вечеру 1 июня сосредоточиться за правым флангом 24-й стрелковой дивизии, имея дальнейшей задачей форсирование р. Белая и движение на Архангельский, Ниж. Лемезы для выхода в глубокий тыл противника в районе Балашево» [1].

Причины, заставившие бросить конницу на данное направление, понятны: переправа 3-й кавалерийской дивизии могла быть легче всего совершена в районе Стерлитамака, где р. Белая проходима вброд. Кроме того, своевременный выход конницы в район Архангельского сулил крупные выгоды, поскольку противник должен был отбрасываться к юго-востоку от ст. Чишма: он оказался бы взятым в клещи. Выход же в район Балашево, ст. Урмань означал перехват сообщений противника и овладение единственным путем его отхода на восток (дорога Уфа, Ураково, Таувтюмнева, Нижн. Лемезы).

Но 3-я кавалерийская дивизия, вообще не отличавшаяся особой подвижностью, не смогла выполнить полученную задачу. Ей предстояло за семь дней сделать 250-*км* переход (до Архангельского) с форсированием р. Белая в районе, занятом противником. Это оказалось непосильным для дивизии.

В целом задача, поставленная частям Туркестанской армии, была ими к 1 июня выполнена.

Наступление сопровождалось серьезными боями на фронте 24-й дивизии, несколько отставшей от своего левого соседа. На ее участке противник 25 мая переходил в упорные контратаки на Уршак-баш-Кармалина, Биккулова (оба селения в 25—35 *км* юго-западнее тракта Стерлитамак — Белебей), но был отброшен.

Продвижению 2-й дивизии сильно мешали бронепоезда противника. Тем не менее она выполнила свою задачу в срок.

С непрерывными боями двигалась также и 25-я дивизия. Хотя ее движение задерживалось разрушениями, производи-

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 166.

мыми противником на путях отхода, все же она уже к 30 мая, т. е. за двое суток до указанного срока, после 3-часового боя овладела ст. Чишма. Противник начал быстро отходить к р. Белая, отклоняясь на восток.

Тем временем, с 25 мая по 1 июня, на фронте соседей Туркестанской армии разыгрались крупные события.

Части 20-й дивизии 1-й армии к вечеру 29 мая овладели Стерлитамаком; противник у Стерлитамака и севернее его отошел за р. Белая.

К устью р. Белая 27 мая подошел из Екатеринбурга корпус генерала Гайда, начавший переправу у оз. Ушарово (в 10 *км* восточнее устья Белой). Корпус имел задачу выйти в тыл частям 5-й армии, теснившим арьергарды колчаковцев на р. База (левый приток Белой). 28 мая передовые части корпуса Гайда подошли к Байсарово (на тракте Мензелинск, Бирск, см. на схеме 10), где были взяты в клещи 27-й и 35-й дивизиями. Белые, как оказалось, считали, что по левому берегу Камы движется лишь слабый Чистопольский отряд 5-й армии. Стремительные удары двух советских дивизий по флангам корпуса Гайда оказались для него совершенно неожиданными и быстро привели белых к полному поражению; остатки корпуса бежали к Азяк-Кулева (на р. Белая, в 40 *км* от устья). В этом бою части 5-й армии захватили 800 пленных, 1 орудие, 8 пулеметов и другие трофеи. Остатки противника, грузившиеся на суда, были обстреляны советской артиллерией и стали спускаться к устью р. Белая. Но у оз. Ушарово они были встречены огнем тяжелой батареи и повернули в направлении к Бирску. За 2 дня — 28 и 29 мая — резервный корпус белых был, таким образом, разгромлен, потеряв до 3 000 чел. — около 50% состава. В дальнейшем ходе операции он уже никакой роли не играл.

Итак, к 30 мая части Туркестанской и 5-й армий находились в расстоянии 1—2 переходов от р. Белая; угроза на флангах была ликвидирована, противник поспешно отходил. Надо было начинать непосредственную подготовку 2-го этапа операции — форсирование р. Белая.

Порядок форсирования р. Белая Туркестанской армией был определен приказом М. В. Фрунзе от 30 мая (№ 012). Основной задачей армии этот приказ ставил скорейшее овладение Уфой. Части армии должны были к 4 июня достичь р. Белая и подготовить переправы. Участки форсирования назначались:

для 24-й дивизии — устье р. Сим, Кабакова;

для 2-й дивизии — Вознесенское, Аксакова;

для 25-й дивизии — устье р. Дема, Красный Яр.

От 25-й дивизии приказ требовал «...огнем батарей, прекратив всякое движение по реке и железной дороге в тылу

города, стремиться взять Уфу с налета на плечах противника» [1].

31-я дивизия должна была двигаться во втором эшелоне за 25-й дивизией. Для 3-й кавалерийской дивизии, все еще находившейся на марше, срок овладения Архангельским был отнесен до 5 июня, а выхода в район ст. Урман, ст. Балашево — до 7 июня.

30 мая дал директиву на форсирование и командующий 5-й армией. Успех наступления 2-й армии, начавшегося 28 мая, сделал очевидной нецелесообразность движения 5-й армии на Красноуфимск; поэтому основное операционное направление 5-й армии перемещалось к Бирску. Задачи дивизий были в дальнейшем уточнены директивой командующего 5-й армией от 2 июня (№ 1010/н) следующим образом:

26-й дивизии — не позднее 4 июня овладеть левым берегом р. Белая на участке завод Благовещенский, Печенкино.

27-й дивизии — не позднее 4 июня овладеть левым берегом р. Белая на участке Печенкино, Юбанаева.

Остальные силы армии должны были вести разведку реки и подготовлять переправы севернее Бирска.

Это новое направление, а также намеченный срок форсирования 5-й армии раньше Туркестанской армии соответствовали первоначальной идее М. В. Фрунзе. Еще в докладе командующему фронтом 19 мая М. В. Фрунзе высказал пожелание о том, чтобы форсирование р. Белая 26-й дивизией предшествовало овладению Уфой. Но наступление 5-й армии было намечено на очень широком фронте (около 120 *км*), а ее главные силы не получили задачи движения в тыл Уфимской группе белых после овладения районом Бирска. Таким образом, план командующего 5-й армией не обеспечивал взаимодействия с Туркестанской армией, что в дальнейшем отрицательно отразилось на ходе операции.

Первый этап Уфимской операции был закончен 4 июня. В этот день дивизии первого эшелона Туркестанской и 5-й армий вышли к р. Белая.

Противник на всем фронте отошел за реку, уничтожив переправы. В частности, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост у Уфы, оставшийся неповрежденным при отходе 5-й армии в марте.

Подход к р. Белая был совершен успешно. Противник понес ряд частных поражений. Его потери на фронте обеих армий — Туркестанской и 5-й — с 19 мая по 3 июня достигли 6 500 человек, в том числе много пленных и перебежчиков. Потери Красной Армии были почти вдвое меньше — 3 500 человек [2].

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 167.

[2] Рыбин, Уфимская операция 1919 г. Сборник трудов ВНО при Военной академии, кн. 4, 1923, стр. 52.

Недостатком действий войск при подходе к р. Белая явились замедленные темпы движения. За 16 суток части Туркестанской армии прошли 120 *км*, т. е. в среднем темп их движения составил 7,5 *км* в сутки. Даже наиболее активная 25-я дивизия после взятия ст. Чишма двое суток фактически оставалась на месте. Это объяснялось как тяжелыми боями, так и выравниванием движения по рубежам. Такое выравнивание задерживало части, вырвавшиеся вперед, оно помогло противнику избегнуть разгрома при отходе к р. Белая и затянуть сопротивление под Уфой.

Второй этап операции 4 — 9 июня

(Схема 12)

Поскольку на втором этапе Уфимской операции Красная Армия преодолела такую серьезную водную преграду, как р. Белая, необходимо кратко остановиться на ее характеристике. Белая в среднем течении имеет ширину 150—180 *м*, а в некоторых местах до 300 *м*, глубину около 6 *м*; грунт песчаный, твердый. Скорость течения не велика — не более 0,5 *м/сек*. В конце мая вода еще держалась несколько выше нормального уровня.

Правый берег реки, как правило, командует над левым, особенно на участке Уфа—устье р. Быстрый Гапын, где впоследствии переправлялось большинство частей Красной Армии.

Пойма реки — широкая (до 3 *км*), покрытая озерами, болотами и кустарником; особенно много леса и кустарника на правом берегу, что облегчало противнику задачу обороны.

На отдельных участках левого берега имеются возвышенные места, удобные для обзора и обстрела. Кроме того, многочисленные извилины русла реки образуют участки, обеспечивающие фланговый обстрел.

Этими данными как раз и обладали избранные советским командованием переправы у Красного Яра (25-я дивизия), у Ахлыстина и Топорнино (Покровское) (26-я дивизия), у Печенкино и Дюптулли (27-я дивизия — последний пункт см. на схеме 11).

За рекой местность сильно пересеченная (максимальная отметка — 320 *м*) и лесистая, ограничивающая маневрирование войск. Малочисленные дороги совпадают с направлением течения рек (с северо-востока на юго-запад). Наибольшее значение имели две дороги: тракт Уфа, Ахлыстина, Явгельдин, Златоуст, с ответвлениями на Бирск и на Кунгур, Пермь и проселок Уфа, ст. Таувтюменева, Б. Теплый Ключ и далее к ст. Вязовая.

Маневр Красной Армии северо-западнее р. Белая был стеснен также р. Уфа, текущей в меридиональном направлении; в нижнем течении ее ширина достигает 140—250 *м* при глубине от 2 до 5 *м*.

Успех переправы требовал широкой разведки реки и противника. Соединениям 5-й армии, как и ее штабу, р. Белая была хорошо знакома по предыдущим боям. Дивизии и штаб Туркестанской армии действовали здесь впервые. Поэтому разведка реки потребовала от войск Туркестанской армии значительной активности и некоторого дополнительного времени.

Что касается противника, то сведения о нем в штабе Туркестанской армии были довольно неопределенны. После боев под Чишмой стало ясно одно: белые отходили не только на Уфу, но и группировали значительные части южнее р. Сим. Эта группировка противника (Волжская группа генерала Каппеля) нависала над правым флангом Туркестанской армии и, в случае попытки перехода белых в контрнаступление, могла причинить ей значительные неприятности.

Это обстоятельство побудило М. В. Фрунзе еще раз уточнить задачи соединений армии. В ночь на 3 июня он отдал приказ (№ 0313), изменявший участки форсирования для правофланговых дивизий. 24-й дивизии было приказано «...заходя плечом, занять участок реки Белой от устья реки Карламань до М. Нагадак, всемерно стремясь сбросить отступающего противника в реку, после чего форсировать ее на указанном участке».

2-я дивизия должна была «...сделать полуоборот вправо, занять линию реки Белой до устья реки Карламань и переправиться через реку на указанном участке» [1].

Следовательно, правый фланг армии поворачивал фронт на восток, и вся 24-я дивизия направлялась против Волжской группы генерала Каппеля. Такое уточнение задач, несомненно, соответствовало обстановке.

В тот же день (3 июня) М. В. Фрунзе со своим штабом прибыл на ст. Чишма, чтобы быть ближе к войскам в период подготовки переправы.

С 4 июня развернулись разведывательные поиски и действия мелких подразделений на р. Белая. Противник оборонялся на широком фронте и далеко не на всем протяжении реки имел свои гарнизоны. Поэтому разведка при подходе к реке в ряде мест не встретила никакого сопротивления. Красноармейцы ходили по берегу и даже купались. Противник молчал. Это послужило толчком для переправы некоторых подразделений по инициативе младших начальников.

Выше уже говорилось, что белогвардейское командование намеревалось дать решающий бой за рекой. Это намерение оно предполагало выполнить путем сосредоточения резервов к пунктам переправ тогда, когда обнаружатся основные направления действий Красной Армии, и нанесения этими резервами сильных контрударов. Этим, повидимому, и объясняется

---

[1] Рыбин, Уфимская операция 1919 г. Сборник трудов ВНО при Военной академии, кн. 4, 1923, стр. 49.

пассивность белых войск в период боевой разведки, проводимой советскими частями. Лишь непосредственно в районе Уфы белогвардейская артиллерия интенсивно обстреливала передовые подразделения 25-й дивизии, препятствуя их попыткам переправиться.

Первыми переправились 4 июня пешие разведчики 73-й бригады 25-й дивизии в районе Красного Яра и батальон 230-го Старорусского полка 26-й дивизии в районе Баскакова. Но уже в ночь на 5 июня белогвардейцы в этих районах предприняли контратаки.

Разведка 73-й бригады отбила все атаки и удержала занятый участок правого берега. Батальон 230-го полка был смят, прижат к реке и, вероятно, погиб бы, если бы не инициатива соседнего батальона, переправившегося под покровом темноты и ударившего в тыл противника. Белогвардейцы, несмотря на численное превосходство, бежали.

Таким образом, севернее Уфы уже 4—5 июня были захвачены и удержаны два участка на берегу противника.

К сожалению, не столь активно действовала разведка 2-й и 24-й дивизий, которые не только не переправили своих передовых подразделений, но и не сумели установить группировку и силы противника. Особенно плохо действовала 3-я кавалерийская дивизия. Имея задачей овладеть 5 июня заводом Архангельский, она 4 июня еще только сосредоточилась на левом берегу реки. Было очевидно, что намеченный М. В. Фрунзе глубокий рейд конницы в тыл врага не может быть выполнен.

Выйдя к реке, части Туркестанской и 5-й армий развернули энергичную подготовку переправ. Это оказалось очень сложной задачей. Штатного переправочного имущества не имелось вовсе. Местные средства были почти полностью уничтожены белыми или угнаны на правый берег. Все же кое-что нашлось; так, 25-й дивизии удалось захватить 2 маленьких пароходика. В лучшем положении были части 5-й армии: 26-я дивизия собрала около 60 лодок; переправа 27-й дивизии у Дюптулли имела до 80 лодок, но это были маленькие лодки грузоподъемностью 3—4 человека; имелось лишь несколько лодок на 20—25 человек, однако и на них нельзя было переправлять ни повозок, ни орудий.

Мало было и местных материалов, в частности, сухого леса для плотов. Части проявили инициативу и изобретательность: в ход пошли бочки из-под керосина (24-я дивизия), бревна и гвозди разобранных строений и т. д. Лучше других была обеспечена лесным материалом 27-я дивизия, которой удалось построить пловучий мост и 15 небольших плотов.

Окончательное решение на форсирование р. Белая было принято М. В. Фрунзе 6 июня и отражено в приказе (№ 0347). Правильно считая, что основные силы противника сосредоточены на участке Архангельский, Благовещенский, М. В. Фрунзе

попрежнему намечал нанести основной удар в обход Уфы с юга, т. е. на правом фланге армии. В соответствии с этим идея второго этапа операции была выражена так: «разбить части противника в районе завод Архангельский, выйти с востока в тыл противнику, группирующемуся в районе Уфы, перехватив одновременно железнодорожную линию на участке ст. Урмань, Таувтюменева, чем лишить его главного пути отхода» [1]. Таким образом, это была в основном та же идея, которая нашла выражение еще в приказе № 012 от 30 мая.

Для выполнения задачи выхода в тыл противника создавалась ударная группа начальника 24-й дивизии в составе 24-й дивизии, 2-й бригады 2-й дивизии и 3-й кавалерийской дивизии. Эта группа должна была форсировать р. Белая в ночь с 7 на 8 июня; занять завод Архангельский и к вечеру 9 июня выйти на широту Уфы восточнее города фронтом на север (на участке устье р. Курт-Елга, Шеланны, Амитова, Ново-Юрмаш).

2-я дивизия оставшейся одной бригадой должна была содействовать левому флангу ударной группы.

25-я дивизия с приданным бронеотрядом должна была переправиться в ночь с 7 на 8 июня, и, «...оставив заслон на своем левом фланге в районе Турбаслы, Трампет до подхода частей 31-й дивизии, всеми силами продвигаться вперед и овладеть станцией Ураково, Богородское, гор. Уфа».

31-я дивизия должна была развить успех 25-й дивизии в направлении ст. Таувтюменева.

Таким образом, приказ М. В. Фрунзе намечал, в конечном счете, окружение противника в районе Уфы. Приказ содержал ряд ценных тактических указаний. Так, он требовал: «Переправы через Белую вести крупными соединениями, на правом берегу немедленно закрепляться, прикрывая район переправ сосредоточенным огнем артиллерии и пулеметов. При дальнейшем наступлении части не должны дробить свои силы на отдельные группы, а, пользуясь маневром и не разбрасываясь по фронту, бить отступающего противника» [2].

Задачи, поставленные приказом № 0347, а также его тактические указания исходили из правильной идеи окружения и уничтожения врага. М. В. Фрунзе справедливо считал главнейшей задачей не захват Уфы сам по себе, а разгром противника, что могло быть достигнуто лишь в случае выхода на пути отхода врага. Однако ход боевых действий внес серьезные поправки в обстановку: первые успехи были достигнуты 25-й дивизией и частями 5-й армии севернее Уфы, и противник начал подтягивать сюда свои резервы. Кроме того, возможность использования конницы для выхода в тыл врага

---

[1] Рыбин, Уфимская операция 1919 г. Сборник трудов ВНО при Военной академии, кн. 4, 1923, стр. 53.

[2] Там же, стр. 54.

отпала по причинам, о которых мы говорили выше; наконец, 24-я дивизия едва ли могла по времени выполнить столь сложный и глубокий маневр.

7 июня части усиленно готовились к переправе. В течение этого дня М. В. Фрунзе стали известны важные подробности о положении на фронте 5-й армии, главные силы которой уже начали переправу в ночь с 5 на 6 июня. С утра 7 июня части 26-й и 27-й дивизий, захватившие крупный плацдарм южнее Бирска, вели упорный бой с противником силой до шести полков (6-й и 11-й дивизий). Бой закончился полным успехом частей 5-й армии. 2-й батальон 21-го Челябинского полка белых целиком перешел на сторону Советской Армии. Остальные части противника начали беспорядочный отход.

Успешные действия 5-й армии в стыке ее с Туркестанской, а также успех передовых подразделений 73-й бригады 25-й дивизии, удерживавших участок правого берега реки у Красного Яра, заставили М. В. Фрунзе обратить особое внимание на левый фланг. 7 июня он лично направился в 25-ю дивизию, на месте проверил подготовку к форсированию, вел беседы с командирами и красноармейцами. Обстановка диктовала необходимость развития и закрепления успеха в стыке Туркестанской и 5-й армий; поэтому в дальнейшем М. В. Фрунзе направляет основное внимание на участок 25-й дивизии и на взаимодействие с ней правого фланга 5-й армии.

73-я и 74-я бригады 25-й дивизии и приданный 17-й броневой отряд готовились к переправе у дд. Лавочное и Красный Яр; 75-я бригада должна была сковать врага в районе Уфы. Артиллерия дивизии (40 орудий) располагалась в основном в районе Красного Яра для поддержки 73-й и 74-й бригад. Вблизи Красного Яра выбрал свой командный пункт В. И. Чапаев.

Противник между тем принимал свои меры обороны. Как видно из донесения командующего Западной армией от 7 июня, белогвардейское командование предполагало «...противника, переправившегося у Печенкино, Топорнино, разбить и отбросить за реку, для чего сосредоточиваются с севера и востока 5—6 полков Голицына, с юга — Сибирская казачья дивизия и 8-я дивизия Войцеховского». Генерал Ханжин считал, что «...этих сил достаточно для того, чтобы противника здесь растрепать и отбросить за реку, а при этом и уничтожить»[1].

На самом деле «5—6 полков Голицына» были сами растрепаны и отброшены в тот же день 7 июня. 8-я и Сибирская казачья дивизии действительно были двинуты к Бирску из района Уфы. 8 июня они сосредоточились в районе д. Вотякеево (на р. Уфа), где находились также два резервных полка (15-й и 16-й) 4-й дивизии, оборонявшей берег р. Белая.

---

[1] Бобров, Уфимская операция (конспект). Краснознаменная ордена Ленина Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе, 1938, стр. 11.

Таким образом, после форсирования и при дальнейшем развитии наступления двум бригадам 25-й дивизии предстояло столкнуться с частями трех белых дивизий.

Переправа 73-й и 74-й бригад началась в полночь (схема 13). Противник сопротивления не оказал. Первыми переправились 217-й

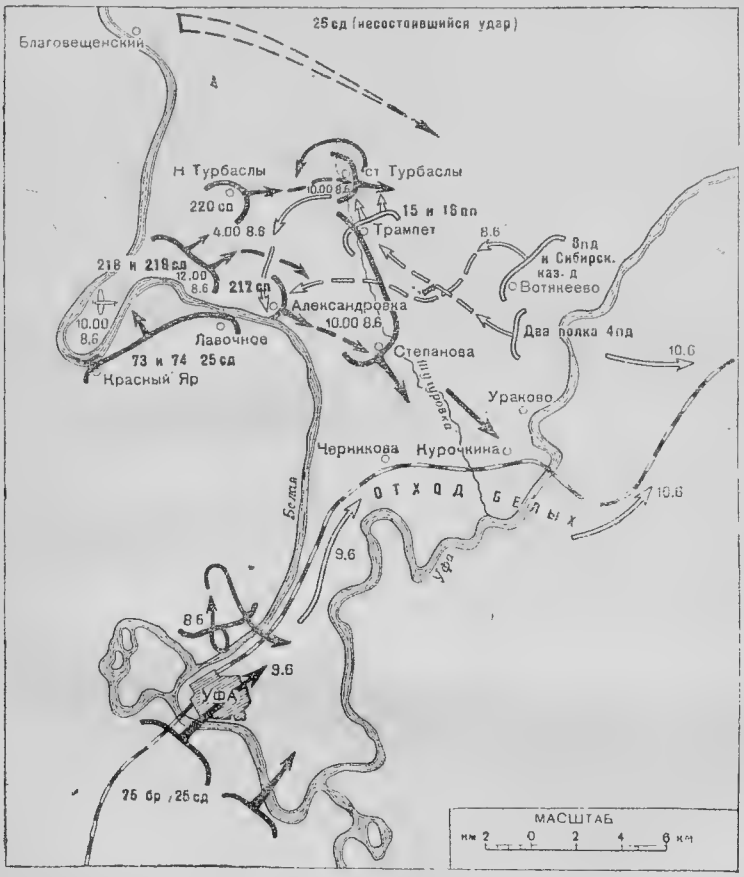


Схема 13

Форсирование р. Белая 25-й стрелковой дивизией и бой на противоположном берегу

Пугачевский и 220-й Иваново-Вознесенский полки. К 2 час. они вышли на рубеж, предварительно занятый и закрепленный разведкой. В 4 часа, после короткой артиллерийской подготовки, полки перешли в наступление. В недолгом бою они разбили 14-й Уфимский полк белых и овладели: 217-й полк — д. Александровка, 220-й — Н. Турбаслы. Теперь в руках чапаевцев был плацдарм 4 *км* по фронту и 8 *км* в глубину. М. В. Фрунзе

приказал начать переправу главных сил дивизии и сам переправился на правый берег.

К полудню на правый берег перешли: 218-й и 219-й стрелковые полки, 3 бронеавтомобиля, 6 легких орудий и сводный конный полк. К переправе подтягивалась 1-я бригада 31-й дивизии. Ее 2-я бригада была направлена М. В. Фрунзе к переправе у д. Дмитриевская (в 10 *км* северо-западнее Благовещенского).

Смененные головными батальонами главных сил, принявшими на себя обеспечение плацдарма, 217-й и 220-й полки продолжали наступление на дд. Степанова и Ст. Турбаслы, куда и вышли к 10 час., расширив плацдарм до 8 *км* по фронту и 10—12 *км* в глубину.

В это время белогвардейцы бросили в бой резерв 4-й дивизии из Вотякеево на Трампет, Н. Турбаслы. 15-й и 16-й полки белых контратаковали 220-й Иваново-Вознесенский полк. Последний под натиском превосходящих сил начал отход на Н. Турбаслы. Обстановка усложнилась еще и действиями белой авиации: до 16 самолетов непрерывно висело над переправами, на которые сбрасывались бомбы.

Туркестанская армия не имела ни истребительной авиации, ни наземных средств ПВО, и воздействие воздушных сил белых чувствительно сказывалось на переправе.

Дальнейшая переправа главных сил задержалась. 220-й полк отходил; 217-й попал под удар с тыла, так как белые заняли д. Александровка.

В этой острой обстановке М. В. Фрунзе личным примером повлиял на ход боя. Он бросил в контратаку против белогвардейцев, занявших Александровку, батальон 219-го полка, а сам направился в 220-й полк. Появление в передовых цепях любимого полководца, которого большинство иваново-вознесенцев знало лично, вызвало небывалое воодушевление. Полк бросился в новую атаку и обратил врага в бегство. Контрудар белых был сорван.

К 14 час. положение было в основном восстановлено. Все четыре полка 73-й и 74-й бригад наступали на фронт Степанова, Трампет, Ст. Турбаслы.

В 16 час. разгорелся новый бой. Опять в воздухе появилась белая авиация. М. В. Фрунзе был контужен взрывом авиабомбы, лошадь под ним убита. В. И. Чапаев был ранен пулеметным огнем с самолета. Теперь в контратаку белые бросили в направлении Степанова, Александровка части 8-й и Сибирской казачьей дивизий. 217-й полк удерживал д. Степанова, но белые обошли ее, вновь овладели Александровкой и устремились к переправам. Опять в частях 25-й дивизии почувствовалось смятение. Но отошедшие к переправам подразделения были быстро собраны командиром 219-го полка и подняты в атаку. Одновременно контратаковал 217-й полк. Белые второй раз за этот день были смяты и отброшены.

К исходу дня 8 июня четыре полка 73-й и 74-й бригад окончательно закрепили за собой рубеж р. Шугуровка. На правый берег р. Белая переправились и остальные два полка — 221-й и 222-й.

Однако положение оставалось напряженным. 26-я дивизия, полностью закрепившаяся на захваченном плацдарме, 8 июня продолжала наступление и овладела Бирском. Штаб 5-й армии не заботился о взаимодействии и не обеспечил связи между 26-й дивизией и ее соседом — Туркестанской армией.

М. В. Фрунзе поставил 25-й дивизии задачу на 9 июня — овладеть Уфой.

Тем временем на 9 июня белогвардейцы готовили контрудар против 25-й дивизии. Об этом намерении В. И. Чапаеву стало известно около 2 час. 9 июня со слов пробравшегося через фронт рабочего — жителя Уфы, сообщившего о движении белых частей.

На рассвете колчаковцы действительно перешли в контратаку силами до пяти полков одновременно. Это была знаменитая «психическая атака», ставшая широко известной благодаря книге Д. А. Фурманова «Чапаев» и одноименному кинофильму. Белые шли в контратаку густыми цепями, без выстрела. Чапаевские подразделения не дрогнули; изготовившись, они встретили врага организованным ружейно-пулеметным огнем. Атака врага захлебнулась и была отбита с большими потерями для белогвардейцев.

Опять на фронте 73-й и 74-й бригад завязались упорные бои.

75-я бригада 25-й дивизии 8-го и с утра 9 июня пыталась форсировать р. Белая под Уфой, но безуспешно: огонь артиллерии противника срывал все ее попытки переправиться.

Тяжелая обстановка на участке 25-й дивизии и угроза охвата флангов 73-й и 74-й бригад заставили М. В. Фрунзе настойчиво просить содействия 5-й армии. Он обращается 9 июня к командующему 5-й армией с телеграммой (№ 0386), в которой просит «...оказать содействие частям 25-й дивизии, находящимся в тяжелых условиях, путем возможно быстрого выдвижения частей 26-й дивизии для активной поддержки со стороны Благовещенский» [1].

К сожалению, эта просьба осталась без существенных последствий. Командующий 5-й армией еще раньше нацеливал 26-ю дивизию вовсе не в направлении действий Туркестанской армии, а наоборот — на северо-восток (на Явгельдин). 9 июня он приказал правофланговой 3-й бригаде 26-й дивизии оказать содействие 25-й дивизии путем наступления на дд. Быкова и Ниж. Изяки (схема 12). Однако это распоряжение запоздало и выполнено не было: чапаевская дивизия справилась

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 168.

с врагом сама, а ее левый фланг и тыл обеспечили 275-й и 276-й полки 31-й дивизии, переправившиеся 8 июня у д. Дмитриевская.

К исходу дня 9 июня 26-я дивизия растянулась на широком фронте Дмитриевская, Никольская, Богородское, Николаевка, Бурнова, группируя свои основные силы в районе Бирска и тракта на Явгельдин. Практически она не могла действовать совместно с Туркестанской армией. Взаимодействие армий, нарушенное командующим фронтом еще 10 мая в момент изъятия 5-й армии из состава Южной группы, в период Уфимской операции так и не было достигнуто.

9 июня явилось переломным днем второго этапа Уфимской операции. Во второй половине дня полки 25-й дивизии, окончательно сломив сопротивление врага, перешли в общее наступление. Белые дрогнули и начали отход.

73-я бригада наступала от д. Степанова на д. Курочкина и около 19 час. достигла железной дороги на участке Черникова, Курочкина (схема 13). Пути отхода из Уфы были перерезаны. Но враг еще раньше почувствовал угрозу своему тылу и обратился в бегство. Оперативная сводка штаба Туркестанской армии за 9 июня отмечает, что «...некоторые части противника бежали в панике, обозы неслись карьером по дорогам»[1].

Этим воспользовалась 75-я бригада. Около 15 час. ее разведчики обнаружили отход белых. 223-й и 225-й полки быстро переправились через реку и вскоре вступили в Уфу, почти не встретив сопротивления. К вечеру город был окончательно занят Красной Армией.

Успех 25-й дивизии был полным, но оказался оплаченным очень дорогой ценой: дивизия за 2 дня боев — 8 и 9 июня — потеряла до 2 000 человек. Потери врага достигли 3 000 человек.

Таким образом, 9 июня существенная часть плана М. В. Фрунзе — занятие г. Уфа и разгром оборонявшего район Уфы противника — была выполнена. Но это еще не означало выполнения плана операции в целом, поскольку на правом фланге за эти дни части Туркестанской армии не добились ни малейшего успеха.

В ночь на 8 июня 24-я дивизия предприняла попытку переправиться по пловучему мосту у д. Тюкунева (схема 12). Но быстрое течение реки сорвало мост, и восстановить его под огнем врага не удалось. Внезапность была потеряна, повторная попытка 1-й бригады 24-й дивизии переправиться в 3 часа 9 июня опять была сорвана сильным огнем врага. 1-я бригада 2-й стрелковой дивизии и не начинала переправы, ожидая успеха соседа. «Ударная группа» начальника 24-й дивизии

---

[1] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4. д. № 96, лл. 78—80. Оперативная сводка в дополнение к № 193.

своей роли не выполнила и не сумела реализовать замысел М. В. Фрунзе.

Переправой 25-й и 31-й стрелковых дивизий и занятием г. Уфа был завершен второй этап Уфимской операции. Туркестанская армия переходила к третьему и последнему ее этапу — завершению переправы остальных соединений армии и уничтожению сил врага на правом берегу реки.

Форсирование р. Белая и бои 25-й дивизии 8—9 июня богаты поучительным тактическим опытом. Большого внимания заслуживает факт начала переправы передовых подразделений по инициативе низовых командиров и удержание разведкой 73-й бригады занятого рубежа на берегу противника. Хорошо была организована ночная переправа передовых частей 25-й дивизии и их наступление на рассвете 8 июня с рубежа, занятого разведкой. Следует отметить упорство и активность, проявленные чапаевцами как при отражении контратак белых, так и при поддержании непрерывности переправ под огнем авиации врага. В результате, несмотря на численное превосходство белых и их большую свободу в выборе и осуществлении маневра, 25-я дивизия добилась замечательной, быстрой и полной победы. Большую роль в этой победе сыграли личное руководство и пример М. В. Фрунзе и В. И. Чапаева.

Третий этап операции 10—19 июня

На заключительном этапе Уфимской операции отразилось ухудшение положения на Южном и Петроградском фронтах. 30 мая Деникин объявил о своем подчинении Колчаку и признании Колчака «верховным правителем России» и верховным главнокомандующим белыми армиями. Наступление белых на юге ширилось и угрожало важным жизненным центрам Украины. Деникинские войска 1 июня заняли Бахмут, 10— Бердянск, 14 — Купянск. Деникинщина становилась все более и более опасной для советской власти.

Резко ухудшилось также положение в Прибалтике и на Петроградском фронте. 13 июня вспыхнул белогвардейский мятеж на форту «Красная Горка». 16 июня в Петрограде был раскрыт контрреволюционный заговор «Национального центра».

В то же время, благодаря победам Южной группы М. В. Фрунзе, в общем положении Восточного фронта произошел решающий перелом.

Наступление теперь уже развивалось не только южнее, но и севернее Камы. 2-я армия еще 4 июня вышла к Каме севернее устья р. Белая. Перспективы борьбы за Урал были весьма благоприятны. Лишь на крайнем южном фланге фронта — под Уральском, осажденным белоказаками, положение оставалось напряженным. Но в целом Восточный фронт

в результате мероприятий партии и побед Южной группы М. В. Фрунзе теперь мог не внушать советскому главному командованию тех опасений, которые он вызывал еще в мае.

И вот в этих-то условиях Троцкий потребовал перехода к обороне на западном берегу Белой и Камы вместо того, чтобы добиваться скорейшего разгрома Колчака.

Совершенно иначе ставили вопрос В. И. Ленин и И. В. Сталин. Они считали возможным и необходимым продолжать наступление на Восточном фронте до полного разгрома Колчака. Вместе с тем, учитывая обострение положения на юге и под Петроградом, они сочли возможным снять часть сил с Восточного фронта и перебросить их на Южный и Петроградский фронты; при этом они указывали, что усиление нажима на Колчака должно сочетаться с подъемом на борьбу рабочего населения Урала.

В дни борьбы за Уфу Ленин трижды обращается к Реввоенсовету Восточного фронта по этому вопросу. В телеграмме от 6 июня он предупреждает: «Положение на юге так тяжело, что едва ли сможем дать вам пополнения. Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения» [1].

В следующей телеграмме, от 9 июня, Ленин прямо говорит о необходимости переброски части сил с Восточного фронта на Южный и Петроградский:

«Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляет нас еще и еще брать войска с Вашего фронта. Иначе нельзя. Вам надо перейти к более революционной военной работе, разрывая привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов вроде Мотовилихи, Миньяра, обещая отпустить, когда возьмут их. Ставя по два и по три человека на одну винтовку, призывая выгнать Колчака с Урала, мобилизуйте 75 процентов членов партии профсоюзов. Иного выхода нет, надо перейти к работе по революционному» [2]

Наконец, в третьей телеграмме, от 11 июня, Ленин вновь сообщает о катастрофическом положении под Петроградом и настаивает на необходимости переброски туда войск [3].

Но все эти указания Ленина предполагали выделение сил для Петроградского и Южного фронтов отнюдь не за счет прекращения активных действий против Колчака, а наоборот — одновременно с продолжением этих действий.

Такой же точки зрения, прямо противоположной «директивам» предателя Троцкого, придерживался и товарищ Сталин. В «Записке по прямому проводу В. И. Ленину из Петрограда»

---

[1] Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 12.
[2] „Правда" от 21 января 1937 г.
[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 877, изд. 3-е.

от 18 июня товарищ Сталин пишет: «По сравнению с Колчаком генерал Родзянко представляет муху, ибо у него нет ни хлеба в тылу, ни пространства для отступления, ни достаточного людского материала... Поэтому **ни в коем случае** не следует брать с Востфронта такое количество войск для Петроградского фронта, которое могло бы вынудить нас приостановить наступление на Востфронте» [1].

В соответствии с указаниями Ленина и Сталина главком поставил перед Восточным фронтом задачу немедленного выделения сперва двух, а затем еще одной дивизии.

Необходимость снятия части войск с Восточного фронта была очевидной и не подлежала ни малейшему сомнению, причем Ленин и Сталин конкретно указывали источники тех сил, которые могли заменить перебрасываемые на юг и под Петроград войсковые части. Фрунзе, разумеется, понимал эту необходимость. Но он никак не предполагал, что в момент наибольшего напряжения боев на Уфимском направлении основная тяжесть выделения сил будет возложена командованием Восточного фронта именно на Туркестанскую армию, от действий которой зависело теперь освобождение Среднего Урала. А между тем была полная возможность выделить эти силы за счет второстепенных участков фронта (за счет других армий). Командование фронта сознательно этого не сделало.

На следующий день после занятия Уфы, 10 июня, М. В. Фрунзе отдал приказ (№ 0390), устанавливавший план завершения Уфимской операции.

От Туркестанской армии в целом приказ требовал «...окончательно очистить от противника и закрепить за собой Уфимский район», для чего армия должна была форсировать р. Белая на своем правом фланге и р. Уфа — на левом и выйти, в конечном счете, на линию Сейт-Бабина, Таишева, Каварды, Тереклина, Узунларова, Сред. Лемезы, Ниж. Лемезы, г. Бака, Юрьевский, Каз. Твердышева (схема 12).

Приказ оставлял перед группой начальника 24-й дивизии прежнюю задачу, лишь несколько уточняя ее детали. На левом фланге группы должна была действовать 2-я стрелковая дивизия, обе бригады которой объединялись с выходом на фронт Узунларова, Сред. Лемезы. 31-я стрелковая дивизия должна была форсировать р. Уфа и наступать на восток, примыкая флангом ко 2-й дивизии. 25-й дивизии ставилась задача сосредоточиться в районе Уфы и севернее города, «...располагаясь ближе к железной дороге, имея в виду предстоящую погрузку эшелонов» [2].

Последняя задача вытекала из решения, принятого М. В. Фрунзе еще ранее: после взятия Уфы перебросить 25-ю дивизию в родные ей Уральские степи, для разгрома белогвардей-

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 262.
[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 169.

ских сил под Уральском [1]. Эта переброска была настоятельно необходима. Положение в осажденном Уральске и Уральской области оставалось исключительно опасным, так как успех противника в этом районе угрожал тылам всего южного крыла Восточного фронта.

Таким образом, 10 июня М. В. Фрунзе спланировал завершение операции, намереваясь выделить из состава армии одну 25-ю дивизию. Но 11 июня он получил приказание командующего фронтом о выделении 2-й стрелковой дивизии для переброски на Петроградский фронт, а в ночь на 14 июня — распоряжение о выделении еще и 31-й «или какой-либо другой» дивизии [2].

В этих условиях протекал третий этап операции. И на этом этапе М. В. Фрунзе связывал успех Туркестанской армии с помощью со стороны 5-й армии. Граница с последней (Благовещенский, Морозова, Каз. Твердышева) была определена штабом фронта так, что правофланговая 26-я дивизия должна была бы, казалось, наступать на восток во взаимодействии с 31-й дивизией. Об этом была достигнута договоренность со штабом 5-й армии, который обещал нацелить 26-ю дивизию в направлении ст. Урмань.

Наступление на фронте Туркестанской армии возобновилось в ночь на 12 июня, когда 3-я бригада 24-й дивизии переправилась у Утяганова. Вслед за ней переправилась 2-я бригада 2-й дивизии, и обе бригады начали развивать наступление на завод Архангельский. Но белое командование бросило сюда все резервы своей Волжской группы, и 13 июня обеим переправившимся бригадам пришлось отойти на левый берег р. Белая.

13 июня реку форсировали в районе д. Курмантаева и Тюкунева 1-я бригада 24-й дивизии и 3-я кавалерийская дивизия. Теперь белогвардейцы направили основное внимание сюда и сосредоточили на этом направлении восемь стрелковых и четыре кавалерийских полка. 14—15 июня переправившиеся части вели тяжелые бои на фронте Зирикова, Усбекова, М. Утяшева. Белогвардейцы были близки к успеху; но в ночь на 15 июня 3-я бригада 24-й дивизии вновь форсировала реку у д. Утяганова, откуда враг отвел свои силы на юг, и стала угрожать тылу Волжской группы белых.

16 июня белогвардейцы, боясь окружения, начали общий отход. Белая была преодолена Красной Армией на всем протяжении.

В разгар этих трудных боев М. В. Фрунзе пришлось снимать с фронта части. 13 июня 2-я бригада 2-й дивизии была заменена 75-й бригадой 25-й дивизии и направлена на по-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 171.

[2] Там же, стр. 172.

грузку; но 3-ю бригаду 2-й дивизии оказалось невозможным вывести из боя до окончания переправы 24-й дивизии. Невыполнимо было также немедленное снятие 31-й дивизии, которая лишь 13 июня могла приступить к форсированию р. Уфа на участке Богородское, Морозова.

М. В. Фрунзе настойчиво просил штаб фронта отсрочить снятие частей, дать ему время хотя бы до 20 июня для завершения разгрома врага, а пока ограничиться отправкой одной 2-й бригады 2-й дивизии [1]. Переброска 31-й дивизии была отложена штабом фронта. Впрочем, обозначавшийся с 16 июня отход врага по всему фронту армии решил исход операции. Белогвардейцы отводили остатки своих сил в предгорья Уральского хребта. Задача Туркестанской армии могла считаться выполненной. И она была завершена без содействия 5-й армии, так и не направившей 26-ю дивизию на ст. Урмань [2].

16 июня М. В. Фрунзе отдал приказ (№ 02032) о выводе 25-й стрелковой дивизии в резерв и переброске ее по железной дороге в район Бузулука [3].

19 июня последовал приказ о расформировании Туркестанской армии. Из ее состава в 4-ю армию была включена 25-я стрелковая дивизия; в 5-ю армию переданы 24-я стрелковая и 3-я кавалерийская дивизии. На Петроградский фронт была отправлена 2-я дивизия и на Южный фронт — 31-я дивизия.

М. В. Фрунзе, закончив операцию, получил возможность целиком заняться исправлением положения на участке 1-й и 4-й армий, где он в короткий срок добился полного успеха.

Итоги операции

Уфимская операция увенчалась победой, хотя и не полной с точки зрения поставленной задачи, так как окружить и уничтожить противника Туркестанской армии не удалось, но все же победой очень крупной по своим последствиям.

В результате удара, полученного на р. Белая, колчаковские части откатились к Уральскому хребту и были настолько ослаблены, что в дальнейшем 5-я армия одна справилась с форсированием Среднего Урала, занятием Златоуста и Челябинска.

С оперативной точки зрения действия Туркестанской армии в Уфимской операции представляют ряд интересных моментов.

К этим моментам следует прежде всего отнести выбор направления главного удара по первоначальному плану операции и его последующее изменение. По замыслу направление движения 24-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизий в тыл противника было правильным. Но это направление было выбрано

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 170
[2] ЦГАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 97, лл. 189—190.
[3] ЦГАКА, ф. 254, д. № 97.

тогда, когда намерения противника были еще не ясны. Фактически в 1-м этапе операции (при подходе к р. Белая) обстановка сложилась так, что главный удар Туркестанской армии пришлось перенести на левый фланг, где и разыгрались решающие события операции.

Оценив заново обстановку в ходе операции, М. В. Фрунзе направил все свое внимание на левый фланг армии, где и сумел в короткий срок добиться успеха.

Учитывая некоторую медлительность в действиях войск, нельзя не отметить те трудности, которые пришлось преодолеть войскам Туркестанской армии. Ее дивизии наступали почти беспрерывно, начиная с 28 апреля, и прошли огромный путь от Волги и Бузулука до Уфы без смены и без крупных пополнений. Река Белая была форсирована без штатных переправочных средств. Противник все еще действовал активно, даже пытался наносить контрудары, и силы его почти не уступали силам Красной Армии; на участках решающих боев, например, против 25-й дивизии, колчаковцам удавалось сосредоточить даже превосходящие силы.

Известные трудности вытекали и из отсутствия взаимодействия между Туркестанской и 5-й армиями. Фронтовое командование проявило себя в этой операции крайне отрицательно. Вместо координации действий соседних армий и соподчинения их планов общей цели мы видим назначение расходящихся операционных направлений и полное пренебрежение к задаче согласования усилий. В этом отношении изъятие из подчинения М. В. Фрунзе 5-й армии, принесшее печальные последствия еще в период Белебейской операции, продолжало весьма отрицательно влиять и на ход Уфимской операции.

Положительным в Уфимской операции, безусловно, является опыт управления войсками со стороны М. В. Фрунзе. В описываемый период гражданской войны, в силу значительной ширины фронтов, маневренности операции и малой подвижности органов управления, штабы нередко отрывались от войск на значительные расстояния. Так, штаб 5-й армии во время форсирования р. Белая находился в Бугульме — за 200 *км* от реки. Фрунзе же заблаговременно перенес свой штаб в Чишму — за 40—50 *км* от важнейшего участка переправы.

Такое приближение штаба к войскам сыграло крупную положительную роль, повысило оперативность управления. М. В. Фрунзе лично выехал на решающий участок и, когда потребовалось, сам перешел с войсками на правый берег, а в критический момент боя личным примером увлек войска к победе. Оперативность и гибкость управления М. В. Фрунзе позволили ему непосредственно влиять на ход операции, правильно определить кризисный момент ее развития и организовать победу.

Особенно ценным для Красной Армии был тактический опыт Уфимской операции — опыт форсирования крупной водной преграды. Многое в этом опыте сохраняет свое значение

и для современности: например, выбор участков переправы, активная боевая разведка, широкая инициатива в использовании местных переправочных средств, захват и закрепление плацдармов, меры отражения контратак, поддержание непрерывности переправ, ввод вторых эшелонов, смелое и энергичное развитие успеха.

Особенно полезно и поучительно изучение действий 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаева — лучшего соединения Восточного фронта.

М. В. Фрунзе в Уфимской операции сделал все, чтобы выполнить задачу, поставленную лично великим Лениным, и выполнил ее по-большевистски, вопреки всем трудностям.

ГЛАВА VII

ОБЩИЕ ИТОГИ И УРОКИ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

Дальнейший ход боевых действий

(Схема 14)

Контрнаступление Южной группы М. В. Фрунзе положило начало разгрому Колчака. Его стратегические последствия были огромны. Менее чем за 2 месяца наступления обширная область южнее Камы и до Оренбурга, между Волгой и Уральским хребтом, была полностью очищена от белых. Войска Южной группы прошли с боями по направлению от Бузулука до Уфы свыше 350 *км*. В наступление перешел и фронт севернее Камы. Белогвардейским армиям был нанесен непоправимый урон. Общие потери белых войск южнее Камы за период нашего контрнаступления составили 25 500 человек, потери Красной Армии — 16 000 человек. В настроениях колеблющейся части среднего крестьянства, ранее выжидательно относившейся к Колчаку, произошел решительный перелом в пользу советской власти.

В военном отношении контрнаступление Южной группы заложило основу последующих наступательных операций Восточного фронта. Завершение Уфимской операции позволило немедленно приступить к форсированию Уральского хребта.

Наступление на Урал началось после 20 июня. Оно проводилось тремя советскими армиями (5-й, 2-й и 3-й). К этому времени уже пять дивизий было снято с Восточного фронта и переброшено на Петроградский и Южный фронты. Но наступательная сила частей Восточного фронта не ослабевала. Население Урала встречало Красную Армию восторженно, в ее ряды вливалось рабочее пополнение. В то же время в армии Колчака шел быстрый процесс разложения, а его тыл все шире охватывало партизанское движение и революционные восстания рабочих и крестьян.

Крупную роль в форсировании Уральского хребта сыграла 5-я армия. Ее наступление началось с рубежа р. Уфа 24 июня. Ударная группа (две бригады 26-й дивизии и 27-я дивизия),

действуя двумя колоннами, успешно преодолела р. Уфа и, двигаясь малодоступными горными проходами, неожиданно для белых вышла на Уфимское плоскогорье. Здесь с 1 по 6 июня происходили упорные бои 26-й и 27-й дивизий против 12-й и 4-й дивизий белых. В этих боях белые потерпели полное поражение.

Между тем наступление стремительно развивалось и севернее Камы. 4 июля 2-я армия заняла Красноуфимск. После некоторого перерыва и подтягивания резервов 5-я армия 10 июля вновь перешла в наступление с линии рр. Ай и Арша, нанесла удар на Златоуст и заняла его 13 июля. 14 июля части 2-й армии вошли в Екатеринбург.

Таким образом, в итоге 20-дневной операции по форсированию Уральского хребта белые потеряли не только этот важный рубеж, но и два крупнейших железнодорожных узла, всю уральскую промышленность с большими военными заводами, массу ценного имущества, продовольствия и т. д.

Дальнейшие попытки сопротивления Колчака были лишь конвульсиями его гнилой, умирающей диктатуры. Наиболее серьезной такой попыткой была Челябинская операция белых. Реорганизовав свои армии (1-я и 2-я армии генерала Дитерихса, 3-я армия генерала Ханжина), белые бросили под Челябинск последний резерв — три еще не вполне сформированные сибирские дивизии (11-ю, 12-ю и 13-ю). Колчаку нужно было во что бы то ни стало добиться успеха, чтобы восстановить пошатнувшееся доверие интервентов.

Замысел белых заключался в вовлечении Красной Армии в «мешок» под Челябинском и нанесении фланговых ударов. Исходя из этого красиво разрисованного на бумаге плана, белые пошли на добровольное оставление Челябинска, но не учли качества своих войск и Красной Армии, что и привело их к поражению.

Восточным фронтом в этот период (с 13 июля по 14 августа) командовал М. В. Фрунзе.

Против Челябинской группировки противника действовала одна 5-я армия (четыре дивизии). 3-я армия наступала от Екатеринбурга на восток, на фронт Шадринск, Туринск. 2-я армия к этому времени была расформирована.

Правофланговые армии фронта (1-я и 4-я) находились на уступе назад и действовали на юг и юго-восток.

В этой сложной обстановке 5-й армии удалось не только сорвать план белых, но и нанести им, путем умелого маневрирования, крупное поражение.

24 июля 27-я дивизия заняла Челябинск, как будто подставляя себя под удар врага, занесенный с севера; но этот удар не принес белым успеха. Бои 25 июля — 2 августа увенчались полной победой советских войск. К 5 августа противник бежал по всему фронту.

Значение Челябинской операции заключалось в потере белыми важнейшего железнодорожного узла и последней рокад-

ной железной дороги, а также в разгроме их стратегических резервов. Белогвардейцы потеряли 15 000 только пленными, оставили в Челябинске 4 000 груженых вагонов и 100 паровозов. Но еще существеннее было моральное влияние Челябинского разгрома на белогвардейские части и тыл Колчака. Белая армия быстро теряла остатки боеспособности, а революционное движение в колчаковском тылу нарастало с огромной силой.

4 августа 26-я дивизия заняла Троицк, отрезав этим самым сообщения южной группы генерала Белова от основных сил Колчака.

Обстановка, осложнившаяся в это время в Туркестане, а также начавшийся отход группы генерала Белова на юг вызвал образование особого Туркестанского фронта (13 августа) под командованием М. В. Фрунзе. В составе Восточного фронта остались 3-я и 5-я армии. Они должны были добить колчаковщину.

Челябинская операция предрешила окончательный разгром Колчака. После нее В. И. Ленин обратился к рабочим и крестьянам с письмом по поводу победы над Колчаком[1].

После взятия Челябинска Красная Армия преследовала белых до рубежа р. Тобол и 15 августа подошла к этой крупной водной преграде.

Здесь колчаковцы попытались в последний раз организовать сопротивление. Они собрали 29 000 штыков и сабель при 60 орудиях (3-я белая армия) против 24 000 и 84 орудий 5-й армии. Роль ударного кулака белое командование возлагало на поспешно сформированный Сибирский казачий корпус (около 7 000 сабель). Но разложение белых войск и революционное движение в тылу, где в это время действовала уже целая повстанческая армия партизан, заранее обрекали попытки колчаковского командования на неудачу.

20 августа 5-я армия форсировала р. Тобол. Лишь под самым Петропавловском белым удалось осуществить свой контрманевр, начавшийся 1 сентября. План их заключался в нанесении удара из-за левого фланга (с юга на север) группой в составе двух пехотных дивизий (4-й и 7-й) и конницы (2 000 сабель).

В течение сентября между рр. Тобол и Ишим разыгрались упорные бои. Они сложились неблагоприятно для 5-й армии вследствие крайне неудовлетворительного руководства операцией со стороны вновь назначенного командующего фронтом. В итоге 5-я армия отошла за р. Тобол. Это вызвало непосредственное вмешательство В. И. Ленина, который потребовал смены командующего фронтом Ольдероге[2].

В августе развернулись операции 1-й и 4-й армий вновь образованного Туркестанского фронта против колчаковской

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 431, изд. 3-е.
[2] Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 15.

Южной армии (ген. Белова), пытавшейся отойти в Туркестан. В результате этих операций, блестяще организованных и проведенных под руководством М. В. Фрунзе, Южная армия Белова была полностью разгромлена. 10 сентября сдались в плен окруженные нашими войсками остатки этой армии численностью до 20 тыс. человек. 13 сентября части 1-й армии на станции Мугоджарская соединились с войсками Советского Туркестана. Отныне прочная связь с Туркестаном была обеспечена; начался период освобождения советских республик Средней Азии от интервентов и белогвардейцев.

Между тем войска Красной Армии готовились к дальнейшим ударам по колчаковцам в Сибири.

За р. Тобол советские части пополнились: в одной Челябинской губернии на призыв добровольно явились 24 000 человек. 14 октября 5-я и 3-я армии вновь успешно форсировали Тобол. После этого началось безостановочное преследование тающих остатков белых армий. 29 октября 5-я армия освободила от белых Петропавловск, 14 ноября — Омск. Дальнейшее преследование осуществляла уже одна 5-я армия. 22 декабря она заняла Томск, 6 января — Красноярск.

Действия партизан, начавшаяся зима и отступление по плохим грунтовым дорогам окончательно довершили разгром белых. Отдельные попытки сопротивления неизменно приводили их к поражению. Так, под ст. Тайга 27-я дивизия почти полностью уничтожила четырехтысячный отряд белополяков, после чего 8 000 польских белогвардейцев-легионеров сложили оружие. Под Красноярском 5-я армия взяла в плен 20 000 человек. Всего же за время преследования колчаковские армии потеряли до 100 000 человек.

Напуганные ростом революционного движения в Сибири, генерал Жанен и чехословаки выдали Колчака «политическому центру», организовавшемуся 5 января 1920 г. в Иркутске. Колчак и его министр Пепеляев были арестованы 15 января. 21 января власть в Иркутске перешла в руки большевистского военно-революционного комитета. В связи с угрозой наступления на Иркутск остатков белых войск (генерала Каппеля) по постановлению комитета в ночь на 6 февраля Колчак и Пепеляев были расстреляны.

В январе и феврале 1-я и 4-я армии, входившие теперь в Туркестанский фронт под командованием М. В. Фрунзе, ликвидировали остатки колчаковских казачьих банд в Прикаспийских степях.

7 марта 5-я армия вступила в Иркутск. Сибирь была освобождена от белогвардейцев; войска интервентов бежали. В апреле была организована Дальневосточная республика, продолжавшая борьбу с японскими интервентами и остатками белых войск.

Кровавая эпопея колчаковщины закончилась полной победой Красной Армии.

Политические итоги контрнаступления

Даже из короткого перечня событий, последовавших после Уфимской операции, становится ясным, что контрнаступление Южной группы М. В. Фрунзе сыграло решающую роль в военном поражении Колчака и в политическом крушении его диктатуры.

Разумеется, было бы неправильно объяснять быструю ликвидацию колчаковщины только военными успехами Красной Армии. В основе поражения колчаковской диктатуры, как и провала всего плана первого похода Антанты против Советской России, лежали более глубокие причины, обусловленные общим победоносным развитием Великой Октябрьской социалистической революции.

«...Красная армия победила потому, что политика Советской власти, во имя которой воевала Красная армия, была правильной политикой, соответствующей интересам народа...»[1] Политические лозунги, под которыми происходило наступление на Колчака весной и летом 1919 г., были определены VIII съездом партии. Это был, прежде всего, лозунг новой политики по отношению к среднему крестьянству — политики «...**прочного союза** с середняком при сохранении в этом союзе **руководящей роли** пролетариата»[2].

«Взятая съездом линия по отношению к основным массам крестьянства, по отношению к середняку, сыграла решающую роль в успешном исходе гражданской войны против иностранной интервенции и ее белогвардейских прислужников»[3].

Правильная политика партии в крестьянском вопросе, противопоставленная колчаковскому режиму нагайки, произвола и возвращения власти помещиков и капиталистов, явилась тем могучим рычагом, посредством которого партия подняла на борьбу против Колчака миллионные массы народа, в том числе массы трудящихся в колчаковском тылу. В. И. Ленин говорил в своем письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком:

«...Чтобы уничтожить Колчака и колчаковщину, чтобы не дать им подняться вновь, надо всем крестьянам без колебаний сделать выбор в пользу рабочего государства»[4].

Такой выбор был сделан: «На Урале и в Сибири рабочие и крестьяне сравнили на опыте диктатуру буржуазии и диктатуру рабочего класса»[5]. Вывод из этого сравнения был окончательным и полным: массы крестьянства решительно поддержали советскую власть, встали с оружием в руках на ее защиту, встали на путь вооруженного свержения власти «омского прави-

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 233.
[2] Там же, стр. 224.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 435—436, изд. 3-е.
[5] Там же.

теля». Эта власть опиралась на силу штыков интервентов и белогвардейцев. Кратчайшим путем к политическому разгрому колчаковщины был путь военного поражения колчаковских армий.

Решительно вступив на этот путь, руководствуясь прямыми указаниями партии и ее вождей — Ленина и Сталина, М. В. Фрунзе контрнаступлением Южной группы армий заложил прочный фундамент победы над сибирской контрреволюцией и интервенцией, предрешив этим разгром основной силы первого похода Антанты — колчаковщины. Без осуществления победоносного контрнаступления в период весеннего наступления Колчака не только были бы невозможными последующие успехи Красной Армии на востоке, но ставилось под угрозу само существование Советского государства.

Если Троцкому и возглавляемой им шайке политических авантюристов и изменников удалось бы осуществить коварный план отхода за Волгу, Колчак соединился бы с Деникиным и вместе с ним угрожал бы Москве. Нечего и говорить, насколько это усложнило бы всю последующую борьбу Советской республики против многочисленных врагов.

Контрнаступление М. В. Фрунзе было п е р в ы м и наиболее мощным ударом по Колчаку, который являлся весной 1919 г. главным и самым опасным врагом советской власти. Контрнаступление Красной Армии дало толчок могучему народному движению масс против Колчака. Таким образом, боевые успехи Красной Армии на фронте слились с революционным восстанием рабочих и крестьян в белогвардейском тылу, что и привело, в конечном счете, к быстрому и решительному разгрому колчаковщины.

Оперативно-тактические уроки контрнаступления

Контрнаступление Южной группы было крупной фронтовой наступательной операцией, проведенной в сложных условиях перехода от обороны к наступлению. Форма этой операции, ее замысел и осуществление заслуживают внимательного изучения.

Прежде всего характерной чертой контрнаступления Южной группы, делающей его опыт ценным и с точки зрения современного военного искусства, является ш и р о к и й м а н е в р е н н ы й х а р а к т е р д е й с т в и й. Природа гражданской войны с ее широкими фронтами, слабо насыщенными войсками, решительными столкновениями и инициативой частных начальников, ярко сказалась в операциях, проведенных М. В. Фрунзе.

Решение на операцию, развертывающуюся на огромных пространствах, на фронте протяжением в несколько сот километров, принималось М. В. Фрунзе в условиях, когда войска обеих сторон находились в непрерывном движении; при этом обстановка резко менялась, иногда в продолжение одних суток.

В таких условиях вопрос о правильном выборе направления удара и района сосредоточения ударной группировки представлял собой задачу исключительной трудности. С этой задачей советское командование справилось блестяще. Фрунзе правильно учел авантюристический, огульный характер наступления Колчака. Западная армия белых уже в конце марта вытягивалась клином в направлении Уфа — Самара. Дальнейшее ее движение к Волге неизбежно приводило к растяжке фланга, ставило белых в уязвимое положение в случае удара Красной Армии с юга на север.

Для осуществления такого удара было прежде всего необходимо прочно удержать район Оренбурга и Уральска и железную дорогу Самара — Оренбург. Отсюда назревало решение: наступать в центре Южной группы, обороняться на правом фланге.

Таким образом, идея контрнаступления полностью вытекала из сложившейся обстановки.

Но откуда и когда нанести удар? Наметив фронт развертывания ударной группы от Михайловского (Шарлык) до Бузулука и приняв решение сосредоточить ударную группу в районе Бузулука, М. В. Фрунзе правильно учел всю совокупность оперативных факторов, причем учел ее в динамике развития наступления белых. Избранное им направление удара не только угрожало флангу и тылу Западной армии, но и приводило к расчленению ее основных сил. Важность выбора направления главного удара еще раз доказана операцией Южной группы.

Но мало правильно избрать направление удара и район сосредоточения. Надо во-время собрать войска для удара. Эта задача достаточно сложна даже тогда, когда в распоряжении фронтового командования есть свободные силы. А как решить ее при отсутствии резервов?

Пример решения этой проблемы М. В. Фрунзе можно без преувеличения назвать классическим. По существу, кроме текущих пополнений, Южная группа в период подготовки контрнаступления не получила никаких новых войск. Но она нашла внутри себя силы и средства для наступления и выделила их в процессе оборонительных операций. Выделение 25-й дивизии, переброска на новое направление Туркестанской армии — мероприятия, доказывающие смелость и широту замысла М. В. Фрунзе.

Итти на оправданный риск создания ударной группировки за счет ослабления, до пределов возможного, сил на второстепенных участках — таково правило, которому учит нас история контрнаступления против Колчака. М. В. Фрунзе проявил не только замечательное предвидение и волю, но и умение подчинять частные интересы общим. Ведь нельзя забывать, что он был прежде всего командующим 4-й армией, а затем уже коман-

дующим Южной группой. Однако он именно из своей 4-й армии взял ядро ударной группы — 25-ю дивизию Чапаева, что ослабило 4-ю армию и усложнило последующую борьбу под Уральском. Частный интерес 4-й армии был смело принесен в жертву высшим, общим интересам.

Само совершение перегруппировки в период подготовки контрнаступления также заслуживает изучения. То обстоятельство, что подчиненность, районы сосредоточения и способы использования войск несколько раз менялись, нельзя ставить в вину штабу Южной группы. Наоборот, опыт учит нас, что при длительных сроках сосредоточения (а эти сроки обусловливались огромными расстояниями и слабостью транспорта) неизбежны непредвиденные изменения обстановки.

Неразумно и вредно держаться раз принятого плана развертывания, если он перестает в каких-либо своих частях отвечать обстановке. Гибкость, проявленная при развертывании ударной группировки, явилась обстоятельством, в немалой степени обеспечившим первоначальные успехи контрнаступления.

То же относится и к управлению в ходе операции.

Войска, участвовавшие в контрнаступлении, действовали в значительной мере самостоятельно. Между ними не было локтевой связи. Их действия объединялись общностью цели и замысла, но не могли жестко планироваться по срокам и рубежам. Это учитывал М. В. Фрунзе, приказы которого имеют преимущественно характер оперативных директив. Эти приказы устанавливают ясную и определенную цель действий, но не стесняют подчиненных в выборе способов достижения цели. Таким образом, твердое управление войсками сверху сочеталось с широкой инициативой частных начальников. Пример обратного свойства дает нам управление командующего 5-й армией. Его попытка жестко управлять дивизиями на втором этапе Бугурусланской операции принесла лишь вред и облегчила врагу задачу вывода живой силы из-под угрозы окружения. И, наоборот, правильно использовал оперативную инициативу В. И. Чапаев. Так, в период боев за Бугульму Чапаев изменил данное командующим 5-й армией направление действий 25-й дивизии, перенес удар на северо-восток и благодаря этому добился разгрома врага у Татарского Кандыза и Секлетарки.

Контрнаступление Южной группы богато также тактическим опытом войск. Исследование его не входило в задачу данного труда, но даже из приведенного материала ясно, что именно отличные тактические действия таких соединений, как 25-я, 24-я и 26-я дивизии, обусловили оперативный успех. Особенно следует выделить действия 25-й дивизии В. И. Чапаева. Начиная от Бузулука и кончая взятием Уфы Чапаевская дивизия все время выполняет основную ударную роль. Она прошла с боями 350-*км* путь, и это был путь непрерывных побед. Действия Чапаевской дивизии проникнуты идеей широкой манев-

ренности. Характерен бой 73-й бригады в апреле на р. Боровка, севернее Бузулука (см. схему 7). Тов. Фрунзе возложил на бригаду задачу прикрытия района сосредоточения ударной группы. Сосредоточение частей еще не было закончено, когда Бузулуку стала угрожать 11-я Уральская дивизия белых. Если бы этой дивизии врага удалось продвинуться на юг за р. Боровка, план М. В. Фрунзе по сосредоточению частей в районе Бузулука был бы сорван. И хотя 73-я бригада имела оборонительную задачу, В. И. Чапаев, лично принявший на себя руководство действиями бригады, решил ее наступательным методом: он сам нанес 11-й Уральской дивизии сильный контрудар и отбросил ее далеко на север, за р. Кинель.

Интересна группировка 73-й бригады в этом бою: сильные ударные кулаки на флангах и слабый заслон (два батальона на широком фронте) в центре боевого порядка. Участь боя была решена ударом правофланговой группы (218-й и 219-й стрелковые и 25-й кавалерийский полки).

Боевое творчество В. И. Чапаева не знало шаблонов. Так, в то время походное движение советских дивизий обычно совершалось в бригадных колоннах (дивизия имела три пехотные бригады по три полка в каждой). Но когда 9 мая 1919 г. 25-я дивизия двигалась к Бугульме и Чапаеву стало известно о встречном движении белых, он построил маршевый порядок на широком фронте, приказав бригадам итти в полковых колоннах. В итоге белогвардейцы сразу были охвачены превосходящими силами красных полков и понесли поражение по частям: в боях 9—11 мая Чапаев последовательно разбил две белые дивизии.

Об инициативе, маневренности и упорстве Чапаевской дивизии свидетельствуют также форсирование р. Белая и бои за Уфу. Форсирование Белой богато ценным тактическим опытом. Правильный выбор участков переправы, инициатива мелких подразделений, широкое использование местных переправочных средств и материалов, умелый захват участков берега противника, борьба за плацдармы и их закрепление, стойкое отражение контратак на вражеском берегу, непрерывность переправы (несмотря на господство противника в воздухе) — все это элементы тактики форсирования, имеющие большое значение и в современных условиях.

Основное, чему учит тактический опыт контрнаступления, — это маневренности стрелковых частей и соединений. Дивизии, участвовавшие в контрнаступлении, научились смело бить и преследовать врага, добиваясь его полного разгрома. Это искусство они пронесли затем через всю гражданскую войну как на Восточном, так и на других фронтах республики. «Колчак научил нас строить пехоту...», — указывал впоследствии товарищ Сталин[1].

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 275.

Опыт контрнаступления приводит к тому выводу, что без подвижных войск (в данном случае — без конницы) задачу окружения и уничтожения основных сил врага во фронтовой операции трудно осуществить. М. В. Фрунзе резко ощущал отсутствие конницы. Он неоднократно пытался использовать с решительной целью единственное свое кавалерийское соединение — 3-ю кавалерийскую дивизию, но эта дивизия не отличалась ни подвижностью, ни боеспособностью. В итоге М. В. Фрунзе пришел к выводу о необходимости иметь в руках командующего фронтом сильный маневренный конный кулак.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа над Колчаком была не только победой над внутренней контрреволюцией, над разгромленными революцией, но еще недобитыми эксплоататорскими классами России; это была также и победа над международным империализмом, над реакционными силами Антанты, вдохновившими и организовавшими борьбу внутренней контрреволюции против советской власти.

В решающих сражениях весны 1919 г. на Восточном фронте военное поражение потерпели не только армии Колчака, но и поддерживавшие и скреплявшие их вооруженные отряды Антанты. Разгром колчаковщины означал и провал первого похода Антанты в целом, поскольку Колчаку в планах этого похода отводилась главная роль. «Видя, что Колчак не оправдал возложенных на него надежд, интервенты изменили свой план нападения на Советскую республику» [1].

Успехи военных операций Южной группы Восточного фронта имели поэтому огромное международное значение. Удары советских дивизий по колчаковским войскам поколебали фронт империализма и расшатали зыбкую основу той политической системы закабаления русского народа, которую империалисты пытались построить руками Колчака.

Решающую роль в победе над Колчаком сыграли большевистская партия и ее вожди — Ленин и Сталин, возглавлявшие борьбу советского народа с интервентами и белогвардейцами. Умело и во-время выдвинутые партией политические лозунги борьбы с колчаковщиной, ряд мероприятий, проведенных после VIII съезда партии, и непосредственное руководство операциями Восточного фронта со стороны ЦК партии, Ленина и Сталина позволили поднять на помощь Красной Армии миллионные массы трудящихся Поволжья, Урала и Сибири, ощутивших на себе тяжесть интервенции и реставрации помещичье-капиталистических порядков.

Поражения, нанесенные колчаковским войскам в апреле — июне 1919 г. были также обусловлены правильным военным и политическим руководством Южной группой армий Восточного

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 227.

фронта, которое осуществляли твердые большевики-ленинцы: впервые вступивший на ответственный пост командующего товарищ М. В. Фрунзе и его ближайший соратник, член Реввоенсовета В. В. Куйбышев.

Краткий курс истории ВКП(б) называет М. В. Фрунзе «военным руководителем нового типа» [1]. Он прошел тяжелую школу большевика-подпольщика, которая, по словам К. Е. Ворошилова, «...многое восполнила в пробелах специальных военных познаний этого незаурядного человека» [2]. Он был глубоко образованным марксистом, человеком настоящей большой культуры, видевшим явления войны дальше и глубже многих окружавших его военных специалистов. Именно это помогало М. В. Фрунзе глубоко и верно анализировать военную обстановку, предвидеть ход событий и принимать правильные решения.

Впоследствии Фрунзе указывал, что задача военного предвидения заключается не в том, чтобы «угадать» события, а в том, чтобы понять правильно их общий ход и пути дальнейшего развития. Этой способностью, отличающей подлинного полководца, М. В. Фрунзе обладал в высокой степени. Предвидение, на котором основывался его план контрнаступления Южной группы, может служить блестящим образцом военного мышления, присущего советским полководцам сталинской школы.

«Искусство военачальника должно проявиться в умении из множества разнообразных методов и средств избрать в каждом данном случае наиболее подходящий», [3] — говорил М. В. Фрунзе.

Этому правилу товарищ Фрунзе следовал на практике. В руководстве контрнаступлением он проявил четкость, отсутствие предвзятости, умение правильно оценить обстановку и выбрать соответствующие ей методы действий.

М. В. Фрунзе обладал железной волей, настойчивостью в проведении однажды принятого решения; в то же время он умел прислушиваться к мнениям других и учитывать изменения обстановки, что позволяло ему гибко руководить войсками.

Замечательная черта М. В. Фрунзе — его близость к массам, к бойцам и командирам. Он появляется на решающих участках боя, чтобы личным руководством и примером поднять боевой дух частей, укрепить их веру в победу. В этой близости к массам — секрет личного обаяния Фрунзе, которого все его подчиненные любили и уважали.

Именно такой военный руководитель нового типа нужен был на посту организатора разгрома Колчака. И большевистская партия проявила мудрость и дальновидность, выдвинув М. В. Фрунзе на этот пост.

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 234.

[2] И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе. Партиздат, 1938, стр. 13.

[3] М. В. Фрунзе, Статьи и речи. Воениздат, 1936, стр. 66.

Контрнаступление Южной группы — одна из славнейших операций гражданской войны. Белогвардейцы были разбиты наголову р а в н ы м и по численности силами Красной Армии, перешедшими непосредственно от обороны и отхода к наступлению. Победа была вырвана из рук врага в тот самый момент, когда он считал свое дело уже выигранным. В итоге победы над Колчаком М. В. Фрунзе сразу выдвинулся как один из крупнейших военных организаторов и полководцев нашей эпохи.

Сосредоточивая войска в район Бузулука для флангового удара, предпринимая операцию на Белебей, преследуя колчаковцев к р. Белая и твердо удерживая район Оренбурга и Уральска, Фрунзе выполнял прямые указания партии, директивы Ленина и Сталина. Он проявил не только волю и талант полководца, но и высокое мужество и доблесть воина.

Личные боевые заслуги М. В. Фрунзе в разгроме Колчака были отмечены правительственной наградой — орденом Красного Знамени. Приказ Реввоенсовета Республики № 133 от 8 июля 1919 г. следующим образом характеризует эти заслуги:

«Тов. Фрунзе вступил в командование армиями Южной группы Восточного фронта в трудный период его отхода под напором превосходных сил противника. Руководя 4-мя армиями: 4-й, 1-й, Туркестанской и 5-й, тов. Фрунзе, несмотря на тяжелое положение, в котором находились наши войска, сумел выделить, в период отступления, сильные резервы и сосредоточить мощную ударную группу для нанесения встречного удара противнику. Перейдя, затем, в наступление, армии Южной группы под начальством тов. Фрунзе энергичным и сильным ударом разбили войска противника, шаг за шагом оттеснили его за р. Белую и овладели г. Уфою. В ночь с 7 на 8 июня, во время форсирования 25-й дивизией р. Белой у Красного Яра, тов. Фрунзе лично руководил переправой частей, находясь в передовой линии под огнем противника. Будучи контужен бомбой, брошенной с самолета, остался на переправе и продолжал отдавать распоряжения, пока войсками не была выполнена поставленная им задача» [1].

Деятельность М. В. Фрунзе на Восточном фронте вошла в историю борьбы нашего народа за окончательную победу советской власти, за торжество Великой Октябрьской социалистической революции. Эта деятельность сыграла также серьезную роль в формировании и развитии советского военного искусства гражданской войны. Для войск и командиров контрнаступление Южной группы явилось отличной боевой школой. Лично для М. В. Фрунзе опыт борьбы с Колчаком послужил не только сокровищницей практических навыков управления крупными войсковыми объединениями, но и фундаментом тео-

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 199.

ретических военных знаний, с таким блеском воплощенных им в последующих операциях гражданской войны.

Опыт контрнаступления Южной группы повлиял и на дальнейшее развитие советского военного искусства, в период между гражданской и Великой Отечественной войнами. Эта операция внимательно изучалась и изучается в наших военных академиях, наряду с другими блестящими операциями гражданской войны.

В годы Великой Отечественной войны Советские Вооруженные силы, руководимые величайшим полководцем современности Генералиссимусом И. В. Сталиным, осуществили классические операции стратегического контрнаступления — под Москвой в 1941 г., под Сталинградом в 1942 г. и под Курском в 1943 г. Эти операции проводились в условиях, резко отличных от условий гражданской войны, иными силами и на новой технической базе. Неверно было бы прямо сопоставлять их с аналогичными операциями гражданской войны. Однако нельзя не заметить того общего, что роднит эти операции и позволяет найти известную преемственность между советским военным искусством периода гражданской войны и современности.

С этой точки зрения изучение как контрнаступления Южной группы, так и других выдающихся операций гражданской войны, особенно разгрома Деникина, позволяет нам непосредственно приблизиться к истокам сталинской стратегии и оперативного искусства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Глава I

Иностранная военная интервенция в Сибири и колчаковщина

Интервенция и гражданская война 6
Захват интервентами Дальнего Востока и Сибири 10
Колчак и колчаковщина 15

Глава II

Боевые действия на Восточном фронте в 1918 г. и в начале 1919 г.

Борьба Красной Армии с Колчаком в 1918 г. 23
Общая обстановка весной 1919 г. и план первого похода Антанты . . 29
Обстановка на Восточном фронте и планы сторон 31
Группировка и силы сторон 33
Ход весеннего наступления белых 35

Глава III

Подготовка контрнаступления

Партия организует разгром Колчака 38
Действия на Южном крыле Восточного фронта в феврале—марте 1919 г. 40
Создание Южной группы „большого состава" и разработка плана контрнаступления 45
Организационное и политическое обеспечение контрнаступления . . 50
Обстановка перед началом контрнаступления и уточнение плана М. В. Фрунзе 52
Первые боевые успехи Южной группы 61
Общая оценка положения перед началом контрнаступления 67

Глава IV

Бугурусланская операция

Первый этап операции 28 апреля — 4 мая 70
Второй этап операции 6 — 13 мая 77
Итоги операции 84

Глава V

Белебейская операция

Обстановка к началу операции 86
Планы сторон 90
Ход боевых действий 15—19 мая 92
Итоги операции 94

Стр.

Глава VI

Уфимская операция

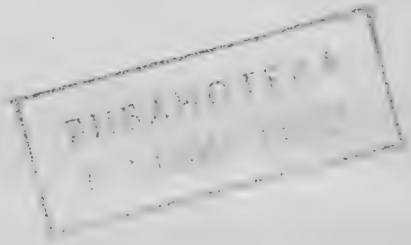
Общая обстановка к началу операции 95
Планы сторон и соотношение сил 96
Подготовка операции 98
Первый этап операции 25 мая — 3 июня 102
Второй этап операции 4 — 9 июня 106
Третий этап операции 10 — 19 июня 115
Итоги операции 119

Глава VII

Общие итоги и уроки контрнаступления Южной группы

Дальнейший ход боевых действий 122
Политические итоги контрнаступления 126
Оперативно-тактические уроки контрнаступления 127
Заключение 131

В книге 14 схем, из них 8 (1, 2, 8, 9, 10, 11, 12, 14) даны отдельным приложением.



Редактор полковник **А. Г. Афанасьев**
Технический редактор **Е. К. Коновалова**
Корректор **В. И. Аркушенко**

Г 13526 Подписано к печати 28.07.49 Изд. № 7/2050
Объем 8½ печ. л., + 2 п. вкл. 10,2 уч.-изд. л., 45 000 зн. в 1 печ. л.

2-я типография Управления Военного Издательства МВС СССР
Зак. №1327

8 руб.

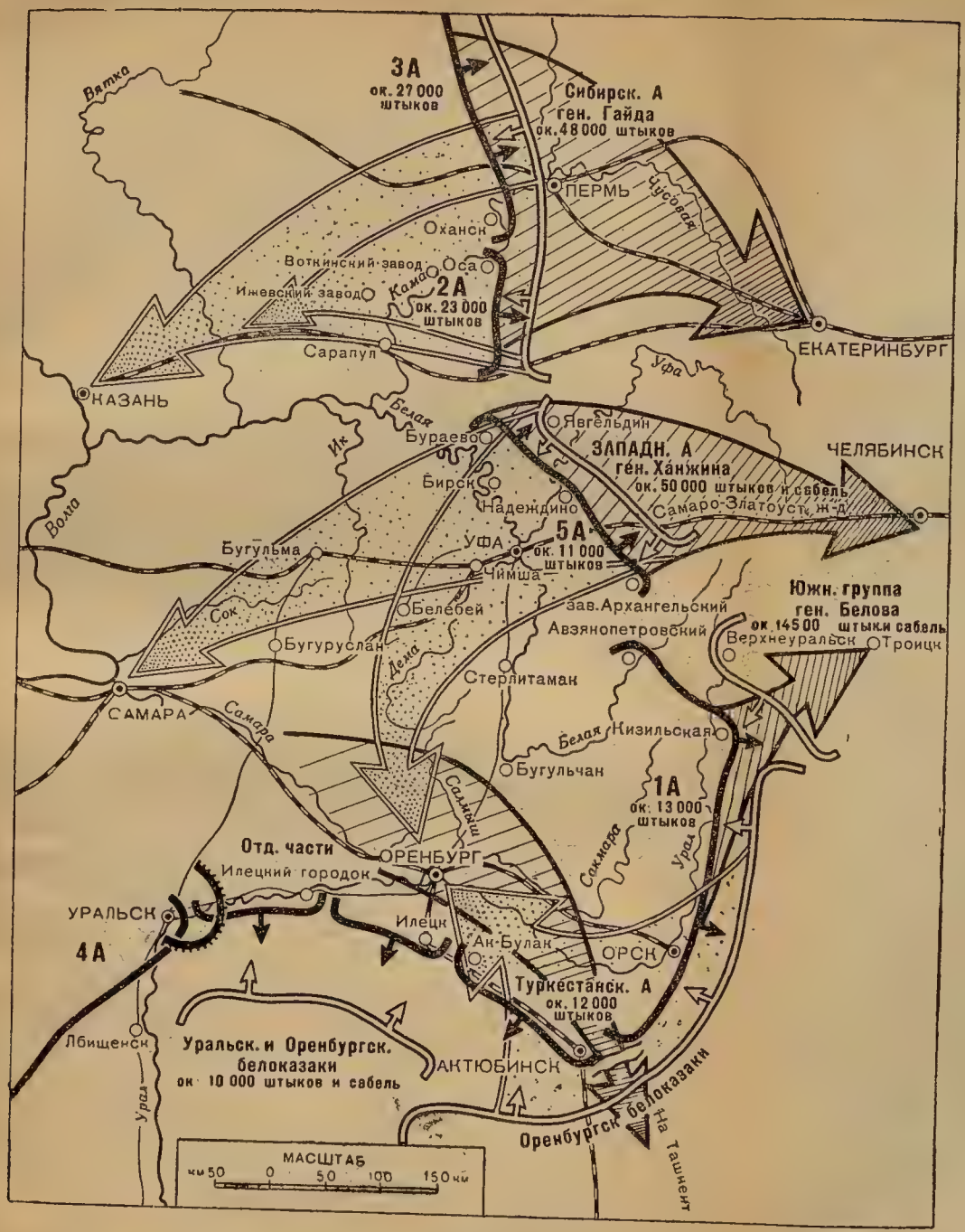


Схема 1

Обстановка на Восточном фронте к концу февраля 1919 г. и планы сторон

Схема 2

Прорыв колчаковцами фронта 5-й армии и общий ход наступления белых в марте — апреле 1919 г.

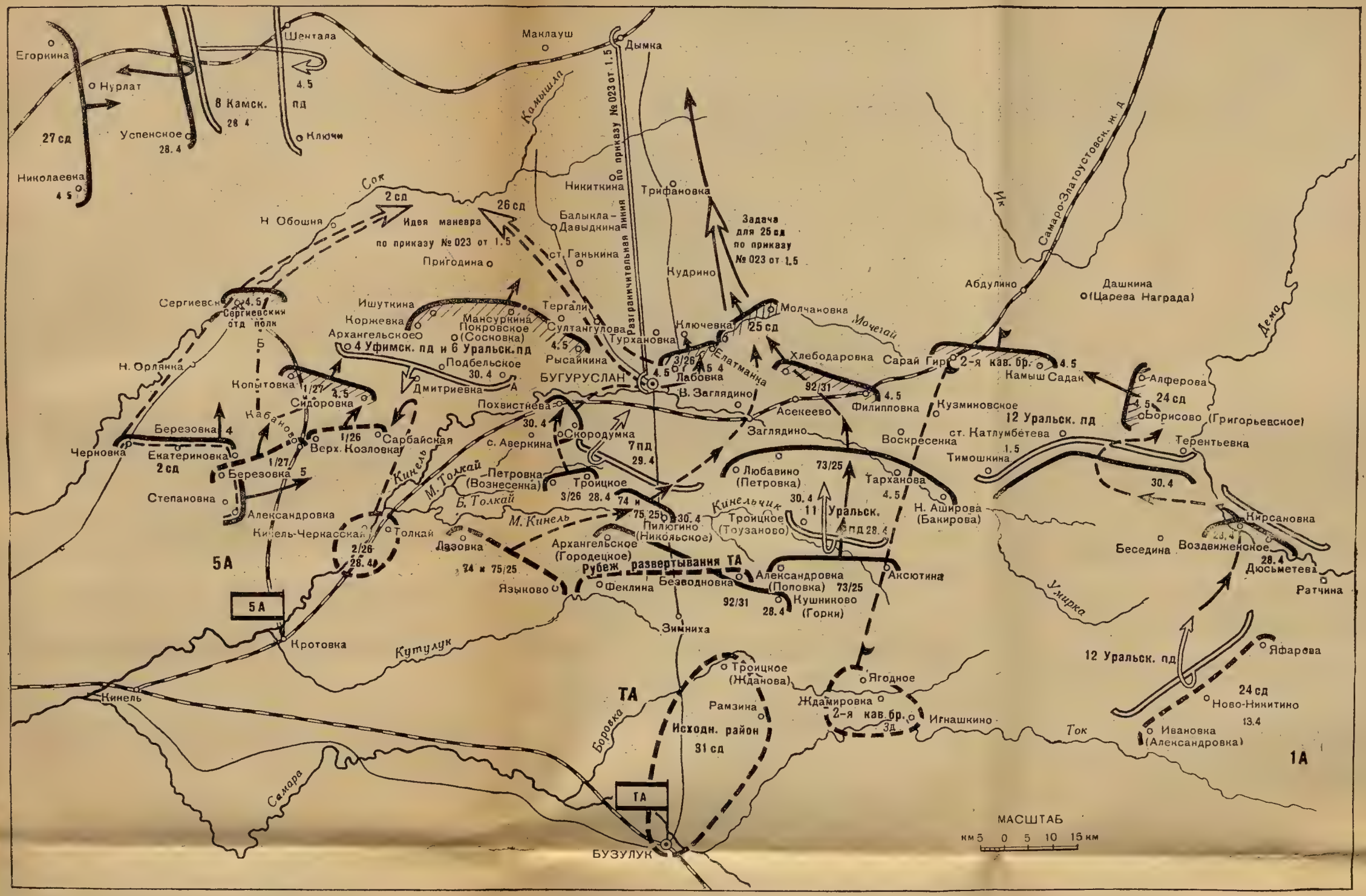


Схема 8

Наступление войск Южной группы в первом этапе Бугурусланской операции (28 апреля — 4 мая 1919 г.)

Схема 9

Наступление войск Южной группы на втором этапе Бугурусланской операции (6—13 мая 1919 г.)

Схема 10
План и ход боевых действий в Белебейской операции

Схема 11

План Уфимской операции и подход Туркестанской армии к р. Белая

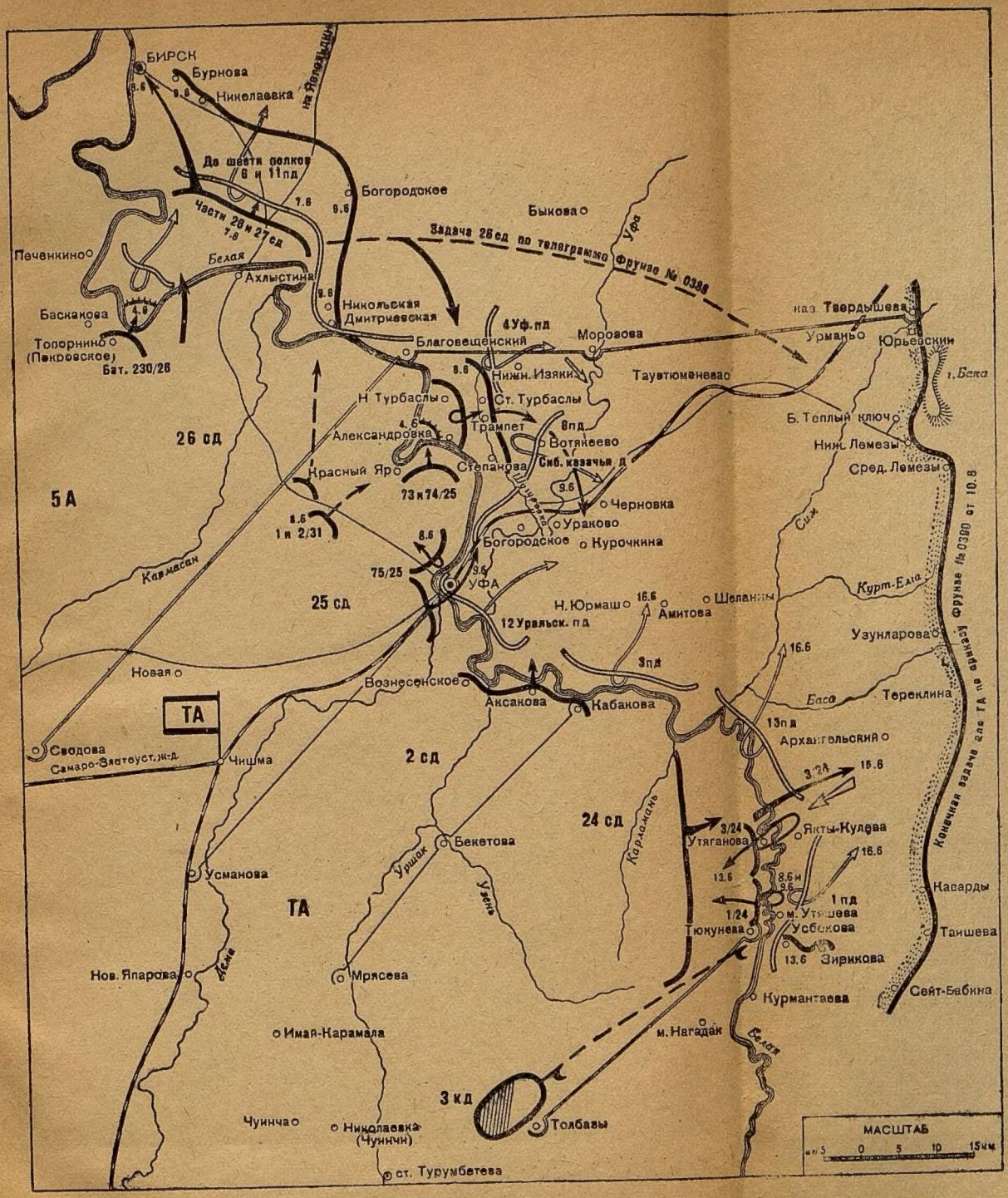


Схема 12

Форсирование р. Белая и завершение Уфимской операции

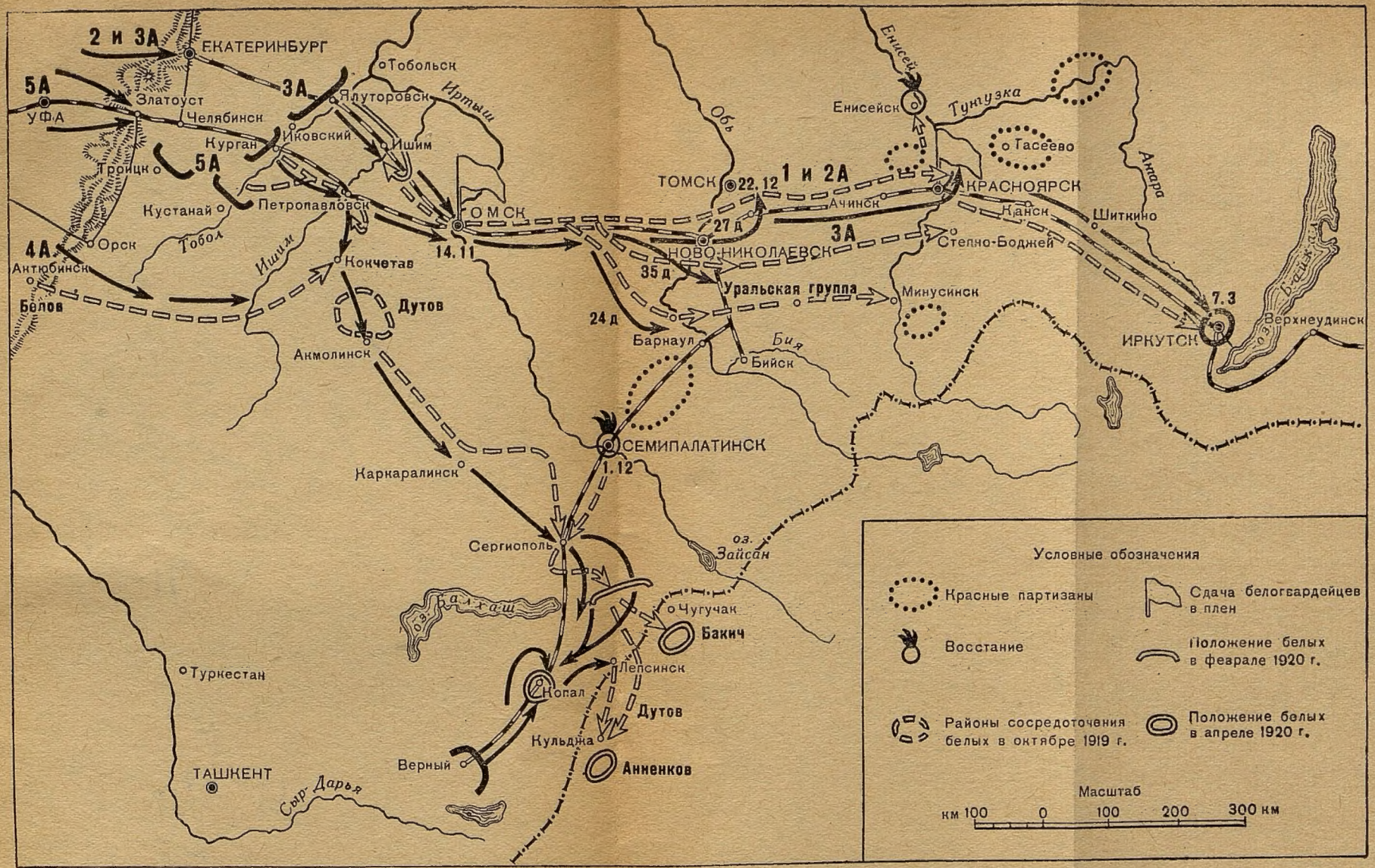


Схема 14

Форсирование Уральского хребта и окончательный разгром Колчака

БИБЛИОТЕКА
Г. ШВМ СССР
11799.

8 керп.
355.48 пр.
Б-79.